Р6 2/292

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

Р6 2/292

А. КОЛЕНКОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 г.г.

ЗИМНЯЯ ОПЕРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ в 1915 году

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

Р6 2/292

А. КОЛЕНКОВСКИЙ

1390

ЗИМНЯЯ ОПЕРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1915 ГОДУ

(с 10 схемами вне текста)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 1301/V
30-I-1928
БИБЛИОТЕКА

Главлит 88374.

Типо-литография Военной Академии РККА им. М. В. Ф
Москва, Зубовская ул., 14. Телефон № 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

А. Введение 7

Б. Общий обзор театра операции 8

Глава I. 12

Оперативные замыслы сторон на 1915 год. Положение фронтов противников. Политическая и экономическая обстановка в Германии и оценка ее германским командованием. Предложение австрийцев. Поддержка австрийских предложений Гинденбургом. Окончательная форма оперативного замысла центрального союза на 1915 год. Доклад ген.-квартирмейстера Данилова. Доклад нач-ка штаба юго-западного фронта. Совещание в г. Седлеце. Окончательное принятие решения Ставкой. План Гинденбурга для удара в Вост. Пруссии.

Глава II. 29

Состояние 10-й русской армии в декабре и январе 1914 - 1915 гг. Расположение и численное соотношение сил противников. Оценка расположения 10-й армии. Опасения командующего 10-й русской армией. Мероприятия на случай вынужденного отхода. Недовольство фронта пассивностью 10-й армии.

Глава III. 36

Положение на фронте III-го арм. корпуса. Тревоги фронта за правый фланг. Мнение командующего армией. Организация Ласденененской операции. Первый период ее. Второй период—после перегруппировки. Указания командующего армией 25/7-го февр. Появление германских 5-й пех. гвард. бригады и частей XXXVIII-го корпуса. Вынужденный отход Епанчина и конницы Леонтовича. Заключение.

Глава IV. 47

Директивные указания фронта 12-й армии. Соображения командующего 12-й армией. Разведка на левом фланге III-го Сибирского корпуса. Сосредоточение ударной группы 8-й германской армии. Бои у Иоганисбурга. Дальнейшее продвижение немцев. Оценка обстановки армией и приказ об отходе. События 27/9-го февр. в III-м арм. корпусе. Мероприятия армии и фронта для обеспечения левого фланга.

Глава V. 57

Первые мероприятия фронта в связи с наступлением немцев. Указание Сиверса III-му арм. корпусу на 28/10-е февр. События в III-м арм. корпусе в течение 28/10-го февр. Обстановка к 14 часам

стр

28/10-го февр. Занятие Вер жболовской позиции. Запоздалый приказ Сиверса об отходе. Отход XX-го и XXVI-го арм. корпусов. Отход III-го Сиб. корпуса. Бой на передовой позиции у Лыка. Заключение.

Глава VI. . . . . .

События в III-м арм. корпусе 29/11-го и 30/12-го февраля. Положение немцев к вечеру 28/10-го февр. Положение XX-го арм. корпуса к утру 29/11-го февр. Решение Сиверса отойти. Указание фронта держаться на линии Лык, Козлова-Руда и изменение решения Сиверса. Бои в III-м Сиб. корпусе. Директивы фронта 29/11-го февр. Распоряжения армии 29/11-го февр. Возражения фронта. Переговоры с фронтом 29/11-го февр. События 29/11-го и 30/12-го февр. в XX-м и XXVI-м арм. корпусах. Указание команд. 10-й армии в связи с обходом немцами у Просткена. События 29/11-го и 30/12-го февр. в III-м Сиб. корпусе. Заключение.

Глава VII. . . . . .

Положение корпусов к утру 31/13-го февр. Директива армии корпусам на случай перерыва связи. Оценка ее. Разрешение фронта отходить на линию Осовец, Липск, Сопоцкин, Олита, Ковно. Точка зрения армии на относительную важность флангов. Оценка точки зрения армии. Отход корпусов. Бои в XX-м арм. и III-м Сиб. корпусах. Обход у Райгрода. Приказание о переходе в наступление III-м Сиб. корпусом с 28-й пех. дивизией. Оценка этого приказа. Истинное положение немцев к вечеру 31/13-го февр. Просьба XX-го арм. корпуса о разрешении отойти на Августов. Ответ на нее штаба армии.

Глава VIII. . . . . .

Совещание в Августове Радкевича с Гернгроссом 1/14-го февраля. Отход XXVI-го арм. корпуса 1/14-го февр. в районе Юзефово, Пиявно, Яблонске. Решение Радкевича отходить, в виду занятия противником Сейны, и приказание Сиверса XX-му арм. к-су двигаться через Махарце на Гибы. Появление немцев на правом фланге XXVI-го арм. корпуса. Предположение XX-го арм. корпуса об отходе от Сувалок. Фактическая группировка немцев к вечеру 1/14-го февр. Приказание Сиверса № 0160 и заключение по поводу этого приказания. Перерыв связи между XX-м арм. корпусом и штабом армии. Действия XX-го арм. корпуса 2/15-го февр. Указания Радкевича XXVI-му арм. корпусу на 2/15-е февр. Последняя связь штаба армии с группой Радкевича. Отход XXVI-го арм. корпуса 2/15-го февр. Заключение. Перегруппировки фронта.

Глава IX. 1

Бой XX-го арм. корпуса 3/16-го февраля у д. Махарце. Неудавшаяся попытка немцев окружить под Августовом русских. Действия бокового отряда XX-го арм. корпуса. События 3/16-го февраля в XXVI-м арм. и III-м Сиб. корпусах. Отход XXVI-го арм. и III-го Сиб. корпусов в ночь на 4/17-е февраля. Паника в 84-й пех. дивизии. Решение командующего 10-й армии собрать отходящие войска на линии Новый Двор, Ново-Каменная, Штабин. Донесения об обстановке штаба 10-й армии фронту и последнего в Ставку. Необходимость изменения плана фронта. Заключение.

Глава X. 1

Отход главных сил XX-го арм. корпуса в ночь на 4/17-е февраля. Арьергардный бой 209-го пех. полка. Действия бокового отряда Чижова 4/17-го февр. Отход частей XXVI-го арм. корпуса 4/17-го февр. Решение отходить частями XXVI-го арм. корпуса на Штабин. Отход III-го Сиб. стр. корпуса 4/17-го февр. Перегруппи-

СТРАН.

ровка 8-й и 10-й герм. армий и новые их задачи. Движение герм. дивизий 4/17-го февр. Попытка облегчить выход за Бобр отходящих частей. Приказ 10-й армии № 4. Заключение.

Глава XI. 132

Группировка немцев к 5/18-му февраля. Заключение о действиях XX-го арм. корпуса. Обстановка по сведениям штаба 10-й армии к 4/17-му февраля. Сведения, полученные армией 5/18-го февраля. Принятие мер по обороне р. Неман. Сведения о XX-м арм. корпусе 7/20-го февраля. Попытка облегчить выход XX-го арм. корпуса 8/21-го февраля. Заключение.

В. Общее заключение. 147

Источники, послужившие при составлении этой книги . 153

А. Введение.

Операции 1914 года принесли германской империи полное крушение надежд. Подводя итоги результатам прошедших событий, стороны пришли к заключению, что окончание войны отодвинулось на неопределенное будущее.

Фронт на западе застыл: „бег к морю" закончился.

Противники остановились на сплошных фронтах от швейцарской границы до Северного моря. Вместе с тем появились первые признаки начинающейся на западе войны позиционной, войны на истощение, потребовавшей большого напряжения как живой силы, так и технических и материальных средств.

Германская стратегия сокрушения врага на западе и переноса в дальнейшем своих усилий на восток потеряла свою ярко выраженную прямолинейность. На западе не только не были достигнуты успехи, но, наоборот, положение германцев ухудшилось по сравнению с тем, каковым оно было в начале войны.

Неопределенная позиция Италии и Румынии, необходимость скорейшего разгрома Сербии и внутренние экономические условия состояния страны подчеркивали для германского генерального штаба, в лице некоторых влиятельных его представителей, желательность развития операции решающего значения.

На востоке можно было еще в маневренной войне добиться успехов, тем более, что германская армия показала в своей подготовке значительное превосходство над своим восточным противником. Успехи эти были тем более необходимы, так как австрийская армия не могла уже надежно обеспечить Германию от удара русских сил с востока.

На восточном фронте к концу 1914 года напряжение также ослабело: бои на реках Бзуре и Равке хотя и продолжались, равно как и на Карпатах, но все это были бои преимущественно местного значения, и войска сторон к концу года одновременно закрепляли здесь свое положение.

Таким образом, конец 1914 года характеризовался относительно спокойным состоянием фронтов, за которыми, однако, велась напряженная работа как по согласованию политиче-

ских и экономических интересов, так и по подготовке в соответствии с последними предположительных планов на наступающий 1915 год.

Зимняя операция в Восточной Пруссии явилась первым звеном к осуществлению этих предположений, имевших широко поставленные конечные цели решающего значения, в силу чего ее должно рассматривать, как вполне выраженную оперативную идею на ограниченном пространстве, хотя и оказавшую существенное влияние на общую обстановку, но потребовавшую таких жертв как людьми, так и материальной частью, что дальнейшее развитие ее сторонам было не под силу, и все эти так широко задуманные планы остались без выполнения.

Исходя из этого, вполне уместно остановиться на оперативных замыслах сторон на востоке, и хотя они не были осуществлены ни той, ни другой воюющей стороной, однако, самая подготовка к ним, приведшая к операции в Восточной Пруссии, дает поучительный материал,—как оценивали свое положение, учитывали обстановку и сообразно с ней принимали решение русские и немцы; равно высоко поучительно остановиться на способах проведения решения в жизнь, в связи с условиями местности и времени года, так сильно сказавшимися на действиях войск.

Немцы обычно называют эту операцию: „Зимнее сражение в Мазурии“ („Die Winterschlacht in Masuren“), обозначая под этим названием всю совокупность различных боев, объединенных одной оперативной идеей во времени и пространстве. Именно, исходя из такого объединения целого ряда боев, автор предпочитает, в соответствии с принятыми у нас понятиями об операции, назвать свой труд: „Зимняя операция в Восточной Пруссии“ [1]).

Б. Общий обзор театра операции.

Схема № 1.

Театр, на котором развернулись события зимней операции в начале 1915 года, заключал в себе часть территории Гумбиненского округа, часть Сувалкской губ., бо́льшую половину Гродненского уезда Гродненской губернии и весьма незначительную часть Ковенского уезда Ковенской губернии.

Северной и восточной границей его является река Неман, западной—условная линия Ласденен—река Ангерапп—линия Мазурских озер и с юга—государственная граница до Граево, далее—крепость Осовец и река Бобр.

---

[1]) Вследствие отсутствия у автора достаточных материалов и ограниченности размеров книги, автор не мог с должным вниманием остановиться на политических предпосылках, характеризовавших состояние России на рубеже 1414—15 гг. По тем же причинам не освещены вопросы тыла.

Почти в меридиональном направлении указанный театр делился на две части: прусскую и русскую, резко различных между собою. В то время, как первая представляла собой территорию, отличающуюся всеми признаками культуры, прекрасными строениями и густой сетью шоссейных и удобных грунтовых дорог, вторая была полной противоположностью—с убогими деревнями и сравнительно слабо развитыми путями сообщения. Довольно сильно всхолмленная поверхность не составляла никаких затруднений для действий крупных войсковых соединений.

Многочисленные озера, разбросанные в различных направлениях, в соединении со сплошными группами лесов, придавали наибольшее значение в тактическом смысле водным оборонительным линиям и лесам.

Так называемая „Мазурская озерная линия", сыгравшая первостепенную роль в операциях в Восточной Пруссии, состоит из озер: Мауэр, Даргайнер, Летценшер, Добениншер, Левентинер, Спирдинг и Рош. Промежуток между озерами Летценшер и Левентинер запирался Летценскими укреплениями.

Эти озера, в связи с р. Ангерапп, выходящей из озера Мауэр, благодаря конфигурации берегов и местным условиям, создают обороне фронтом на восток преимущественное положение. Реки Шешупа и Неман с рядом массивных лесных групп, местами заболоченных, затрудняют обход Мазурской озерной группы и р. Ангерапп с севера. Немцы все это учли и, опираясь на Мазурскую озерную группу и р. Ангерапп, имели бесспорное преимущество над русскими не только в смысле обороны, но и маневрирования, так как западнее этой линии находилась широко развитая сеть железных дорог, дававшая им почти неограниченные возможности переброски войск.

Следует отметить также линию озер: Шонстаг, Лыкская озерная группа, Шельмент и Райгродское, сыгравших свою роль на левом фланге III-го Сибирского корпуса при отходе из Восточной Пруссии.

Из лесов особенное оперативное значение, по их свойствам, имеют—Августовские, системой Августовского канала разделяющиеся на северную и южную части. Северная часть имеет всхолмленный характер, более плоский в своей западной половине. Между дер. Тартак и гор. Августов тянется ряд больших озер: Близно, Белое, Сервы, Студенично и Сайно; местность между озерами Близно и Белое весьма болотистая и доступна вне дорог только для незначительных отрядов без артиллерии. Южная часть имеет также всхолмленную поверхность, но здесь встречается больше обширных болотистых пространств, из которых особенно значительны болота между дер. Чарны-Брод, Ястржембна, Микашевка и пос. Липск.

Эти болотистые пространства, глубоко вдаваясь в леса, на юге соединяются с болотами реки Бобр, составляя как бы нераздельное целое и позволяя сообщаться только по длинным гатям. Дороги пересекают леса по всем направлениям; в северной части их больше и там они лучше. В общем, Августовские леса в незаболоченных своих пространствах зимой и в сухое время года доступны всем родам войск и могут стеснять свободу маневра лишь крупных войсковых масс, давая тактические преимущества мелким отрядам. Здесь, в этих лесах, разыгрался финал описываемой нами операции.

Климат театра, в общем, мягкий, но подвержен резким изменениям. Внезапные переходы от оттепелей к сильным морозам со снежными вьюгами могут поставить действующие здесь войска в очень тяжелое положение, и если, с одной стороны, морозы сковывают озера, то с другой—колоссальнейшие сугробы снега, заметающие дороги, являются труднодолимым препятствием, стесняющим свободу маневра. Обе стороны в феврале 1915 года полностью испытали на себе это исключительное непостоянство климата.

Немецкая часть жителей, доходящая до 85% всего населения Восточной Пруссии, спешно покинула свои дома, опасаясь репрессий за неприязненное отношение к русским во время операций в августе 1914 г.; некоторая же часть литовского и польского населения осталась на своих местах и относилась к происходящим событиям безразлично.

При повторном нашем наступлении в Восточную Пруссию осенью 1914 г., несмотря на поспешный уход немецкого населения, здесь все же остались значительные запасы особенно фуража.

Русская часть территории, наоборот, отличалась бедностью ресурсов, и на местные средства ни в коей мере рассчитывать было нельзя; на них и не рассчитывали.

На территории России железнодорожные линии от Гродны и Олиты на Сувалки и от Ковны на Вержболово с продолжением на Гумбинен, а также от Белостока на Граево и далее по направлению восточнее Мазурских озер, в связи с крайне ограниченным числом шоссе и дурно содержимыми грунтовыми дорогами,—хотя и обеспечивали необходимый подвоз, но в периоды снежных заносов и распутицы передвижение войск и обозов затруднялось до крайности.

Ковна могла считаться первоклассной крепостью, обеспеченной своими фортами от внезапной атаки открытой силой. Гродненская крепость постройкой не была закончена. Обе эти крепости включали в себе губернские города с большим населением и не имели постоянного гарнизона. Олитские укрепления, состоящие из старых земляных валов, местами оплывших, не были надежным обеспечением переправы у Олиты. Следует отметить еще Козлово-Рудские возвышенности, при-

способленные к обороне: они преграждали пути к Ковне с запада.

Долговременными укреплениями у немцев были единственные—Летценские, запиравшие перешеек между озерами Летценшер и Левентинер. Усиленные всеми средствами современной полевой фортификации, в связи с укреплением всей линии Мазурских озер и реки Ангерапп, они представляли надежный барьер против нашего продвижения с востока в глубь Восточной Пруссии, при обороне их сравнительно немногочисленными силами.

В рассматриваемой нами операции наибольшее значение приобрели:

1) Мазурская озерная линия с продолжением ее по реке Ангерапп и далее к северу лесистыми группами до рек Шешупы и Немана.

2) Лыкская озерная группа с продолжением ее к юго-востоку до Райгрода.

3) Августовские леса со включенными в них озерами и болотами и, наконец,

4) река Бобр со своей болотистой долиной.

На этих рубежах преимущественно фиксировались переломные события операции; прочие условия театра поневоле приводили к развязкам на этих четырех рубежах.

ГЛАВА I.

Оперативные замыслы сторон на 1915 год. Положение фронтов противников. Политическая и экономическая обстановка в Германии и оценка ее германским командованием. Предложение австрийцев. Поддержка австрийских предложений Гинденбургом. Окончательная форма оперативного замысла центрального союза на 1915 год. Доклад ген.-квартирмейстера Данилова. Доклад нач-ка штаба юго-западного фронта. Совещание в г. Седлеце. Окончательное принятие решения Ставкой. План Гинденбурга для удара в Вост. Пруссии.

Схема № 2.

В результате предшествовавших боев на востоке, русские армии и армии их противников к декабрю 1914 года заняли следующее положение: от Вислы по рекам Бзуре, Равке, пересекая Пилицу и далее к югу по реке Ниде и Дунайцу, имея свой левый фланг у Горлицы, были расположены: 1-я, 2-я, 5-я, 4-я, 9-я и 3-я русские армии, имея перед собою 9-ю германскую, 2-ю австрийскую, усиленную корпусом Войрша, 1-ю и части 4-й австрийских армий. На севере, уступом назад, в линию укрепленных Мазурских озер, занятых 8-й германской армией, уперлась 10-я русская армия; наконец, на юге фронт, уклоняясь к юго-востоку, был занят с русской стороны 8-й и 11-й армиями, с австрийской — частями 4-й, 3-й и армии Пфланцера [1]).

Таким образом, русские имели выдвинутый центр, окрыляемый противником с обоих флангов, особенно на севере в Восточной Пруссии.

Войска сторон были распределены по всему фронту довольно равномерно, и только на левом берегу Вислы, на участке до Пилицы, резко обозначался сгусток русских войск (33½ русских дивизий против 25 немецких) — 1-я, 2-я и 5-я армии.

К концу 1914 года обстановка в положении центральных держав ухудшилась. Окончание крейсерской войны вследствие уничтожения большей части немецких крейсеров и связанная с этим потеря колоний оторвали Германию от внешнего мира, и хотя она владела берегами Балтийского и Северного морей, однако, объявленная Англией в ноябре

[1]) Фалькенгайн. Верховное командование в 1914—1916 г. в его важнейших решениях. Карта № 4.

1914 года морская блокада сильно отозвалась на сношениях Германии с нейтральными странами.

Капиталистические объединения в угоду Антанте образовали так называемые „контрольные общества", до крайности стеснившие торговлю с соседними нейтральными странами, Италия приняла позицию, угрожающую Австро-Венгрии, Румыния выжидала, Сербия попрежнему успешно сопротивлялась, не давая возможности беспрепятственного сообщения с Турцией.

Так как Австро-Венгрия и Турция экономически зависели от Германии, то бо́льшая часть тяжести блокады пала на нее [1]). Естественно, что, будучи экономически сильнее, Германия располагала более сильной и подготовленной армией по сравнению с другими своими союзниками, а потому на нее, кроме экономической поддержки, легло также бремя поддержки их и вооруженной силой.

Таким образом, считаясь с создавшимся уже устойчивым положением на фронте и учитывая, что заканчивающих свое формирование внутри страны нескольких дивизий будет недостаточно для решительного наступления ни на западе, ни на востоке,—германское командование могло с решением не торопиться. Возможность затяжной войны заставляла осторожно относиться к расходованию людского материала.

Кроме того, нужно было некоторое время на реорганизацию армии, так как при моральном и техническом превосходствах немецких войск явилась возможность приступить к уменьшению на четверть численного состава боевых единиц дивизий без ущерба для их боевой мощи по сравнению с противником.

В вопросе наибольшей важности фронтов Фалькенгайн безоговорочно отдавал предпочтение западному фронту, как решающему, и в этом отношении расходился с главным австрийским командованием в лице Конрада фон-Гетцендорфа и командованием на востоке в лице Гинденбурга-Людендорфа.

Во второй половине декабря 1914 года австрийское верховное командование вошло с предложением о наступлении германцев из Пруссии в направлении на Седлец и австрийцев правым флангом — через Сан в северном направлении, с целью окружения русских армий. Главная германская квартира забраковала этот план по следующим мотивам: с одной стороны, наступление из Пруссии, имея перед собой сильного противника, с трудом сдерживаемого на линии озер, не сулило успеха, с другой стороны, слишком мало было шансов на удачное проведение операции через р. Сан, считаясь с зимним временем года, отвратительным состоянием дорог, и, наконец, учитывалось то положение, в котором

[1]) Helfferich. I Band. Der Weltkrieg.

находились австро-венгерские войска [1]). Лишним доводом против этого плана было и то, что русские имели полную возможность уклониться из-под удара путем сравнительно небольшого отхода.

Считая, что главный удар необходимо нанести на западе, германское командование к концу года ясно себе не представляло, где именно нужно нанести этот удар, и сходилось с австрийцами только в одном лишь том, что русских нельзя слишком рано оставить в покое, иначе они весной снова зашевелятся.

Между тем, политическая обстановка требовала решений. Италию, занявшую враждебную позицию, можно было удержать от присоединения к Антанте путем территориальных уступок за счет Австрии, и это было жизненным вопросом для Германии, чтобы не лишиться единственной связи с внешним миром. Наконец, германской главной квартире более улыбался удар по Сербии, чтобы занятием Неготинского округа восстановить надежную связь с Турцией; этим она надеялась склонить на свою сторону балканские государства.

Кроме того, чтобы остановить происходившие перевозки русских сил на австро-венгерский фронт, германская главная квартира в лице Фалькенгайна — начальника генерального штаба, потребовала от главнокомандующего на востоке, чтобы он, пользуясь резервами фронта, нанес отвлекающий удар против русского фронта западнее Вислы — в районе р. Пилицы при дружном взаимодействии наличных сил пехоты и артиллерии.

Фалькенгайну не удалось отстоять своего мнения. В январе 1915 года Конрад повторяет свои предложения удара на восток, но уже со стороны только галицийского фронта в направлении на север, для чего войска галицийского фронта должны быть усилены германскими войсками за счет уже имеющихся сил на восточном германском театре и отчасти за счет сил, бывших против Сербии.

К этому времени идея операции против русского фронта между р. Пилицей и Нидой потускнела, так как положение на Карпатах с потерей Ужокского перевала сильно ухудшилось,—путь в Венгрию был открыт, и австрийцы не только не смогли дать обещанные силы на р. Нида, но их самих пришлось поддержать германскими войсками.

Гинденбург поддерживает этот второй план, говоря, что при хорошем руководстве русские будут отброшены за р. Сан

---

[1]) Фалькенгайн пишет: „Сверх того, казалось неправдоподобным, чтобы освободительная операция могла иметь успех в суровую карпатскую зиму. Австро-венгерский фронт на венгерской границе к этому времени был прорван" Фалькенгайн. Верховное командование, стр. 58.

и Перемышль будет освобожден. Посылкой немецких корпусов в Галицию Гинденбург предполагал морально повлиять не только на население и войска, но и на политику стран, в коих был заинтересован центральный союз; считая, что, кроме того, немецкие силы, усиливая правое крыло австрийцев, дадут им необходимую опору.

Поддерживая этот план Конрада, Гинденбург идет еще дальше. Он считает, что удар со стороны Галиции в северном направлении необходимо соединить с решительным ударом в Вост. Пруссии, для чего очередной эшелон мобилизации—четыре новых корпуса, которые должны закончить свое формирование к февралю, надлежит передать на восточный фронт, считая, что „если русские будут охвачены с обоих флангов, то это, несомненно, отразится на их центре, и, мало того, результаты этого поражения отзовутся на положении французов" [1]).

Фалькенгайн был другого мнения: он вообще сомневался в возможности успешно провести, в смысле единства достижений, две операции, разъединенные пространством, слабо занятым, имеющим более чем шестьсот километров, когда для этого в распоряжении германцев имелись лишь относительно ограниченные силы. „Никакой исход, пишет Фалькенгайн, на востоке, как бы он ни был решителен, не мог снять с нас необходимости борьбой достичь решения на западе". Однако, он считал, что непрерывному притоку русских сил на Карпаты необходимо положить предел, иначе в недалеком времени, на ряду с падением Перемышля, мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию. „Вот почему, пишет Фалькенгайн, с болью в сердце, Начальник генерального штаба (Фалькенгайн) должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов, единственного к этому моменту общего резерва".

„Нельзя было питать надежду суметь серьезно поколебать англо-французский фронт при помощи лишь имевшихся в виду новых формирований, пишет далее Фалькенгайн, с другой стороны, однако, не исключалась возможность в позднейшем их применении на западе, освободившись от русской опасности на ближайшее время, если бы только удалось и далее, как это было до сих пор, вызвать врага на сильный расход в людях и материалах" [2]).

В окончательном виде весь план сводился к одновременной атаке русского фронта на венгерской и восточно-прусской границах: армейской группой Конрада из австро-немецких войск в направлении на Тарнополь – Львов, другой немецкой группой Гинденбурга—на Лиду—Гродно, сковывая центр русского расположения одновременным наступлением на фронте.

[1]) Ferster. Graf Schliffen in dem Weltkriege.
[2]) Фалькенгайн. Верховное командование.

Вторичное предложение Конрада, развитое и дополненное Гинденбургом, германской главной квартирой было принято, и восточный фронт получил четыре вновь сформированных корпуса.

Соглашаясь на этот план, германская главная квартира верила в решительный успех против русских и надеялась в марте месяце, по окончании зимних операций, перебросить на запад с русского фронта значительные силы.

Таков был фон, на котором зародилась австро-германская идея операции в Восточной Пруссии. Думаем, что экономические и политические предпосылки сыграли при этом доминирующую роль, так как оправдания Фалькенгайна, высказываемые им в своих воспоминаниях, обоснованы оперативно-непрочно.

Подводя итоги всему сказанному, мы видим, что, захлебнувшись на западе, германцы с их союзниками австрийцами очутились в положении блокированных стран, а политическая и экономическая обстановка сложилась для них неблагоприятно. Австрийская армия—в печальном состоянии, не может предпринимать самостоятельных наступательных операций, требуется помощь Германии (армия Линцингена), между тем у последней в резерве только 4 корпуса.

В этих условиях более чем когда-либо так нужно было централизованное единое руководство; вместо этого, мы находим настоятельные выступления Конрада, расценивающего обстановку с высоты своей колокольни; мало этого, Конрада поддерживает Гинденбург в то время, когда общие интересы, казалось бы, должны были преобладать над частными.

Фалькенгайн, совершенно справедливо считая главнейшим французский фронт, колеблется, и германская главная квартира теряет прямолинейность первоначальной оперативной идеи разгрома прежде всего своих западных противников.

Не веря в возможность успеха путем охвата широкого русского фронта с обоих флангов, Фалькенгайн, уступая Конраду и Гинденбургу, которые видят в своих планах решение войны на востоке, усиливает восточный фронт только четырьмя имеющимися в Германии корпусами. Широко задуманная операция не осуществилась, так как германские силы, собранные против русского правого фланга в Восточной Пруссии, были для такой большой операции слишком слабы, а австрийцы, теснимые своим противником, попали в очень тяжелое положение.

Не заложена ли причина уступчивости Фалькенгайна в тех политических и экономических условиях, в которые попала Германия на рубеже 1914—15 годов, при выясняющейся все более и более вероятности затяжной войны, войны на измор, так как в своем труде он указывает на надежду вызвать у противника „большой расход в людях и материалах“.

Основные предпосылки, из которых исходил оперативный замысел русского командования на 1915 год, изложены в докладе генерал-квартирмейстера при штабе верховного главнокомандующего, Данилова, и докладе начальника штаба юго-западного фронта, Алексеева.

Первый доклад был построен на следующем:

1. так как развитие решительного удара по обоим нашим противникам нам не под силу, нам нужно наметить одного из двух противников, выбрав операционное направление на Вену или на Берлин;

2. операционное направление на Вену (Буда-Пешт) короче, чем на Берлин, и менее подготовлено в оборонительном отношении, но оно ведет к разъединению обоих наших противников, при чем мы будем иметь перед собой противника, уже надломленного предыдущими поражениями, и, следовательно, не дадим ему оправиться;

3. развитие действий на этом направлении, несомненно, должно повлиять на колеблющиеся нейтральные государства: Румынию и Италию и более определенно склонить их на нашу сторону, и, как результат выступления этих государств, возможен даже полный внутренний распад всей австро-венгерской монархии;

4. однако, операционное направление на Вену (Буда-Пешт) имеет несколько весьма крупных отрицательных сторон, а именно: оно бьет по второстепенному противнику, оно невыгодно для наших союзников, требующих удара против немцев. Углубившись в Австро-Венгрию, мы не сможем остановить удар немцев на собственную страну, что для них возможно путем переброски сил с французского фронта. Кроме того, мы не можем разгромить австрийцев в короткий срок, и даже завершение этой операции не будет концом войны, если не будут сломлены к этому времени германцы.

Отбрасывая затем мысль о нанесении главного удара по австрийцам, этот доклад указывает, что:

1. нанесение решительного удара против Германии всегда считалось главной целью, и нет причин отказываться от него теперь;

2. при вторжении в Германию нам придется считаться с рядом затруднений и прежде всего—с сильно развитой сетью железных дорог, дающих противнику широкую возможность переброски сил с одного участка общего фронта на другой. Особенно выгодно для немцев положение, занимаемое по отношению к операционным путям на Берлин Восточной Пруссией, из которой удар может быть нанесен нам не только во фланг, но и глубоко в тыл. „Таким образом, вопрос о Восточной Пруссии считается открытым доныне, между тем, при выборе операционного направления на Бер-

лин он требует категорического решения", так как „едва ли можно вторгнуться в Германию, оставив у себя на фланге и даже в тылу незанятый В.-Прусский район; кроме того, овладение В. Пруссией составляет предмет чрезвычайной важности: война переносится в пределы Германии, неизбежное бегство населения отразится паникой в глубине Германии, и, наконец, овладение Вост. Пруссией явится компенсацией за занятие немцами Привислинского края";

3. при решении этого вопроса необходимо учесть, что только в Восточной Пруссии возможно ожидать тактического успеха над германцами, так как остальной фронт сильно занят противником, и на успех фронтального удара нам трудно рассчитывать;

4. если главный удар будет направлен против немцев, то первой целью нужно поставить овладение Восточной Пруссией, для чего приложить одновременно усилия с фронта Пултуск—Остроленка на фронт Сольдау—Ортельсбург, при чем расположенная в Вост. Пруссии *10-я армия развивает достаточными силами энергичные активные действия на одном из своих флангов, чтобы обеспечить успех одновременностью комбинированного удара.*

Как вариант, предусматривалась возможность развить наступление и со стороны Ковно, в западном направлении, но тут же делалась оговорка, что этим вариантом противнику дана будет возможность уйти на Вислу.

Доклад начальника штаба юго-западного фронта, Алексеева, от 31/13-го января, содержал следующие соображения:

1. вести одновременно две операции: нанести удар немцам и стремиться к окончательному разрушению австрийской вооруженной силы мы не можем за недостатком сил;

2. на Восточно-Прусском театре мы держим большие силы, чем следует, в ущерб главному направлению. Мы должны сосредоточиться на каком-нибудь одном направлении, куда и заставить противника перекинуть свои силы, сдерживая его на второстепенном;

3. главное значение имеет театр левобережной Вислы;

4. ближайшей целью нужно поставить поражение германо-австрийских армий на участке Томашев—Петроков—Новорадомск, что при успехе разрывает фронт неприятеля и выводит в тыл германцам.

Оба доклада, таким образом, рекомендуют наступательный образ действий. Первый доклад первоначальной задачей ставит овладение Восточной Пруссией и намечает в дальнейшем наступление по операционному направлению Варшава—Берлин; второй—первоначальной задачей ставит прорыв на стыке австро-германцев и поражение австро-германских армий, размер коего обусловит дальнейшую постановку задач.

Возвращаясь к первому докладу, мы в нем находим оценку состояния снабжения и укомплектования армий, которая сводилась к следующему:

1. к началу 1915 года русские армии имели некомплект в людях до 500.000, артиллерийских патронов нехватало свыше 200.000 для доведения до нормы подвижных запасов; параллельно необходимо было исправление и других недочетов более мелкого значения;

2. ожидать резкого изменения к лучшему можно было *лишь к апрелю*, когда будет закончено обучение новобранцев 1915 года; к этому же сроку должно закончиться испытываемое затруднение с недостатком винтовок, и ожидалось массовое поступление с заграничных заводов артиллерийских припасов.

Однако,—говорит далее этот же доклад,—если бы противник не вынудил нас к ведению боевых действий в течение ближайшего времени, то уже в феврале положение в этом отношении несколько улучшилось бы: „в ближайшее время крупных операций со стороны противника не предвидится, так как австрийцы, по мнению автора доклада—Данилова, слишком для этого расстроены, а действия германцев находятся в зависимости от их западного фронта, где началось наступление союзников, заверяющих нас, что это наступление будет вестись с возрастающей энергией и упорством", пока же положение на фронте можно считать прочным и может быть названо выжидательным.

В заключение своего доклада ген.-квартирмейстер штаба верховного говорит: „следует отметить, что для выполнения операции по овладению В. Пруссией, повидимому, нет необходимости ожидать полного восстановления боевой готовности всех наших армий, что может быть достигнуто лишь к апрелю. Казалось бы достаточным выждать прибытия всех новобранцев 1914 года (конец января) и некоторого улучшения условий питания нашей армии боевыми припасами, помня, что вся августовская Галицкая операция юго-западного фронта потребовала расхода на круг по 550 снарядов на орудие и при том при безумной интенсивности нашего артиллерийского огня. Таким образом, доведение наших подвижных запасов только до нормы (432 снаряда на орудие) уже даст уверенность в возможности довести намеченную операцию до конца".

„При этих скромных данных мы можем рассчитывать на наступление и захват инициативы в свои руки уже, примерно, с первой половины февраля".

Для всестороннего обсуждения вышеизложенных вопросов в штабе сев.-зап. фронта в г. Седлеце 4/17-го января было собрано совещание, на котором главнокомандующим с.-з. фронтом, Рузским, и его ближайшими сотрудниками было вы-

сказано, что „*безусловно необходимо, как только улучшатся условия некомплекта в людях и обеспечение артиллерийскими патронами, перейти к развитию активных действий, не откладывая их на долгий срок*“, так как длительное сидение в окопах приведет к упадку духа в войсках и усилению противника.

Наиболее отвечающим обстановке и средствам, на которые мы могли рассчитывать в ближайшее время, являлся, по мнению Рузского, удар с фронта Пултуск—Остроленка в направлении Сольдау—Ортельсбург. „Развитие наступательных операций в этом направлении *обещает вывести из бездействия 10-ю армию, расположенную в Восточной Пруссии, в которой до 170.000 штыков.* Это направление ведет к достижению весьма важной цели, каковой является овладение Восточной Пруссией и обеспечение нашего правого фланга от всяких нежелательных возможностей со стороны противника“.

Для осуществления намеченного удара со стороны Пултуска и Остроленки на Сольдау—Ортельсбург (Млавское направление) с.-з. фронт, т.-е. Рузский, считал возможным, в первую очередь, назначить за счет фронта четыре корпуса и 7 кавалерийских дивизий, независимо от того, что во фронтовом резерве останется один корпус и две второочередных дивизии.

В основу совещанием были приняты соображения, изложенные в докладе ген.-квартирмейстера при Ставке, Данилова [1]), и начало операции приурочивалось к первой половине февраля месяца.

Результатами совещания в Седлеце верховный главнокомандующий остался очень доволен и одобрил формирование новой—„12-й армии“, находя, что к нему нужно приступить немедленно. Командующим этой армией был назначен ген. Плеве, на которого была возложена и немедленная подготовка намеченной операции.

Ближайшей целью этой армии ставилось „*вызвать перегруппировку германских сил в Вост. Пруссии в надежде на то, что при такой группировке можно будет обнаружить ослабление германцев в некоторых районах, куда и можно будет направить наши усилия для прорыва неприятельского расположения и дальнейшего развития успеха в этом направлении*“.

Средством вызвать эту перегруппировку считалось „*наше наступление в Вост. Пруссию на Ортельсбург, Вилленберг, Нейденбург, Сольдау и далее прямо на север, так как вторжение в пределы Пруссии в этом направлении несомненно болезненно отзовется в Германии и, по всем вероятиям, мо-*

---

[1]) Покойный А. М. Зайончковский передавал, что он имеет много данных предполагать, что идея этого плана была выработана в штабе Рузского и внушена Данилову. *Авт.*

жет вызвать оттяжку германских сил с левого берега Вислы и, может быть, из района 10-й армии".

Следует попутно отметить то обстоятельство, что ответа на докладную записку начальника штаба юго-западного фронта, Алексеева, от 31/13-го января, содержание коей, в общем, приводилось выше, командование ю.-з. фронтом своевременно не получило. Представителей фронта на совещании в Седлеце не было, и ю.-з. фронт, верный своим первоначальным предположениям, продолжал начатую в половине декабря 1914 года подготовку решительной операции против австрийцев, так как попрежнему считал, что путь к Берлину лежит через Вену [1]).

Так как освещение событий ю.-з. фронта не входит в программу настоящего труда, то в дальнейшем изложении мы их касаться не будем.

Итак, ближайшей целью операций с.-з. фронта окончательно была поставлена задача овладения В. Пруссией при помощи координированных совместных действий *10-й армии в Восточной Пруссии и вновь формируемой 12-й армии,* а самое начало наступления намечалось в первой половине февраля, после некоторого улучшения недочетов боеспособности.

Так как принято было предложение ген.-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего, крайне интересны мысли последнего, поскольку они отражены в его докладе. Здесь разбирается направление на Вену для того, чтобы сказать, что оно для нас непригодно, указывается, что положение наше может быть названо выжидательным, и рекомендуется наступление в Вост. Пруссию. Доклад предусматривает также политические неприятности для Австрии и для Германии, одним словом, здесь предусматривается все, что в таких случаях требовалось от офицера генерального штаба, но нет

---

[1]) А. А. Свечин пишет: „На русском фронте наши сообщения, в силу охватывающего положения Восточной Пруссии и Галиции, находились в трудном положении. Не только нельзя было думать о немедленном вторжении внутрь Германии, *на чем настаивала Франция,* но и всякая операция крупных сил на левом берегу Вислы представлялась крайне рискованной. Прежде чем развивать наступление на запад, нужно было овладеть Восточной Пруссией и Восточной Галицией, выпрямить наш фронт по Висле и Сану от Данцига до Перемышля. Такое положение действительно явилось бы угрожающим, а сообщения были бы прикрыты справа Балтийским морем, слева — Карпатами. Отсюда уже можно было бы думать достигнуть двумя оперативными скачками линии Одера". „Несколько повышенная оценка наших войск и *настояния французов* принудили наш генеральный штаб вести одновременно две операции — в Галиции и в Восточной Пруссии. Несомненно было бы выгоднее, если бы французы давали надежду сколько-нибудь продержаться без нашего содействия, вести превосходными силами наступление в Галиции, что несомненно заставило бы пруссаков или перейти в наступление на Нарев, или добровольно очистить Восточную Пруссию для непосредственной поддержки австрийцев". А. Свечин. Стратегия. 1-ое издание, стр. 289.

одного — правильной глубокой оценки нашего положения, чтобы без всякого самообольщения сказать, что поставленная в самые узкие рамки активности оборона до полного поднятия нашей боеспособности — вот единственно то, что нам нужно на ближайшее время, чтобы поднять свою боеспособность, другими словами, завершить накопление сил.

Первоначальная цель была поставлена узко: *„вызвать перегруппировку“* и совершенно несоответствовала положению, в котором находилась русская армия, так как бедность в железнодорожных и шоссейных путях сообщения не позволила бы в короткое время сосредоточить нужные силы в желаемом направлении, а следовательно, и использовать конечные результаты задуманной операции. Неужели русское командование могло думать, будто вся эта операция будет состоять только в незамысловатом продвижении с целью очищения известного района от мелких частей беспорядочно разбросанного противника. Если же, наоборот, о силах немцев и их способности к маневру имелось достаточно ясное понятие, то, очевидно, пример катастрофы со 2-й армией ничему не научил. Опираясь на укрепленную полосу Мазурских озер и р. Ангерапп, немцы были хозяевами положения, имея все возможности повторения своего Танненберга.

При наступлении в Вост. Пруссию, в условиях необеспеченной боеспособности армий, очевидно, ожидать крупного успеха было нельзя даже и в том случае, если бы действия 10-й и 12-й армий протекали для нас благоприятно. Первоначальные успехи несомненно должны были бы замереть из-за недочетов во всех отношениях, а они не были устранены и в апреле и позже [1]). Между тем, первоначальный успех ценен только в том случае, если есть средства для его развития; в противном случае он ведет только к безрезультатным потерям.

Все недочеты не только не давали возможности русским армиям начать операции раньше лета в широком масштабе общего наступления, но и не позволяли использовать предполагаемые первоначальные успехи, если бы они даже и были достигнуты ранней весной.

Обстановка и сведения о противнике, перед которым русские стояли в Вост. Пруссии, очевидно, были неясны и

---

[1]) 20-го июля 1915 г. Беляев, начальник русского генерального штаба, говорил Палеологу, французскому послу в Петрограде: „Мы не можем изготовить более 24.000 снарядов в день. Это мало и жалко для фронта такого напряжения! Но наш недостаток в винтовках меня беспокоит еще больше. Представьте, во многих полках пехоты, которые участвовали в последних боях, по крайней мере, треть людей не имеет винтовок. Несчастные терпеливо ожидают под шквалом шрапнелей, когда падут их товарищи, которые впереди, чтобы подобрать их оружие. (Генерал Камон. Стратегия Людендорфа на русском фронте).

туманны; *мы должны вызвать перегруппировку германских сил, обнаружить те районы, где противник будет ослаблен, и там впоследствии развить свой удар, для чего наступать с фронта Остроленка — Пултуск на фронт Ортельсбург — Сольдау.*

Немцами преднамечаемая операция была сорвана, поэтому судить о результатах ее нельзя, но наверное можно сказать, что строго выжидательный способ действий не только на с.-з. фронте, но и в Галиции был бы предпочтительнее вплоть до того момента, когда армия достигла бы полной своей мощи—до лета.

Итак, мы можем установить с большой долей вероятности, что, как изложенная выше неопределенная постановка целей, так и постановка последующих задач уже таили в себе, при правильном учете оперативной обстановки и обстановки материальной обеспеченности, зародыши сомнения в выполнимости операции по столь неопределенно и расплывчато намеченному плану.

Обратимся теперь к замыслу операции германского командования против 10-й русской армии.

Схема № 2.

После Лодзинской операции главные силы русского северо-западного фронта в составе 1-й, 2-й и 5-й армий—33½ дивизии—были расположены на западном берегу Вислы, имея у себя далеко на уступе за правым флангом *10-ю армию*, силой в 15 дивизий, расположенную на 170-километровом фронте от Шорелленского леса до Иоганисбурга с задачей „обеспечения связи с глубоким тылом страны и прикрытия путей подвоза центральной группе армий северо-западного фронта на участке от р. Шква до Нижнего Немана".

Против главных сил русских была расположена 9-я германская армия Макензена—около 25 немецких дивизий,—а за Мазурскими озерами и по р. Ангерапп против 10-й армии на укрепленной позиции — 8-я герм. армия Отто фон-Белова (около 100.000 чел.). Для обеспечения своих сообщений к Висле немцы имели по южной границе Восточной Пруссии группу—около 2-х дивизий, против которых действовали войска Варшавского укрепленного района (4 див.). На 8-ю герм. армию Отто фон-Белова была возложена оборона Восточной Пруссии и обеспечение левого фланга германского восточного фронта.

Четыре железных дороги обслуживали главные силы русского северо-западного фронта:

1. Петроград—Вильно—Гродно—Белосток—Варшава.
2. Полоцк—Молодечно—Лида—Волковыск—Седлец—Варшава.
3. Москва—Смоленск—Минск—Барановичи—Брест—Ивангород и
4. Москва—Брянск—Пинск—Брест, где эта дорога сливалась с предыдущей линией.

Если бы немцам удалось перерезать эти ж. д. линии, то положение главной массы войск русского северо-западного фронта было бы непоправимым.

Вот чем обусловливались как задачи русской 10-й армии по прикрытию этих сообщений, так и устремление замыслов германского командования на восточном фронте.

Получив в свое распоряжение 4 вновь сформированных корпуса, Гинденбург, исходя из тех предположений, о которых мы уже упомянули выше, намечает операцию, первоначальной целью которой должен быть разгром русской 10-й армии с дальнейшим выходом на самый жизненный нерв — железные дороги, связывающие северо-западный фронт с центром России.

Гинденбург, объединивший к этому времени командование над всеми германскими силами на восточном фронте, имел в своем распоряжении 9-ю и 8-ю германские армии плюс 4 прибывающих к нему корпуса.

Из 8-й армии и прибывающих вновь четырех корпусов были сформированы две армии: 10-я—фон-Эйхгорна и 8-я—Отто фон-Белова; эти две армии образовали собой ударную массу на левом фланге против 10-й русской армии, имея для обеспечения своего тыла от фланговых ударов с юга вновь образованную армейскую группу Гальвица. Наконец, на левом берегу Вислы 9-я армия Макензена должна была повести наступление, чтобы задержать на первое время русские армии, расположенные к западу от Варшавы, после чего частью сил, будучи переброшена на восточный берег Вислы, поддержать 8-ю и 10-ю германские ударные армии [1]).

Схема № 2. В общем, идею маневра Гинденбурга можно предположить в следующем виде:

1. главная ударная группа—8-я и 10-я армии;
2. обеспечение ударной группы справа—армейская группа Гальвица;

Схема № 1. 3. демонстрирующая группа—9-я армия.

Такой маневр имел все шансы на благоприятное его завершение, так как положение русской 10-й армии было довольно неблагоприятно, благодаря разрушенной пограничной местности, наличию в тылу болотистого района реки Бобра, Августовских лесов и, наконец, сравнительно слабо развитой сети дорог; кроме того, на обоих своих флангах 10-я русская армия не имела твердой опоры.

Исходя из этих соображений, наиболее выгодным было произвести охват сравнительно более слабого северного фланга русских, но в то же время этим маневром нельзя было рассчитывать уничтожить 10-ю русскую армию, так как она смогла бы отойти на юго-восток или даже на юг к переправам через р. Бобр. В силу этого, являлась необходимость

[1]) Général Camon. La stratégie de Ludendorff sur le front Russe.

отрезать русских от Бобра, а это уже было связано с прорывом на левом фланге их 10-й армии.

Таким образом, Гинденбург решает одновременно с охватом правого фланга 10-й русской армии прорвать и охватить левый ее фланг.

Для выполнения этого маневра 10-я германская армия фон-Эйхгорна должна была сосредоточиться в районе между Неманом и железной дорогой Инстербург — Гумбинен, имея в своем составе: XXXVIII-й рез. к-с — Лауштейна, XXXIX-й рез. к-с—Марвица, XXI-й полевой к-с—Фрица фон-Белова, 5-ю гвард. пех. бриг., I-ю кавалерийскую дивизию и Кенигсбергскую ландверную пех. дивизию; все эти части получили задачу охватить русский правый фланг. Между озером Шпирдинг и государственной границей собиралась ударная группа 8-й армии Отто фон-Белова, состоящая из XL-го резервного корпуса Литцмана, 2-й пех. (из состава I-го полев. корпуса) див. Фалька, 5-й пех. бригады и 3-й кав. бригады с некоторым количеством ландвера и 4-й кавалерийской дивизии; эти части имели задачу прорыва и охвата левого фланга противника.

Остальные силы 8-й армии: 1-я и 10-я ландверн. пех. дивизии, 3-я резервная дивизия с гарнизоном Летцена должны были занимать укрепленные позиции между Летценом и Гумбиненом и сковывать противника на фронте.

Только незначительная часть германских сил обеих армий состояла из кадровых войск еще мирной подготовки; в числе их был прибывший с западного фронта, полностью укомплектованный, испытанный в боях XXI-й (Лотарингский) корпус под начальством Фрица фон-Белова. XXXVIII-й, XXXIX-й и XL-й корпуса были вновь сформированы и шли в бой впервые: это были большей частью добровольцы разных возрастов, эрзац-резервисты и неслужившие ландштурмисты. В деле подготовки этих корпусов был учтен опыт формирований осени 1914 года, и подготовка была очень основательна, и Людендорф особенно гордился этими корпусами. По своему составу эти корпуса были сильнее прежних новых формирований; в каждой роте был испытанный в бою кадр и особенно способные унтер-офицеры и офицеры. Высшие командные должности были заняты избранными лицами. Части были отлично снаряжены к зимней кампании и снабжены большим количеством саней и повозок на полозьях. Число лошадей в артиллерийских запряжках могло быть доводимо до 10—12 [1]).

[1]) 13-го ноября 1914 г. был отдан приказ о третьем эшелоне мобилизации $4^1/_2$ новых корпусов (XXXVIII-й—XLI-й резервные и 8-я баварская резервн. дивизия). Срок был дан 68 дней—к 20-му января 1915 года. Полевая артиллерия этих к-сов была получена путем позаимствования с фронта, где батареи перешли с 6-орудийного на 4-орудийный состав. В корпусах впервые дивизии были трехполкового состава.

Начало наступления намечалось в зависимости от времени окончания сосредоточения и развертывания ударных групп.

Осуществление самого маневра предполагалось провести следующим образом: сначала делает прорыв группа генерала Литцмана на участке от Иоганисбурга и южнее—до государственной границы, а затем 10-я германская армия должна была внезапно начать свое наступление в охват правого фланга русских. Весь успех зависел от того, насколько продвинутся эти охватывающие крылья немцев, чтобы отрезать русским пути на восток.

В то время, как разрабатывался этот план и немцы уже начали производить нужные им группировки, русское командование со своей стороны также приступило к осуществлению своего плана, утвержденного верховным главнокомандующим, путем переброски войск на формирование новой 12-й армии. Эти переброски не ускользнули от внимания немцев, и они решили ускорить свои перегруппировки с целью предупредить русских своим наступлением и тем сорвать план противника.

15/28-го января [1]) Гинденбургом из Познани было сообщено о плане предстоящей операции в виде предварительного приказа:

„Я намерен направить 10-ю армию ее левым флангом в направлении Тильзит — Вильковишки для обхода северного фланга противника, сковать противника фронтальным ударом ландверной дивизии Кенигсберга и левого фланга 8-й армии, правым же флангом 8-й армии наступать на Арис—Иоганисбург и южнее".

Приведенная директива была дополнена 23/5-го февраля из Инстербурга, куда была перенесена ставка Гинденбурга—„8-я армия 25/7-го февраля должна перейти правым флангом линию Курвиен—Руджаны в направлении на Кольно—Иоганисбург. 10-я армия 26/8-го февраля должна продвинуться вперед XXXIX-м, XXXVIII-м и XXI-м корпусами с 1-й кавалерийской дивизией, правым флангом примерно... на Куссен, левым же производя глубокий обход по Неману или севернее (нем. Мемель)".

Отдавши первую директиву, Гинденбург тотчас же предпринимает настойчивые атаки на Варшавском направлении своей „демонстрирующей группой", 9-й армией.

18/31-го января немцы атакуют правофланговый VI-й корпус 2-й русской армии, берут Волю Шидловскую и с 24/6-го февраля начинают развивать нажим между Хоржеле и Мышинцом и у пос. Серпец армейской группой Гальвица, полу-

[1]) В дальнейшем изложении автор будет числа месяцев писать в виде дроби: в числителе старый и в знаменателе новый стиль.

чившей задачу обеспечения ударной группы (10-й и 8-й герм. арм.) справа.

На Ставку и северо-западный фронт, которые больше всего боялись за Варшавское направление и не верили в возможность каких-либо действий немцев против правого фланга сев.-западного фронта, этот удар на Варшавском направлении произвел большое впечатление. В общем, для ликвидации немецких успехов сюда было собрано на 10-верстный фронт одиннадцать пехотных дивизий, понесших громадные потери; вместе с тем возник вопрос об отсрочке переброски IV-го Сиб. к-са, предназначенного на образование 12-й армии; кроме того, для отвлечения немцев русское командование само повело демонстративные атаки на Даховское укрепление, Боржимов и Гумин.

Косвенное обеспечение операции Гинденбургу удалось как нельзя лучше; русские были введены в заблуждение относительно намерений немцев, но оно, в смысле потерь, слишком дорого обошлось немцам. Людендорф не может уже своевременно усилить ударную группу за счет 9-й своей армии, и только один XX-й корпус в начале февраля перебрасывается в район юго-восточнее Ортельсбурга. Сам Людендорф так оценивал эту демонстративную операцию: „Мы взяли несколько тысяч пленных, вообще же тактический успех был незначителен, но атака произвела большое впечатление на русских. Таким образом, в стратегическом отношении цель была достигнута“ [1]).

Оценка русского плана была уже приведена раньше; подытоживая идею германского плана наступления в Вост. Пруссии, необходимо сказать следующее: к числу отрицательных его сторон относится то, что сил, предназначенных для выполнения его в том широком масштабе, как это предполагалось широкими замыслами Гинденбурга, было недостаточно, и этот план получал страховку в выполнении только за счет инертности и невысокой расценки квалификации русского командования; другими словами — он был предвзятым; если бы немцы встретили тут более решительного и предприимчивого противника, было много шансов на неудачу.

К числу положительных сторон этого плана нужно отнести четко и ясно выраженную идею маневра, при удаче и достаточных силах могущего привести к положительным результатам. Совершенно точно и с большим знанием противника проводятся меры обеспечения операции как в смысле непосредственного обеспечения правого фланга 8-й и 10-й армий армейской группой Гальвица, так и в смысле косвенного ее обеспечения — демонстрации 9-й армии.

---

[1]) Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.

Давая окончательную оценку планам сторон, приходим к выводу, что обе стороны задались весьма широкими наступательными замыслами, не отвечающими тем ресурсам, кои имелись в распоряжении каждой из сторон. Если мы обнаруживаем половинчатость решений и колебания между западным и восточным фронтами у германцев, то у их противника—и того хуже. Принимая решительную операцию в Вост. Пруссии, которая должна была служить подготовкой к окончательному разгрому главнейшего противника, русское верховное командование как бы закрывает глаза на предпринимаемую и уже отчасти проводимую юго-западным фронтом не менее решительного характера операцию против второстепенного противника — австрийцев. В то время, как у Людендорфа — Гинденбурга план имеет в себе ярко выраженную первоначальную идею уничтожения 10-й русской армии, у русского верховного командования цели наступления поставлены неясно. Задача 12-й армии — „вызвать перегруппировку германских сил в Вост. Пруссии и т. д.“ неопределенна и рассчитана как бы на пассивность немцев, и последовавшие события как нельзя лучше подтверждают ошибочность этой мысли.

ГЛАВА II.

Состояние 10-й русской армии в декабре и январе 1914—1915 г. Расположение и численное соотношение сил противников. Оценка расположения 10-й армии. Опасения командующего 10-й русской армией. Мероприятия на случай вынужденного отхода. Недовольство фронта пассивностью 10-й армии.

Когда 10-я армия после ряда успешных для нее осенних боев, продвигаясь вперед, подошла к линии Мазурских озер и реке Ангерапп, она увидела перед собой запорошенные снегом высоты, заплетенные многими рядами проволоки. После безрезультатных попыток прорвать проволоку и форсировать озера армия остановилась, растянувшись на фронте почти в 170 километров. Схема № 1.

Неудачные попытки прорыва укрепленной линии озер были объяснены данными частного случая — русские не были знакомы со способами борьбы против сплошных укрепленных полос.

Сознав тщетность попыток прорваться на запад открытой силой, армия приступила к постепенной атаке позиций противника, для чего сюда начала притягиваться артиллерия осадных калибров и попутно с этим развились минные и сапные работы. В сущности говоря, это было бездействие, дурно отзывавшееся на войсках.

Относительно дальнейших действий 10-й армии командующий армией Сиверс придерживался следующего взгляда: „Сила немецких укреплений, изобилие искусственных препятствий, огромное развитие орудийного и пулеметного огня не позволяют рассчитывать на возможность быстрого успеха и на то, чтобы пробиться на западную сторону озер, но, несмотря на это, он (Сиверс) не считает возможным перейти исключительно к оборонительному образу действий, так как это отразится на духе войск и, кроме того, будет сейчас же учтено немцами, как признак нашей слабости, поэтому он считает совершенно необходимым продолжать постепенное непрерывное продвижение армии вперед, немедленно закрепляясь на захваченных участках. Таким хотя и медленным, но упорным движением армии вперед она наилучшим образом выполнит свою задачу по прикрытию тыла и сообщений

армий фронта". Командующий фронтом, Рузский, донося об этом в Ставку, в общем, с этими предположениями был согласен, но указывал на необходимость развития тыловых позиций, чтобы отдалить во времени возможность подхода противника к нашим границам [1]).

Слабая, в конечном итоге, артиллерия, малая, благодаря болотистости грунта, успешность минной войны приводили к тому, что войска теряли веру в свои силы, а бесконечное сидение в окопах, полных жидкой, незамерзающей грязи, действовало, несмотря на все принимаемые меры, деморализующе.

Немцы довольно часто производили короткие ночные вылазки, не всегда нами с успехом отбиваемые и кончавшиеся часто уводом за проволоку солдат из русских передовых окопов; пленных немцев почти не было.

Слабая артиллерийская со стороны русских стрельба, иногда по целым дням не получавшая ответа со стороны противника, дополнялась отдельными ружейными выстрелами по одиночным людям.

Исключительное освещение немцами по ночам впереди лежащей местности прожекторами и светящимися ракетами свидетельствовало о полной бдительности врага. Ежедневные вылеты самолетов противника, сбрасывавших бомбы по тылам и корректировавших огонь своих батарей, вызывали у русских солдат, при своем против них бессилии, чувство озлобления и недовольства против начальников, не предусмотревших всех способов борьбы.

При таких условиях моральное состояние войсковых частей не могло быть на должной высоте, что и сказалось впоследствии, когда, на ряду с самыми высокими проявлениями доблести и героизма, были случаи крайней распущенности и безразличия ко всему окружающему, особенно во второочередных дивизиях, из которых армия состояла больше чем на половину.

Схема № 1. К средине января эта армия под командой Сиверса, за выделением из ее состава XXII-го арм. корпуса, отправленного на юго-западный фронт в Галицию, была расположена следующим образом:

1. Так называемая Вержболовская группа под общим управлением командира III-го армейского корпуса Епанчина, в составе: а) отряда Бискупского—I-й драгунский и 54-й Донской каз. полки с 4 конными орудиями и 4 пешими сотнями пограничной стражи—в Шилленен; б) I-й кав. дивизии (без 1-го драг. полка) и 3-й кав. дивизии (без каз. полка) под общей командой Леонтовича — в районе Замейткемен, Ушпи-

[1]) Телеграмма Рузского Янушкевичу (Наштаверх) от 18/31-го декабря 1914 года № 7368. В.У.А., дело № 466.

аунен, имея позади себя в Пиллькалленe 1 батальон и 2 сотни; в) Куссенского отряда — 3-й Донск. каз. полк, 1 пех. батальон и 4 конных орудия — в районе Куссен и г) 56-й, 73-й и 27-й пех. дивизий, расположенных на фронте Кармолинен, Гублаукен, Иодзунен, Дипглаукен [1]).

2. XX-й арм. корпус Булгакова, в составе 29-й, 53-й и 28-й пех. дивизий, растянутых от Дипглаукена до Огонкен.

3. XXVI-й арм. корпус Гернгросса, в составе 84-й и 64-й дивизий, действовал против Летцена.

4. III-й сибирский стр. корпус Радкевича, в составе 8-й, 7-й сибирских стрелковых и 57-й пех. дивизий, был расположен южнее Летцена и далее на юг по реке Писсе до государственной границы.

На крайнем правом фланге у Таурогена на правый берег р. Неман был выдвинут отряд Апухтина, силой до двух полков с артиллерией, не входивший в состав 10-й армии, а подчиненный начальнику Двинского военного округа.

Освещение местности и наблюдение за нею на крайнем левом фланге 10-й армии возлагалось на I-ю отдельную кав. бригаду Ванновского и 48-й казачий полк Бендерева.

По сведениям штаба 10-й армии немцы имели против:

1. Вержболовской группы — I-ю кав. дивизию со 2-м егерским батальоном, 43-ю кав. бригаду, 5-ю гвардейскую пех. бригаду, части Кенигсбергской ландверной дивизии, части запасных полков, запасных и ландштурменных батальонов — всего около двух дивизий пехоты и $1^1/_3$ дивизии конницы;

2. XX-го арм. корпуса — части 10-й ландверн. дивизии, 3-ю резервную дивизию в районе гор. Даркемена и южнее до Гросс—Штрегельн—части I-й ландверной дивизии (Якоби); кроме того, некоторое число ландштурменных и запасных батальонов — всего около $2^1/_4$ дивизий пехоты;

3. XXVI-го арм. корпуса — на весьма сильно укрепленных позициях находились исключительно ландверные, запасные и ландштурменные части — силой до 1 дивизии пехоты;

4. III-го Сиб. стр. корпуса — части I-го арм. корпуса с ландверными и ландштурменными батальонами — около $1^1/_2$ дивизии пехоты.

Против отряда Апухтина немцы выдвинули заслон из частей Тильзитского отряда, а свой правый фланг обеспечивали частями 4-й кав. дивизии, 5-м кирасирским полком с ландштурменными частями, расположенными в районе Россог, Вилленберг, Руджаны, а еще далее к западу границу прикрывали особые пограничные отряды, выделенные из гарни-

---

[1]) 25-я пех. дивизия — основная III-го арм. к-са — была ранее изъята и отправлена на Варшавский фронт и участвовала в отражении немецких атак против VI-го арм. к-са у Воли Шидловской.

зонов крепостей Кюстрина, Грауденца, Мариенбурга, конница и ландштурм под командой Цастрова.

Если произвести приблизительный подсчет сил русских и немцев, то придем к результату, что против 11 русских пехотных и почти 3-х кавалерийских дивизий, с номинальной численностью около 170.000 чел., действовало около 7 пехотных и 1²/₃ кав. дивизий, силой, по определению самих немцев, в 100.000 человек, не считая ландштурменных формирований Восточной Пруссии [1]).

В то время, как немцы находились на сильно укрепленной позиции, четыре русских корпуса были слишком растянуты в почти сплошной тонкой линии окопов, что вызывало большой расход сил при полном почти отсутствии резервов.

Хотя фланги армии и были несколько усилены в фортификационном отношении, но все же они были на весу, в особенности правый, где конные части, подошедши к лесистому пространству юго-восточнее Ласденена, не смогли проникнуть к западу от него и далее в тыл противника, с целью усилить свое наблюдение.

Расположение III-го армейского корпуса правым своим флангом было откинуто назад, что, в сущности, своим положением уже заключало в себе скрытые возможности обхода со стороны противника с севера.

Лучше было бы III-й арм. корпус держать на уступе сзади, что не только облегчило бы ему маневренную способность, но и уничтожило бы ту чрезмерную растянутость, на которую так сетовал командующий армией, не находя способов бороться с ней. Способы группового расположения, знание коих было добыто впоследствии обстоятельствами настойчивых требований обстановки и экономии в людях,—армии были неизвестны. Кроме того, принимая во внимание, что III-й арм. корпус состоял на ²/₃ из второочередных дивизий, во всяком случае не следовало бы держать его на фланге.

В общем, расположение армии носило линейный характер на растянутом фронте, что совершенно исключало всякую возможность маневра. Этот неустойчивый кордон, исполненный мысли все прикрыть, внушал командованию самые серьезные опасения. „Нельзя забывать, пишет командарм Сиверс комфронта Рузскому, что ничто не гарантирует 10-ю армию от возможности повторения с ней того же маневра, что был сделан немцами против армии генерала Ренненкампфа, т.-е. переброски против нее нескольких корпусов и нанесения ей короткого, но решительного удара". В то же время это кордонное расположение вызвало стремление усилить фронт армии фортификационными работами, которые опять-таки,

[1]) Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Erster Heft.

благодаря своему линейному характеру, не дали армии должной устойчивости, а вели лишь к утомлению людей.

Для обеспечения безопасности на случай вынужденного отхода само армейское командование приняло возможные меры, которые, однако, отличались своей негибкостью и были соображены без учета возможных со стороны противника неожиданностей. Меры эти выражались: а) в разработке схемы тыловых путей для отхода дивизий, отдельных отрядов и обозов; б) в рекогносцировках оборонительных позиций на путях отступления, с заранее соображенной схемой распределения на них войск с артиллерией—все это предлагалось сделать в широких штрихах, но зато заблаговременно, чтобы в спешное время отступления все было готово.

Примерные рубежи отхода фронтов армии намечались так: **Схема № 1.**

а) Катенау, Тракинен, Мацуткемен, Гавайтен, Вилькатшен, Рогален, Бенгхгейм, Куттен, оз. Гольдапгар, оз. Видминер. Арис, Бяла, Щучин или Рогален, Гассевен, западная окраина Ротебудской пущи, оз. Габлик, Ней-Юха, Лык, Граево;

б) Сталупенен, западная окраина Роминтенской пущи, Гольдап, Маркграбово, Лык, Граево;

в) Шаки, Владиславов, Выштынец, Филиппово, Баккаларжево, Чимохен, Гронскен, Райгрод.

Требовалось обдумать и разработать план наибыстрейшей, но спокойной уборки всех обозов и тыловых учреждений с таким расчетом, чтобы это не вызвало загромождения дорог и не мешало действию войск.

Все это было преподано корпусам для безусловного выполнения, и последние, действительно, в пределах своих разграничительных линий имели тщательно подготовленные соображения, согласованные с приведенными указаниями [1]).

Эти указания заранее предрешали отход всем фронтом в направлении на восток, а самые рубежи отхода, намечаемые армией, легко обходились противником с севера. Возможность маневра, благодаря принятой предвзятости, могла быть обеспечена лишь при широко развитых инициативных началах войсковых начальников, а так как им эти качества привиты не были, то эти указания и рубежи, еще больше связывая их в принятии решений, пагубно отражались на течении всей операции.

Полная неосведомленность о том, что делалось в тылу противника, благодаря тому, что наша конница не могла проникнуть за фланги, равно как благоприятствующий наступательным операциям немцев и скрытый от нас район севернее параллели Инстербурга, сильно развитая сеть жел. дорог, обеспечивавшая противника, растянутость и отсутствие ре-

---

[1]) Автор лично подготовлял эти соображения для некоторых частей XXVI-го к-са.

зервов на фронте армии, связанные с полной потерей маневренной свободы, тревожили также и фронтовое командование.

Фронт, в лице Рузского, не скрывал своего беспокойства и неудовольствия. Он считал 10-ю армию достаточно сильной для выполнения самостоятельной и ответственной операции и требовал активности. Командарм 10-й Сиверс, повидимому, понимал эту активность, как требование прорыва немецкой укрепленной линии и, в свою очередь, отобрал от начальников дивизий подписки, что при том состоянии техники, в каком она находилась в армии, ни о каком прорыве расположения противника не может быть речи [1]).

По поводу упреков со стороны фронта по адресу Сиверса в пассивном выполнении им своих задач, поскольку они выражались в „прикрытии путей сообщения центральной группы армии фронта и обеспечении связи с глубоким тылом страны", нужно сказать, что, пока фронт находился в выжидательном положении на западном берегу Вислы, дальнейшее выдвижение 10-й армии к западу в глубь Пруссии едва ли являлось настоятельным и целесообразным. Исходя из таких положений, можно считать, что Сиверс поставленную ему задачу выполнял вполне успешно. С другой стороны, естественно, что 10-я армия не могла до бесконечности находиться в принятом ею положении, хотя бы только учитывая то, что все выгодные стороны обстановки, за исключением относительно численного превосходства, были на стороне противника. Нужно все же было попытаться занять армией выгодное исходное положение на тот случай, если явится настоятельная необходимость перехода ее в наступление.

План фронта такую необходимость учитывал в виде комбинированного одновременного наступления 12-й и 10-й армий.

Для занятия соответствующего исходного положения был выдвинут вопрос об очищении от противника лесистой полосы на правом фланге русской 10-й армии, которая так связывала действия нашей конницы.

Эта, так называемая, Ласденненская операция, предпринятая недостаточными силами и не приведшая к успеху, случайно совпала с обширной подготовкой к будущему наступлению 10-й германской армии.

Эта операция, несмотря на все искусно принятые немцами меры предосторожности, для скрытности своей подготовки к наступлению, все же дала русскому командованию ряд сведений, по которым с большой долей вероятия можно было бы своевременно предугадать истинные замыслы противника.

---

[1]) Командующий армией в гор. Видминене в штабе 64-й дивизии лично отбирал от начальников дивизий мотивированные подписки после неудачных атак (примечание автора).

И если бы не было все той же слепой предвзятости в оценке обстановки, то 10-я армия, конечно, избегла бы катастрофы, которая подстерегала ее в ближайшие дни.

Руководителю операции обыкновенно часто приходится пользоваться военным чутьем, так как трудно предположить, чтобы противник открыл свои карты.

В рассматриваемой операции мы имели нужные намеки для раскрытия замысла немцев, и все же командование 10-й русской армией и командование с.-з. фронта, увлеченные, первое—схематизацией мер для возможного своего отхода, а второе—предстоящей в ближайшее время наступательной операцией в Восточную Пруссию, не сумели разгадать намерений врага. Правда, не малую долю вреда принесла, как мы увидим дальше, неудовлетворительная постановка штабной службы.

Нам кажется, кроме того, что одной из причин катастрофы является также плохое знакомство русского командования с методами, следуя которым германцы почти всегда, по крайней мере до этого времени, как бы по трафарету проводили свои операции.

Идеи Шлиффена, на которых, готовясь к войне, воспитывалась германская армия, должны были бы глубоко изучаться нами, тогда, быть может, наше командование иначе оценивало бы возможный образ действий немцев, а также и свое положение. Русскому командованию следовало бы действовать: „по неприятельским обращениям", и тогда легче нашлись бы способы противодействия немецкой системе.

ГЛАВА III.

Положение на фронте III-го арм. корпуса. Тревоги фронта за правый фланг. Мнение командующего армией. Организация Ласденснской операции. Первый период ее. Второй период—после перегруппировки. Указания командующего армией 25/7-го февраля. Появление германских 5-й пех. гвард. бригады и частей XXXVIII-го корпуса. Вынужденный отход Епанчина и конницы Леонтовича. Заключение.

Схема № 3.

Началом предполагавшихся совместных активных операций 10-й и вновь формируемой 12-й армии преднамечалось 10/23-е февр. К этому времени считали, что обе эти армии будут настолько укомплектованы и снабжены, что наступление может быть начато.

К середине января обстановка на правом фланге армии рисовалась командованию 10-й армии в следующем виде: за укрепленной полосой по реке Ангерапп от г. Даркемена и далее к северу до Ласденена на реке Шешупе силы немцев состоят из второочередных, ландверных, ландштурменных и запасных частей с 1-й кавалерийской дивизией и 43-й кав. бригадой. Расположение левого фланга противника севернее д. Мальвишкен было прерывчатое с выдвинутой вперед конницей и проходило по ряду лесных групп, особенно крупных и сплошных в районе Ласденена. Эти лесные группы охранялись немецкой конницей довольно слабо, чтобы воспрепятствовать здесь наступательной операции крупных сил, однако, достаточно сильно, чтобы связать действия нашей конницы, не смогшей продвинуться вперед и занявшей, благодаря этому, уступное положение позади фланга III-го арм. корпуса.

При такой группировке всегда можно было ожидать со стороны немцев всяких неожиданностей. Еще в начале января фронт писал Сиверсу, что сравнительно слабые результаты разведки его конницы следует, кроме крайней пассивности ее, объяснить более выгодным расположением конницы противника, уступом вперед, по отношению фронта расположения своей пехоты. „Мы здесь сильнее противника, а потому необходимо принять меры к оттеснению конницы противника за р. Инстер и к производству более энергичной разведки нашей конницы в тылу левого фланга противника".

Загнутый на восток правый фланг III-го арм. к-са создавал опасение уже тем, что он являлся как бы обойденным, в силу самого своего положения; при таких обстоятельствах желательно было выдвинуть его вперед на высоту соседнего XX-го арм. корпуса, расположенного южнее.

Предстоящие намечаемые совместные операции 10-й и 12-й армий также настоятельно требовали этого, как первоначального мероприятия в виду того, что только в этом районе 10-я армия могла рассчитывать на верный успех, в целях выхода по ту сторону укрепленной немцами полосы.

Так или иначе, но безусловно оперативный центр будущих действий 10-й армии чувствовался здесь. 20/2-го февр. фронт писал Сиверсу: „...более двух месяцев 10-я армия уперлась в укрепленную позицию и приостановила дальнейшее наступление. Таким образом, 10-я армия от активного способа выполнения своей задачи перешла к пассивному".

„Имея значительное превосходство сил, можно надеяться, что 10-я армия займет выгодное охватывающее положение, дающее возможность развить активные действия на сообщении Кенигсберг через Велау-Фридланд, выдвинув для этого на правый фланг конницу с пехотой. Между тем, положение правого фланга 10-й армии является совершенно обратным, т.-е. он не только не охватывает противника, но, наоборот, противник охватывает его своим флангом. Считаю крайне необходимым теперь же выдвинуть правый фланг армии на р. Инстер конницей и пехотой и т. д."

В виду большого расхода сил, связанного с выполнением этой операции, и удлинения фронта армии еще на 35 верст, Сиверс был против нее, так как она ослабляла и без того жидкое расположение пехоты и лишала его возможности иметь хотя какой-нибудь резерв, который, по его мнению, ему был так необходим для контр-удара как на случай перехода немцев в наступление, так и при атаке передовых немецких позиций у Летцена. Эти его соображения одобрения со стороны фронта не встретили, и армия приступила к организации продвижения вперед своего правого фланга.

До какой степени потребовалось напряжение сил для этой операции, видно из того, что за выделением нужных для нее войск, а также в связи с начавшейся в январе месяце переброской XXII-го арм. корпуса в Галицию, фронты корпусов армии еще более растянулись, и к 15/28-му января в армейском резерве оставался всего один пехотный полк.

Утвержденный командованием армией план операции в районе Ласденена заключался в том, чтобы нанести главный удар на Дрозвальдерский и Драугупенерский леса, а затем действовать в тыл немцам, занимавшим Ласденен, отрезывая пути к западу и Тильзиту, и тем вынудить их к отходу из района к северу и северо-западу от Ласденена.

Общее руководство операцией было возложено на командира III-го арм. корпуса Епанчина (он же командующий Вержболовской группой).

В ночь с 11/24 го на 12/25-е января в районе Пиллькаллен собираются:

1. Отряд Бискупского—13½ эскадронов, 4 пеших сотни пограничной стражи и 4 полевых орудия, имея задачу наступать на Ласденен с востока от Шилленен.

2. Отряд командующего 73-й пех. дивизией Левицкого—9½ бат. (56-й пех. див.—223-го пех. полка, 73-й пех. див.—289-го и 290-го пех. полков), 18 легких орудий, 6 гаубиц, 2 тяжел. орудия и 3 эскадрона, с задачей наступать на фронт Рагупенен-Грюнкруг.

3. Отряд Майделя, в составе 30 эскадронов и сотен 1-й и 3-й кавалерийских дивизий, 16 конных орудий и 291-го пех. полка (73-й див.), получил приказание развить наступление в общем направлении на Мешкуппен и Драугупенерский лес.

4. Отряд Хопрянинова (так называемый Куссенский отряд)—6 сотен, 1 б-н и 6 конных орудий должен был действовать южнее отряда Майделя, в направлении на Мальвишкен.

Общим резервом этой группы были два батальона, 6 орудий и ½ сотни, расположенных в Пиллькаллене.

Южнее Куссенского отряда, протягиваясь далее на юг на Иодзунен, в районе Брокупенен начинались позиции 56-й и 73-й пех. дивизий III-го арм. корпуса. Севернее отряда Бискупского, в районе Таурогена, находился отряд Апухтина, непосредственно подчиненный начальнику Двинского военного округа, который хотя и получил приказание содействовать Епанчину, но содействие это, в силу его удаленности, было чисто платоническим и, ограничиваясь местными демонстрациями вдоль границы южнее Таурогена, никакого влияния на операцию Епанчина не оказало.

Наступление группы Епанчина началось с утра 12/25-го января.

Схема № 3. В 8 часов отряд Бискупского, оттеснив передовые части немцев, выбил их из д.д. Доргушен, Руккен, но, продолжая дальнейшее движение на запад к Будупенену, встретил энергичное сопротивление на линии Тулпенинкен—Ушбортшен, был здесь задержан и остановился.

Отряд Левицкого, начав движение из района Пиллькаллена, к 10 часам утра вышел на фронт д.д. Гр. Шорелленбиркенфельде—Шаккельн и, развивая наступление далее на д.д. Кл. Шореллен—Кл. Туллен—Кл. Мешкуппен, дошел почти до Шорелленского и Дрозвальдерского лесов, попутно выбив штыками части немцев, задержавшиеся в д. Кл. Мешкуппен.

В 15 часов 289-й п. полк подошел на 300 шагов к Дрозвальдерскому лесу; в то же время части 223-го п. полка заняли

с боем д. Кл. Туллен, а батальон того же полка, следовавший в качестве правого бокового отряда, около 13 часов подходил к д. Багдоннену, не встретив сопротивления.

Конница Майделя в 10 часов заняла д. Мешкуппен. Куссенский отряд около 14 часов подошел к Абшрутен, а к 16 часам занял уже Едеркемен.

Хотя к вечеру 12/25-го января результаты начавшегося боя были не вполне выяснены, однако успешное начало наступления, казалось, сулило надежду на благоприятное развитие операции.

На следующий день—13/26-го января наступление продолжалось, но менее энергично. К концу дня отряд Бискупского подошел к линии д.д. Будупенен, Алкснупенен, но дальше продвинуться не мог. Противник сам переходил в наступление на д. Ушбортшен.

Части 223-го п. полка отряда Левицкого, наткнувшись на окопы немцев у д.д. Багдоннен, Лаукелишкен и Рагупенен, перешли к обороне, окопавшись у дер. Клейн-Туллен против немцев, встретивших их здесь контр-атакой со стороны д. Рагупенен.

Прочие части 223-го п. полка и весь 289-й п. полк, наступавшие на Дрозвальдерский лес, оказавшийся солидно укрепленным, прочно занятым немцами, пытались было атаковать, но атака кончилась неудачей.

Конница Майделя, направленная из д. Мешкуппен двумя колоннами через д. Янишки на д. Грюнкруг и на д Дауден, тоже потерпела неудачу, так как батальон 291-го п. полка, входивший в состав южной колонны, попав под сильный огонь противника со стороны д. Дауден, пришел в расстройство и понес большие потери, вследствие чего вся колонна вернулась в д. Спуллен. Узнав об этом, северная колонна, наступавшая на д. Грюнкруг, также отошла в д. Спуллен.

Куссенский отряд топтался на месте.

Таким образом, так удачно начатое наступление уже на второй день замерло почти на всем фронте.

Зато о противнике были получены более определенные сведения. Д.д. Тулпенинкен, Будупенен, Алкснупенен, Багдоннен, Лаукелишкен, Рагупенен, Дауден и Мальвишкен оказались занятыми частями спешенной 1-й кавдивизии и 43-й кавбригады со 2-м гренадерским полком и частями ландштурма.

Последующие дни эта операции, при ясно ощущавшемся усилении немцев, протекала с русской стороны крайне вяло, и, в общем, результаты ее к вечеру 18/31-го января свелись к следующему:

На правом фланге отряд Бискупского занял линию Гр. Шиленинкен, Плоншовен, Ушбортшен, отбив немецкие атаки со стороны д. Будупенен.

Отряд Левицкого 223-м пех. полком вышел на фронт д.д. Кл. Шиленинкен-Лаукелишкен, выбив немцев из д.д. Багдоннен, Рагупенен, а 289-м полком попрежнему оставался у д.д. Биркенфельде и Шаккельн, отразив несколько встречных атак противника.

Конница Майделя была связана в районе д. Спуллен, а Куссенский отряд застыл у д.д. Егленинкен, Абшрутен, Ванагупкен.

Усиление немцев с каждым днем делалось более заметным; группы их окопов наростали: фронт Ласденен—Гр. Версменинкен—Лебегален постепенно превратился в сплошную полосу укреплений, д.д. Дрозвальде, Грюнкруг, Грюнвальде, Дауден и Мальвишкен усилились окопами; контр-удары говорили уже о наличии здесь некоторой маневренной силы противника.

Учитывая столь незначительные результаты шестидневной длительной операции, Епанчин решил приостановить наступление, произвести перегруппировку, имея в виду изменить удар на восточное направление через Шорелленский лес у Ласденена, усилить наступающую группу за счет частей, стоящих на позициях левого фланга III-го арм. корпуса—насколько возможно—и после этого повторить удар.

Эти меры, давая надежду на успех, привели в то же время к исключительной растяжке фронта корпуса—до 86 верст, что так гибельно отразилось при последующих операциях.

1-я и 3-я кавалерийские дивизии под командой Леонтовича (30 эскадронов с 8 конными орудиями) были передвинуты в район м. Словики, откуда они должны были наступать между Неманом и рекой Шешупой, охватывая Ласденскую группу противника с севера.

Отряд Бискупского был подчинен Леонтовичу, с задачей содействовать последнему продвижением в прежнем направлении на Ласденен.

Отряд Левицкого, усиленный 3 батальонами 292-го пех. полка (73-й див.), 1 бат-ном 107-го пех. полка (27-й див.) и 4 б-нами 56-й див. с доведением его численности до $17\frac{1}{2}$ б-нов, 24 легк. оруд., 12 легк. гаубиц, 2 тяж. гаубиц, 4 тяж. пушек, 12 конных оруд. и 3 эскадронов, получил задачу, действуя на фронте д.д. Саленнен—Биркенфельде, развить удар в направлении на фронт Ласденен—Лебегален.

Участок д.д. Кл. Мешкуппен—Абшрутен—Хенскемен—Ванагупкен был передан командующему 56-й пех. дивизией Юзефовичу, имевшему $5\frac{1}{4}$ бат. 56-й дивизии, 20 легк. оруд., 2 тяж. гаубицы, 2 тяж. пушки и 6 сотен.

21/3-го февраля утром части конницы Леонтовича вышли на южную опушку леса, что севернее Ласденена, а правый фланг Левицкого достиг северной опушки Шорелленского леса, что южнее Ласденена, и в 8 часов утра атаковал 292-м пех.

полком высоту „49“, а частями 290-го пех. полка—Гр. Версменинкен и вскоре занял хутора, что в 600 шагах юго-восточнее этого селения; 292-й полк, выйдя с опушки леса восточнее шоссе, овладел засекой в 100 шагах от опушки леса и ворвался в немецкие окопы, но, попав там под перекрестный огонь противника, отошел назад к засеке, где и начал устраиваться.

1-я кав. дивизия к 16 часам заняла с боем д. д. Гриклаукен и Любинелен, а отряд Бискупского захватил д. д. Тулпенинкен, Антбудупенен, Будупенен.

Начатое в отряде Юзефовича с утра наступление на укрепленную д. Дауден успеха не имело, и части его залегли, отразив наступление немцев со стороны Грюнкруг.

В этих боях 21/3-го февраля в районе Дрозвальдерского леса впервые был обнаружен новый 5-й гвард. гренадерский полк противника.

Этот полк принадлежал к 5-й гвардейской пехотной бригаде, входившей во вновь образованную 10-ю германскую армию фон-Эйхгорна.

Сосредоточение этой армии на левом фланге немцев шло полным ходом, о чем русское командование не подозревало, проводя столь длительную и неудачную по своему построению операцию.

Продолжая 22/4-го февраля свое наступление, конница Леонтовича, занявшая уже фронт д. д. Гриклаукен, Юкнатен, Эйгарен, Алкснупенен и имевшая своей задачей содействие общей атаке Ласденена с севера и дальнейший выход в направление на д. д. Ушбален и Ней-Егленинен, в 12 часов дня обнаружила наступление немецкой пехоты со стороны д. Хермонейтен на восток, силой около батальона, при чем вслед за ней двигалась еще большая колонна, а около 13 часов противник атаковал Гриклаукен, Эндрушейтен и Юкнатен и принудил нашу конницу отойти на опушку леса к северо-востоку. Одновременно с этим немцы на фронте Бискупского повели наступление на д. д. Алкснупенен и Ушбортшен, но были остановлены.

Однако, эти первые ласточки, возвещавшие, что группе Епанчина на своем правом фланге придется иметь дело с активным противником, были отнесены к обыденному явлению в порядке дня и никакого особенного внимания к себе не привлекли.

Отряд Левицкого, занимавший к утру северную опушку Шорелленского леса до д. Саленнен (искл.), южный склон выс. „49“, д. д. Кл. Шиленинкен, Рагупенен, Кл. Туллен, Биркенфельде, ограничился только артиллерийским обстрелом д. Ней-Лебегален; отряд Юзефовича также „вел по противнику энергичный ружейный и артиллерийский огонь“.

Неудовлетворительные действия отряда Левицкого вызвали со стороны Епанчина подтверждение действовать самым решительным образом, но попытки Левицкого в этом направлении

немцами были остановлены. В ночь на 23/5-е февраля атаки были повторены и свелись к боям у хут. Повилинис (ю.-в. д. Гр. Версменинкен) и за д. Саленнен.

Следует отметить, что в сводках штаба 10-й армии „сведений о противнике" за 22/4-е февраля о появлении колонн немцев у Хермонейтена указывалось так: „обнаружено движение немцев свыше батальона от Хермонейтена на восток", что расходится с оперативной сводкой того же штарма, в которой говорится: „обнаружено наступление немецкой пехоты, силой около батальона, со стороны Хермонейтена на восток; сзади наступала еще бо́льшая их колонна". Кроме того, одновременные атаки немцев на Гриклаукен, Юкнатен, Эндрушейтен, а также на Алкснупенен и Ушбортшен свидетельствовали о присутствии здесь сил противника, определение коих выражением „свыше батальона" крайне недостаточно. Может быть, это обстоятельство послужило причиной недооценки противника; если так, то это нужно отнести к вине как соответствующих войсковых штабов, а главное, штаба армии, который не обратил внимания на столь неопределенные и разноречивые данные.

На следующий день—23/5-го февр. конные части Леонтовича установили движение около бригады пехоты противника с конницей между Неманом и Шешупой в районе Траппенен—Любенен и по береговой полосе Немана. Силы немцев на крайнем правом фланге, очевидно, наростали, между тем, отряд Левицкого попрежнему был прикован к порученной ему задаче и проводил время в местных боях, не дававших никаких успехов, тогда как конница Леонтовича уже была в полном отступлении перед теснившим ее противником. В ночь с 23/5-го на 24/6-е февраля она отошла в район д. д. Резгале, Резики, Роженчки, Давайцы, а отряд Бискупского одновременно отступил в район д. д. Плоншовен, Леблаукен, Руккен.

Итак, конница на нашем правом фланге уже отскочила назад под сильным напором противника, угроза со стороны немцев начала принимать уже реальные формы, между тем, штаб армии, считая, что общая численность немцев, действовавших против частей Епанчина—16—18 батальонов, считал положение на этом участке крепким (сводка № 622).

Что касается отряда Левицкого, то, в виду значительных сил противника, обнаруженных на „сильно укрепленном фронте", ему 24/6-го февраля приказано было заняться „укреплением занятого пространства, производя разведку и поддерживая самое тесное соприкосновение с противником".

На участке Дрозвальде, Мальвишкен происходила обычная перестрелка.

25/7-го февраля на всем фронте группы Епанчина как русские, так и немцы, по сведениям штарма 10, держались,

в общем, пассивно. Воздушной разведкой было выяснено, что окопы южнее Ласденена тянутся сплошной линией и все заняты немцами, а на фронте д. д. Любенен, Ней-Скордупенен против Леонтовича *крупных сил противника не обнаружено.*

Тут явное недоразумение—с одной стороны, конная масса в 30 эскадронов отходит накануне под натиском противника, с другой—армейская сводка о том, что перед Леонтовичем „крупных сил не обнаружено". Быть может, основываясь на второй предпосылке и на неправильном докладе Епанчина, не имевшего связи с Леонтовичем, прибывший 25/7-го февраля в Сталупенен в штаб III-го арм. корпуса командующий армией указал, что ему нужны силы на левом фланге, а потому здесь—на правом—надо ограничиться занятием уже существующего положения с тем, чтобы назад отнюдь не отходить.

Можно предположить, что Сиверс в Сталупенене к этому времени уже получил из штаба армии из Маркграбова извещение о неблагоприятном положении дел на фланге III-го Сибирского корпуса, почему и отдал на месте Епанчину вышеприведенное приказание.

На другой же день, однако, это приказание Епанчину пришлось нарушить, так как с утра 26/8-го февраля от частей стали поступать тревожные донесения. Были точно обнаружены перегруппировки немцев у д. Драугупенен; в северо-восточном направлении было отмечено движение небольших пехотных колонн с артиллерией и конницей; в районе Ласденена количество войск увеличилось; против конницы Леонтовича выявилось движение от д. Шилленен на Сударги около двух батальонов пехоты с артиллерией; были захвачены пленные нового 264-го герм. полка (76-й рез. див. XXXVIII-го рез. корпуса), а позже ночью немцы атаковали южнее Шорелленского леса 221-й полк и сбили его, при чем на поддержку этому полку пришлось выслать единственный батальон корпусного резерва.

В виду такого положения дел, когда создалась угроза прочному положению на фронте корпуса, Епанчин приказал для занятия более сосредоточенного расположения отойти: частям Левицкого на позиции перед южной опушкой Шорелленского леса, а Юзефовичу—поближе к Куссену.

Около 9 час. утра 27/9-го февраля от командующего армией Сиверса была получена телеграмма о глубоком обходе немцами левого фланга армии и преднамечаемом отходе всей армии, особенно ее левого фланга, с указанием, что отход будет начат в ночь на 28/10-е февраля и что распоряжения об этом будут даны; одновременно с этим указывалось отвести в тыл только все обозы и тыловые учреждения за Вержболовскую позицию, эвакуировать Сталупенен и обдумать подробности отхода.

Между тем, натиск немцев продолжался, и на следующий день, утром 27/9-го февраля обозначилось обходное движение их против Леонтовича в силах не менее бригады и вместе с тем, наступление значительных сил немцев от Ласденена в направлении на отряд Бискупского и на правый фланг Левицкого, при чем силы немцев определялись уже до дивизии.

В связи с создавшейся обстановкой и полученным извещением Сиверса о предполагаемом отходе всей армии, Епанчин решил отвести всю Вержболовскую группу 27/9-го февраля к границе, а 28/10-го февраля на Вержболовскую позицию, чтобы своевременным отходом иметь возможность занять ее, о чем отдал распоряжение с указанием, что войскам во всяком случае до наступления темноты не отходить и удерживаться на занимаемых местах впредь до распоряжения.

Но прежде чем приказ об этом дошел по назначению, Левицкий, имевший от Бискупского непосредственное донесение об отходе правого его фланга, в 12 часов приказал уже своим правофланговым частям начать отход на линию д. д. Вилюнен—Гр. Ворнинкен двумя колоннами: левой—Ушакова, а правой—Линденбаума. Отошел на несколько верст назад, в виду этого, и Юзефович.

В 13 часов Епанчин, не зная еще об отходе Левицкого и Юзефовича, доложил командующему армией обстановку и о своем решении отходить на Вержболовскую позицию, на что командующий армией ответил, что в этом нет надобности и что выгоднее использовать еще и Сталупененскую позицию, а не сразу отходить на Вержболово, и спросил, какие обстоятельства вынуждают к такому отходу. Епанчин ответил, что отход нужен, так как немцы теснят Леонтовича, что они наступают и от Ласденена на отряд Левицкого, что Юзефович уже ночью сильно пострадал, и кончил тем, что он не имеет точных сведений, что делается у Юзефовича, и будет ждать приказа по армии, который точно исполнит.

Около 16 часов воздушная разведка показала, что, в общем, движение и сосредоточение немцев продолжается и что против правого фланга группы на фронте Словики—Мальвишкен действует не менее двух дивизий пехоты противника.

В этот же день противник, силой не менее четырех батальонов, перешел в наступление и против Леонтовича со стороны д. д. Ней-Скордупенен, Тулпенинкен и потеснил его части, при чем на всем фронте между Неманом и Ушбортшеном силы противника определялись не менее одной дивизии пехоты с кавалерией. Под давлением таких превосходных сил весь отряд Леонтовича начал отход в район Ширвиндт.

Этими событиями, собственно, и окончилась Ласденен-ская операция по очистке от противника лесов на правом

фланге 10-й русской армии, операция, долженствовавшая открыть глаза, а вместо этого поселившая ложные представления о противнике и не вознаградимую потерю времени.

Какие же причины привели к столь несчастливому окончанию операции, которой так настоятельно требовала обстановка на правом фланге армии?

Та неохота, с которой командование армии пошло навстречу указаниям фронта, не могла не отразиться на постановке задачи ген. Епанчину.

„Принятие мер по очистке лесов" само по себе ничего не говорит об оперативном замысле. Невольно напрашивается вопрос,—а что же делать после того, как леса будут очищены. Отсюда вытекают расплывчатые задачи отрядам группы Епанчина, задачи, не связанные между собой одной общей идеей по времени, цели и направлению, в силу чего операция сводилась к разновременным попыткам продвижения от одного населенного пункта к другому. Надежда на согласованные действия отрядов, импровизированной, крайне несовершенной организации на растянутом фронте должна быть осуждена, так как заранее можно предсказать ее неудачу, что и случилось в этой операции.

Сохранение фронта III-го арм. корпуса было выполнено путем оставления как частей дивизий, так и полков на их дивизионных и полковых участках, соответственно, конечно, разреженных. Что можно было снять с фронта, то снималось, отсюда и получилось, что отряд Левицкого состоял из 7-ми полков 4-х различных дивизий. И управление, и связь, и чувство взаимного доверия и поддержки, естественно, должны были не быть на высоте. Если такие импровизации допустимы, то как крайняя нужда и в ограниченном условии времени в решительный момент, одним словом, под давлением необходимости; но этих условий как раз здесь налицо не было, а потому ее нужно бесповоротно осудить.

Неестественное положение конницы Майделя в районе Мешкуппен между пехотными частями сузило до крайности район ее действий и ограничило маневр. Казалось бы, что ей должно быть место между Неманом и Шешупой с первого дня операции, а не впоследствии, после перегруппировки с потерей времени, 20/2-го февраля.

Отдельные эпизоды операции, штыковые бои наших второочередных частей свидетельствуют, что с этими частями можно было бы достигнуть многого, но поражает исключительная вялость действий. Кажется, что неохота к этой операции, исходившая от штаба армии, пронизала войска от начальника до рядового бойца.

Эта вялость, обусловившая собой растянутость операции во времени, дала возможность противнику постепенно наращивать свои силы. Вначале мы видим здесь линию конных

застав, поддержанных пехотой, в конце—линии сплошных окопов. Появление новых частей решительно остановило наши медленные успехи и не позволило приподнять ту завесу, за которой уже собиралась 10-я армия Эйхгорна, подготовляя свой удар.

Самая перегруппировка вместе с усилением группы, за счет фронта III-го арм. корпуса, явилась запоздалой мерой и только ослабила войска на позиции корпуса, растянув фронт III-го арм. корпуса (группы) до крайности.

Не лучше ли было бы центр тяжести операции сразу возложить на конницу, перебросив ее в район между Немаком и Шешупой, поставив ей ту задачу, которую она так успешно выполняла 21/3-го и 22/4-го февраля? Тогда конница, действуя во фланг и тыл противника, а не в лоб, несомненно, своевременно облегчила бы пехоте выход по ту сторону лесов, и, быть может, о том, что делалось за левым флангом противника, нам было бы более известно, так как сосредоточение и развертывание левого ударного крыла немцев по времени совпадала с этой операцией.

Ласденненская операция на фоне действий 10-й армии имела исключительное значение. Неэнергично поставленные задачи и отсутствие воли к достижению цели имели катастрофические последствия.

Штаб фронта все время подчеркивал недостаточную активность конницы на фланге армии. Работа конницы—работа ее начальников. Непрерывность работы в зимнее время, конечно, влияла на работоспособность конницы, однако, чем объяснить преднамеренный отскок конницы 27/9-го февраля в Ширвиндты? Казалось бы, что в этом случае конница не могла знать, куда поведет ее противник, которого она буквально должна была бы облепить своими разъездами со всех сторон и следовать только за ним, видя в противнике свою главную цель.

Во всяком случае, результаты операции дали несомненные признаки серьезной угрозы правому флангу армии; появление гвардейской бригады и частей XXXVIII-го корпуса германцев там, где более всего опасались их и армия, и фронт, как увидим, не получило должной оценки, и, в дальнейшем, здесь пришлось только фиксировать совершившиеся факты.

Обращают на себя внимание также дефекты в работе штаба армии, выражающиеся в расхождении оперативных сводок с разведывательными, и излишняя доверчивость к воздушной разведке над густо-лесистым пространством перед фронтом Леонтовича; между прочим в подлинной сводке выражение: „крупных сил не обнаружено“ было командованием учтено, как успокоительный факт, и в подлинной сводке подчеркнуто ген.-квартирмейстером красным карандашом.

ГЛАВА IV.

Директивные указания фронта 12-й армии. Соображения командующего 12-й армией. Разведка на левом фланге III-го Сибирского корпуса. Сосредоточение ударной группы 8-й германской армии. Бои у Иоганисбурга. Дальнейшее продвижение немцев. Оценка обстановки армией и приказ об отходе. События 27/9-го февр. в III-м арм. корпусе. Мероприятия армии и фронта для обеспечения левого фланга.

Схема № 4.

Пока происходили тревожно-симптоматические события на фронте Вержболовской группы Епанчина, командующий вновь образовываемой 12-й армии, Плеве, получил от фронта более подробные директивные указания, предопределяющие первоначальные задачи армии. Главнокомандующий Рузский пишет Плеве: „Командарм 10 считает возможным продвижение своей армии на западную окраину озер, при одновременном наступлении частей с юга для воздействия на тыл германцев, действующих против 10-й армии".

„На левом берегу Вислы 1-я, 2-я и 5-я армии удерживают свое положение за р.р. Бзурой и Равкой, имея в виду, в зависимости от своего укомплектования, переход в общее наступление".

„Решающего результата в войне с Германией можно достигнуть наступлением в ее пределы по левую сторону Вислы, возможность выполнения чего еще не назрела".

„Это наступление должно быть обеспечено со стороны Вост. Пруссии, для чего необходимо продвижение 10-й армии за линию больших Мазурских озер, что даст возможность иметь для дальнейших действий по обеспечению правого фланга весьма значительные силы. Продвижение 10-й армии возможно только при содействии в Вост. Пруссии наступлением с юга. В виду этого, главной целью вновь формируемой 12-й армии ставится: действиями в Вост. Пруссии с юга помочь 10-й армии продвигаться через линию больших Мазурских озер, при чем эти действия должны быть развиваемы в полной согласованности с 10-й армией при непременном обеспечении слева, со стороны Влоцлавска, Грауденца, Торна... Вместе с тем, на 12-ю армию возлагается совместно с 10-й армией расширение занятого нами района в Вост. Пруссии, насколько это

окажется возможным, а при благоприятных условиях, может быть, до Нижней Вислы".

Разграничительной линией между 10-й и 12-й армиями была назначена река Шква.

С своей стороны, Плеве высказывает свои предположения о предстоящих действиях его армии, которые, в общем, сводились к следующему:

1. Если ко времени перехода в наступление противник будет продолжать занимать позицию впереди Млавы, то первой задачей армии будет—разбить германский корпус, занимающий Млаву и окрестности.

2. Дальнейшее наступление, имея общей целью действий давление на тыл немцев, занимающих район Зенсбург, Николайкен, Летцен в направлении на фронт Ортельсбург, Алленштейн, должно быть организовано в зависимости от выяснения обстановки и группировки сил противника.

3. Выдвижение 5-й стр. бригады в направлении на Остроленку и Мышинец даст твердую опору действиям 4-й кав. дивизии в направлении на Фридрихсгоф и Руджаны в связи с действиями 57-й пех. дивизии.

Таким образом, Плеве понимал задачу совместных с 10-й армией действий, как весьма осторожную операцию, ставя себе первой целью овладение Млавой, а уже затем, в зависимости от обеспеченности операции в смысле выяснения как обстановки, так и группировки противника,—давление в тыл немцев, стоящих против 10-й армии. При таких условиях совместная операция армий откладывалась уже на неопределенное время. Но и торопиться не было оснований, так как корпуса 12-й армии только начали сосредоточиваться. Опыт Самсоновской катастрофы заставлял Плеве относиться к обеспечению операции осмотрительно и не допускать случайностей.

Так или иначе, но реально 12-я армия могла помочь 10-й армии только по окончании своего сосредоточения, которое только еще началось.

В свою очередь, командование 10-й армии, имея в виду переход в наступление и предприняв уже операцию на правом своем фланге, естественно, было заинтересовано и в том, что делается у противника на его фланге южнее озера Шпирдинг.

Схема № 5. Здесь, на левом фланге 10-й армии, как известно, был расположен III-й Сибирский корпус, имея 8-ю Сибирскую стр. дивизию на фронте д.д. Пржикоп, Марчиноволя и 7-ю Сибирскую стр. дивизию от д. Шенвизе до оз. Лукнайнер; крайний левый фланг его обеспечивался 57-й пех. дивизией (без 225-го полка), приданной корпусу и расположенной в районе Иоганисбург, Бяла, Кольно с 1-й отдельной кавалер. бригадой, ядром у Лысе.

22/5-го февраля, распоряжением корпуса, из Иоганисбурга была выслана разведка по двум направлениям: на д. Вейсунен и д. Ковалик. На первом направлении разведка встретила сильную заставу в 4-х верстах от д. Вейсунен, а на втором—разведчики были обстреляны со стороны д. Брейтенхейде.

Появление частей противника в тех местах, где до сих пор его не было, а также полученные в корпусе сведения о переброске на усиление немцев новых частей вызвали со стороны III-го Сибирского корпуса сосредоточение в г. Иоганисбурге 226-го и 228-го полков 57-й пех. дивизии с батальоном 29-го Сиб. стр. полка при 4-х батареях и 2-х сотнях и, вместе с тем, заставили усилить разведку.

Высланный 24/6-го февраля с целью освещения всего района между озерами Шпирдинг и Нидер батальон при трех орудиях и четырех пулеметах обнаружил, что у д. Концевен расположено 5—6 рот немцев с артиллерией и пулеметами, а против д. Ковалик и южнее по берегу оз. Нидер—проволочные заграждения, и, кроме того, весь берег освещается неприятельскими дозорами.

Таким образом, к 24/6-му февраля разведка особенно угрожающих сведений о противнике не дала.

Между тем, под прикрытием этих передовых частей уже были сосредоточены на фронте д.д. Руджаны — Курвиен 2-я пех. дивизия 1-го корпуса, 5-я пех. бригада и XL-й резервный корпус, в составе 79-й и 80-й резервн. дивизий с 3-й кав. бригадой, и ждали только приказа о назначении дня начала операции, имея первоначальной задачей, в целях дальнейшего развития наступления, захват и удержание долины р. Писсы у Иоганисбурга и южнее его, с выходом 2-й дивизии к Иоганисбургу, 80-й резервн. дивизии—к д. Вробельн и 79-й рез. дивизии—к д. Гехсен.

25/7-го февраля 2-я пех. германская дивизия перешла в наступление от д. Руджаны на Снопкен, и к 16 часам силы немцев, первоначально определявшиеся русскими около полка пехоты с легкой и тяжелой артиллерией, развернулись по опушке лесов, что западнее Иоганисбурга.

Интенсивный огонь германской артиллерии, зажегший Снопкен, неудобства этой передовой позиции в смысле упорной обороны заставили отвести авангард от Снопкена на заранее укрепленные позиции на высотах западнее г. Иоганисбурга.

Одновременно с этим обнаружилось наступление около роты противника в промежутке между озерами Просоляскен и Погобир, а также и на Писсе против д.д. Вробельн и Шпоркен, где были замечены немецкие разъезды и движение незначительных сил немецкой пехоты с артиллерией на д.д. Лончки и Вармиок (к югу от оз. Нидер).

Для ликвидации этого наступления противника командиру Иоганисбургского отряда было приказано перейти к активным действиям и для усиления положения в районе Иоганисбурга 227-й полк 57-й пех. дивизии с батареей, находящийся в Кольно, на следующий день, 26/8-го февраля, с утра передвинуть в д. Лизкен, а в Арисе срочно сосредоточить 30-й и 32-й Сиб. стр. полки при 2-х батареях; 1-й кавал. отд. бригаде—утром 26/8-го февраля перейти в район д. Леман (10 верст южнее оз. Нидер) и поступить в подчинение командующему 57-й дивизией Омельяновичу, который для руководства операцией должен был прибыть в Иоганисбург, имея задачей с утра 26/8-го февраля развить энергичные действия для нанесения решительного удара по наступающему отряду противника.

С утра 26/8-го февраля 2-я германская пех. дивизия несколько раз безуспешно переходила в атаку, стараясь охватить фланги Иоганисбургского отряда, расположенного в окопах западнее города, и особенно упорно атакуя с юго-запада его левый фланг.

Между тем, выступивший 26/8-го февраля, во исполнение полученного приказания, из Кольно в Лизкен 227-й пех. полк утром, при подходе к границе у д. Винцента, обнаружил, что немцы, переправившись через р. Писсек, направляются на Кумельск. Желая помешать этому и имея перед собой удобный случай атаковать противника во фланг, 227-й пех. полк около полудня перешел в наступление в направлении на д. Длотовен, но, встреченный, как оказалось, превосходными силами 79-й рез. дивизии немцев, потерпел неудачу и отошел в полном расстройстве в южном направлении, попав в конце концов в Ломжу. Батарея, бывшая при полке, расстреляв свои снаряды и потеряв перебитыми лошадей, была немцами взята в плен.

Еще с вечера 25/7-го февраля для поддержки Иоганисбургского отряда были отданы распоряжения о передвижении 32-го стр. Сибирского полка из Ариса в Тржонкен, а 30-го Сиб. стр. полка, сводных полков 28-й и 53-й пех. див., 114-го пех. полка 29-й див. и 225-го пех. полка 57-й дивизии—в Бялу.

На замену ушедших на левый фланг корпуса в Арис 30-го и 32-го полков по приказанию командующего армией из XXVI-го корпуса были переданы в распоряжение Радкевича из 64-й пех. дивизии сначала 255-й пех. Аккерманский, а затем и 253-й пех. Перекопский полки, направленные последним также на Арис. К 18 часам 26/8-го 32-й Сиб. стр. полк с батареей прибыл в Тржонкен, 30-й Сиб. полк—в Дригален. 114-й и 225-й пех. полки, в виду снежных заносов, перевезти из района их расположения, 27-й дивизии, по жел. дороге не удалось.

До полудня 26/8-го февраля 226-й и 228-й пех. полки 57-й дивизии с батальоном Сибирцев стойко держались в

Иоганисбурге против целиком развернувшейся 2-й германской дивизии, и только при помощи частей 80-й резервной германской дивизии, двигавшейся от д. Вробельн на Бялу, после горячего и кровопролитного, по оценке немцев, боя они ворвались в город. Части Иоганисбургского отряда начали отход на Бялу, параллельно с наступавшей туда же по шоссе от д. Вробельн 80-й резервн. дивизией. При таких условиях порядок в отходящих частях сохранен не был, и уже в ночь на 27/9-е февраля части Иоганисбургского отряда должны были покинуть Бялу, куда после небольшой стычки вошла 80-я германская рез. дивизия.

К вечеру 26/8-го февраля, по разведывательным данным штаба армии, силы немцев определялись: против Иоганисбурга—около дивизии, в движении на д. Кумельск—не менее дивизии и от д. Длотовен на Ляхово также не менее дивизии.

Перешедшая в район д.д. Леман, Лончки, Пионтковизна 1-я отдельная кавал. бригада, имея задачу наступать в тыл противнику в направлении на д.д. Турошельн и Пржеросль, была связана обозначившимся демонстративным наступлением немцев в общем направлении на м. Кадзидло.

27/9-го февраля противник продолжал свое наступление из Бялы в направлении на д. Дригален и от Иоганисбурга на д. Тржонкен. Объединивший здесь командование начальник штаба III-го Сибирского корпуса Братанов до 17-го часов с 30-м Сибирским стр. полком и частями 255-го пех. полка 64-й пех. дивизии, прибывшими уже в д. Дригаллен, удерживал противника. Однако, одновременно с этим в течение дня были обнаружены наступающие колонны немцев на дорогах: Бяла—Руден, Бяла—Дригаллен, Бяла—Гр. Росинско и Бяла—Рогален.

При этих обстоятельствах, в связи с нажимом немцев против Епанчина, обстановка складывалась для армии угрожающе.

Уже 26/8-го февраля силы немцев против левого фланга 10-й армии определились не менее корпуса, и наступление их как против левого, так и правого флангов создало угрозу всему положению 10-й армии, в особенности при отсутствии резервов. Командующий армией в разговоре 26/8-го по прямому проводу с начальником штаба фронта высказал, что при создавшихся условиях о предполагаемом совместном наступлении с 12-й армией не может быть и речи, наоборот, необходимо или наступление 12-й армии, или подкрепление его, т. е. 10-й армии, силами не менее корпуса.

Получив в ответ, что свободных сил в распоряжении фронта нет, что 10-ю армию усилить нельзя, Сиверс отдает приказание о снятии из-под Летцена осадной артиллерии, а затем 27/9-го февраля—приказ об отходе.

32-й Сиб. стр. полк, отбив у Тржонкена все атаки немцев, направленные со стороны Иоганисбурга в промежуток между озерами Секстер и Варшау, по приказанию командира III-го Сиб. корпуса, объединившего к этому времени в своих руках командование над войсками на левом фланге армии, вечером 27/9-го февр. отошел на Арис, получив задачу прикрыть здесь отход III-го Сиб. корпуса.

Из приказа 10-й армии от 27/9-го февраля № 2 можно установить, что командующий армией считал, что противник в значительных силах, не менее корпуса, перешел в наступление: одной дивизией на Иоганисбург, а другой—на Длотовен, что три полка 57-й пех. дивизии с батальоном 28-го Сибирского стр. полка 26/8-го февраля, не выдержав натиска противника, отошли на Щучин и что 27/9-го февраля обнаружилось наступление немцев силой до одной дивизии против крайнего правого фланга армии.

Из этой оценки видно, что штаб армии, если и преуменьшал оценку германских сил, действовавших против левого фланга III-го Сибирского корпуса, то в отношении оценки сил противника на крайнем правом фланге армии впал в заблуждение.

Отчасти в этом вина штабов, которые не отдавали должного внимания оперативным и разведывательным донесениям, не сличали их между собой; между тем, при внимательном изучении их оказывается, что против III-го Сиб. корпуса к вечеру 26/8-го февраля в общем обнаружилось „три“ колонны—1-я в направлении на Иоганисбург и далее на Бялу—около дивизии; 2-я—в движении от Вробельн на Кумельск—сначала около бригады, потом до дивизии—и, наконец, 3-я—также не менее дивизии—в движении от Длотовен на Ляхово,—рассеявшая 227-й пех. полк с батареей. Что касается противника на правом фланге армии, то здесь уже явная недооценка его сил, граничащая или с неумением соответствующих органов штаба справляться с оценкой разведывательных сведений и делать соответствующие выводы из оперативных данных, или просто небрежность.

III-й армейский корпус с 50 эскадронами и сотнями (при 92 орудиях) в продолжение двух недель не может прорвать сторожевого охранения немцев; возможно ли это в обычных условиях? Конечно, нет. Если бы за этой линией охранения не было обеспеченной близкой поддержки, она, без сомнения, так упорно не держалась бы. Что эти поддержки были, ясно следует из появления пленных 137-го полка XXI-го корпуса, гвардейской бригады и, наконец, пленных XXXVIII-го корпуса; сопоставив все это, можно определить наверное, что силы немцев здесь значительно превосходили дивизию.

Ведь только по оценке Леонтовича против него на фронте между Ушбортшеном и р. Неман силы немцев определялись

не менее одной дивизии, но еще 25/7-го воздушная разведка выяснила, что все окопы южнее Ласденена, тянущиеся сплошной линией, заняты немцами; наконец, участие здесь в боях гвардейской бригады и взятие пленных, принадлежащих к XXI-му и XXXVIII-му корпусам—все это говорило о наличии против нашего правого фланга сил более значительных, чем их считал штаб армии.

Следствием вышеизложенной недооценки обстановки на флангах было то, что 10-я армия большее внимание проявляла к своему левому флангу, но это было вполне естественно, принимая в расчет задачу Сиверса—обеспечивать тыл армий, стоящих за Вислой, так как прорыв противника вдоль государственной границы на Августов, отбрасывая 10-ю армию к северу, поставил бы в критическое положение 1-ю, 2-ю и 5-ю и вновь образуемую 12-ю армии. И при той оценке сил противника на своих флангах, как рисовали себе ее в штабе армии, другого определения быть и не могло.

Иоганисбургскому отряду пришлось иметь дело со всей 2-й дивизией Фалька и частями 80-й рез. дивизии. Конечно, при таких условиях два полка против двух дивизий не смогли ничего сделать, не смогли они удержаться и в Бяле.

Нужно отметить достойную подражания чуткость III-го Сибирск. корпуса к сообщениям о положении дел на его левом фланге. Лишь только были получены первые тревожные сведения о положении дел под Иоганисбургом, как сюда отправляется сам начальник штаба корпуса для ознакомления с истинной обстановкой. Видя полную неупорядоченность действий, он сам вступает в командование частями, бывшими под рукой, и сразу же вводит события, угрожавшие, быть может, катастрофой, в планомерное русло.

Оценивая, как было уже сказано, силы наступавших немцев в две дивизии против левого фланга и до дивизии в обход правого фланга, командующий армией приказом от 27/9-го февраля № 2 указал отойти армии назад с тем, чтобы к утру 29/11-го февраля занять новое положение, для чего: **Схема № 6.**

1. III-му арм. корпусу—занять позицию западнее Сталупенена, начав отход в ночь с 27/9-го на 28/10-е февраля с выделением особого отряда, силой в два батальона, с полком конницы и артиллерией для обеспечения промежутка между III-м арм. и XX-м арм. корпусами. Коннице (1 п. и 3 кав. дивизии)—оставаться в районе Пилькаллена и Шиленена, ведя разведку между Неманом и шоссе Гумбинен—Сталупенен, действуя в то же время на тыл и фланг противника.

2. XX-му арм. корпусу с переданной ему из состава III-го арм. корпуса 27-й пех. дивизией—занять Гольдапскую и Грабовенскую позиции на фронте Баубельн, Тольминкемен, Штумберн, Скетчен, Соколенн и уступную у Грабовена, имея на-

блюдение за северной частью Ротебудской пущи до линии озер Крумме-Куте и Гросс-Швальг.

3. XXVI-му арм. корпусу—занять позицию на фронте Орловен, Ней-Юха, имея особый отряд для обеспечения своего правого фланга и наблюдения за Ротебудской пущей.

4. III-му Сиб. корпусу—отойти на позиции Ней-Юха, Лык, оз. Гросс-Шельмент, имея особый отряд для обеспечения подступов со стороны Нейендорфа.

5. 57-й пех. дивизии вместе с 31-й ополченской бригадой—составить гарнизон крепости Осовец.

6. I-й отд. кав. бригаде—вести разведку в полосе между дорогой Щучин—Ломжа и р. Шквой, чем обеспечить направление на Новогрод.

Тыловые пути и районы действий были оставлены заранее разработанные прежние, а именно, по приказу командующего 10-й армией от 9/22-го января № 39, упирающиеся в реку Неман на участке от Ковны до Гродны:

Схема № 1.

а) III-го арм. корпуса—на Сталупенен, Вильковишки, Пильвишки, Ковна, для 27-й пех. дивизии—Мариамполь, Иглишки, Прены;

б) XX-го арм. корпуса—от Гольдапа на Щиткемен, Вижайны, Кальвария, Симно, Олита и для 28-й пех. дивизии—от Буддерн на Филиппово, Сувалки, Сейны, Меречь;

в) XXVI-го арм. корпуса—от Видминена на Маркграбово, Рачки, Махарце, Горчица, Сопоцкин, Гожа;

г) III-го Сиб. стр. корпуса—от Рантен на Лык, Боржимен, Августов, Курьянка, Гродно; 57-й пех. дивизии была предоставлена дорога на Щучин, Гониопд, Домброво и далее на Гродно.

Районы действий:

а) район группы Епанчина, к северу от линии: Дипглаукен—Ешергален—Шаккельн—Людвинов—Плина—Бальвержишки, включая эту линию в район группы;

б) XX-го арм. корпуса от указанной выше линии к югу до линии оз. Харшен—Посессерн и д. Якуновкен — Орловен—Зеедранкен—Баккаларжево — Дубово—Гибы — Друскеники, включая эту линию в район XX-го к-са;

в) к югу от этой линии район группы Радкевича (XXVI-й арм. и III-й Сиб. к-са, 57-я пех. див. и 1-я отд. кавалерийская бригада).

Кроме того, в приказе № 2 подчеркивалась необходимость соблюдения возможно полного порядка, принятия мер по поддержанию связи; в заключение приказ требовал полной энергии, помня, что в исключительные минуты требуются исключительное напряжение и выносливость.

Кроме того, из этого приказа усматривается, что войска 10-й армии были разделены на три группы: а) группа Епанчина (ком. III-го арм. к-са), б) группа Булгакова (ком. XX-го

арм. к-са) и в) группа Радкевича (ком. III-го Сиб. к-са), состоящая из XXVI-го армейского и III-го Сиб. корпусов.

На правом фланге 10-й армии к этому времени, т. е. к 27/9-му февраля, войска Епанчина были в трех группах: правая—Левицкого—17½ батальонов, 41 тяж. и легк. орудие с тремя сотнями; центральная—Юзефовича—5½ батальонов, 28 тяж. и лег. орудий с четырьмя сотнями и левая—Макаева—13 батальонов, 2 дружины ополчения, 40 орудий с тремя сотнями, и занимали фронт от северной опушки Шорелленского леса через Вальтеркемен до Риббинен на протяжении 50 верст, имея несколько восточнее конный отряд Бискупского и конный отряд Леонтовича (1-ю и 3-ю кавдивизии).

Еще до получения этого приказа, основываясь на предварительных переговорах с командующим армией, Епанчин, как уже известно, решил немедленно отвести свои войска в течение 27/9-го февраля к границе, а 28/10-го февраля—на Вержболовскую позицию, о чем и отдал уже предварительное распоряжение с указанием, чтобы до наступления темноты во всяком случае не отходить и удерживаться впредь до распоряжения.

Но, прежде чем этот приказ Епанчина дошел по назначению, мы уже знаем, что Левицкий, имевший непосредственное донесение от Бискупского об обходе правого фланга, около 12 часов дня приказал уже начать отход на линию д. д. Виллюнен—Гр. Ворнингкен двумя колоннами: левой колонной Ушакова и правой—Линденбаума, в виду чего отошел назад на несколько верст и отряд Юзефовича.

Приказ командующего 10-й армией № 2 был получен в III-м арм. к-се в 14½ часов 27/9-го февр., и во исполнение его Епанчиным было отдано окончательное распоряжение: войскам Макаева с наступлением темноты занять Сталупененскую позицию, выдвинув вперед один батальон для связи с XX-м арм. корпусом, а Юзефовичу и Левицкому—расположить свои войска севернее, прикрывая правым флангом направление на Владиславов. **Схема № 6.**

Намеченный отход был выполнен точно только войсками Макаева и Юзефовича и частью сил Левицкого (колонна Линденбаума); колонна же Ушакова и отряд Бискупского отошли самостоятельно во Владиславов, так как связь с ними была нарушена и они никаких распоряжений не получили. Все колонны отошли беспрепятственно, не теснимые противником, но связи между собой они не имели; тыловые учреждения корпуса и обозы отошли также беспрепятственно.

XX-й и XXVI-й арм. корпуса во исполнение этого же приказа по армии продолжали оставаться на занимаемых позициях, при чем XXVI-й корпус, сняв всю осадную артиллерию в числе 78 орудий, сосредоточил таковую для погрузки в Видминене для дальнейшей отправки и большую часть уже

отправил через Граево на Осовец; а XX-й арм. корпус отводил назад на линию д. д. Грюнде—Куттен только одну 28-ю пех. дивизию.

В III-м Сиб. корпусе, как сказано уже было, 27/9-го февраля отряд Братанова отбивал немцев впереди Дригаллена, имея распоряжение, в случае невозможности удерживаться, отходить на Лык, куда были направлены сводные части 28-й и 53-й дивизии из XX-го арм. корпуса под командой командира 2-й бригады 28-й пех. дивизии Российского и 253-й полк 64-й пех. дивизии из XXVI-го арм. корпуса, которые могли подойти к Лыку не ранее вечера 28/10-го февраля.

Таким образом, все корпуса, кроме III-го армейского корпуса, имели в виду занять свои новые позиции к утру 29/11-го февраля.

Помимо распоряжений по усилению III-го Сиб. стр. корпуса, штабом 10-й армии было отдано распоряжение подтянуть в Граево одну ополченскую дружину, к Щучину 48-й Донск. каз. полк, оттянуть к Кольно 1-ю отдельн. кав. бригаду Бендерева и собрать рассеяные три полка 57-й дивизии в Осовец (225-й полк с 16/29-го января был передан из арм. резерва в распоряжение командира III-го арм. корпуса, где он и находился).

Фронт, с своей стороны, отдал приказание перебросить 1-ю Кавказскую стр. бригаду в Ломжу, бригаду 68-й пех. дивизии—в Шавли с включением ее в состав 10-й армии.

ГЛАВА V.

Первые мероприятия фронта в связи с наступлением немцев. Указание Сиверса III-му арм. корпусу на 28/10-е февраля. События в III-м арм. корпусе в течение 28/10-го февраля. Обстановка к 14 часам 28/10-го февраля. Занятие Вержболовской позиции. Запоздалый приказ Сиверса об отходе. Отход XX-го и XXVI-го арм. корпусов. Отход III-го Сиб. корпуса. Бой на передовой позиции у Лыка. Заключение.

События на правом фланге 10-й русской армии, а также одновременно с этим обнаружившееся наступление немцев в южном направлении на Мышинец и Хоржеле, связанные с отходом конницы правого фланга 12-й армии на реку Скрва, а передовых пехотных частей к Серпецу, против которого были обнаружены части XX-го германского корпуса, заставили фронт торопиться с образованием 12-й армии, для чего XXVII-й корпус был направлен туда с расчетом прибыть в Прасныш к вечеру 29/11-го февраля, 5-я стр. дивизия—возвращена в Остроленку, 2-я кавал. дивизия—двинута в Пултуск, куда ей надлежало прибыть 28/10-го февраля. Кроме того, предположено было из 1-й армии вывести к 28/10-му февраля в армейский резерв II-й арм. корпус, а в 5-й армии для той же цели вывести XIX-й арм. корпус.

Так, наступление немцев и их демонстрации с целью введения противника в заблуждение относительно истинных своих намерений стали вначале незаметно, а затем все более и, как мы увидим дальше, более отражаться на положении всего северо-западного фронта...

Обратимся, однако, к событиям в 10-й армии.

На 28/10-е февраля III-му арм. корпусу было приказано с позиции западнее Сталупенена ни в коем случае не отходить, так как по мнению штарм 10 прибытие бригады 68-й пех. дивизии в Вильковишки придаст правому флангу корпуса достаточную устойчивость. Вместе с тем, командующий армией приказал переданную в состав III-го арм. корпуса эту бригаду использовать не по-батальонно, а как резерв — целиком для парирования охвата или обхода противником в значительных силах. **Схема № 6.**

Между тем, около 10½ час. утра 28/10-го февраля выяснилось, что северная колонна группы Левицкого (Ушакова) и колонна Бискупского отходят с боем от г. Владиславова, так как

противник около 5 час. утра атаковал город с севера и по правому берегу р. Шешупы. Накануне сторожевое охранение было выставлено только на левом берегу этой реки, Леонтович же, стоявший ядром у д. Сынтовты, вероятно, своего охранения до реки Шешупы также не дотянул. Батальон 292-го пех. полка, бывший в охранении, пропал без вести, и немцев удержал лишь высланный на поддержку батальон 290-го пех. полка.

Имея сведения, что северная колонна группы Левицкого (Ушакова), отходя после боя утром 28/10-го февраля у Владиславова, заняла окопы позади правого фланга Вержболовской позиции, Епанчин решил направить отряд Юзефовича и прочие части Левицкого во фланг против немцев, подошедших к Владиславову, с целью уничтожить эту группу противника.

Между тем, Леонтович в 10 часов утра 28/10-го февраля в своем донесении, не дошедшем до Епанчина, указывал из Сынтовт, что противник продолжает непрерывное наступление по дороге Словики — Владиславов: пехота идет вперемежку с артиллерией и кавалерией, что прошло до 150 зарядных ящиков, что общие силы неприятеля надо считать до дивизии пехоты с артиллерией и дивизии кавалерии, что, несмотря на фланговый огонь нашей артиллерии, противник безостановочно продолжает движение.

Не зная, что происходит перед Леонтовичем, Епанчин в 11 час. 28/10-го февраля отдает из Кибарт приказ Левицкому—удерживая противника левофланговыми частями своего отряда, всеми остальными силами ударить в правый фланг немцев в направлении на Владиславов, Юзефовичу содействовать этому удару, наступая восточнее, а Леонтовичу—броситься им во фланг и тыл. Вместе с тем, прибывший уже 1-м эшелоном батальон бригады 68-й пех. дивизии был направлен от Волковышек по шоссе на Владиславов на поддержку левого фланга Левицкого.

Все эти распоряжения запоздали. В 11 час. утра в Кибарты, где был штаб корпуса, прибыл Левицкий и доложил, что, не имея сведений о колонне Ушакова и зная от разъездов, что Владиславов отнят немцами, он уже приказал своей колонне Линденбаума отходить, тем более, что против него обнаружилось движение больших сил со стороны Вилюнена. Вместе с тем, определилось наступление противника и с фронта против Юзефовича со стороны Пилькаллена.

Таким образом, это приказание Епанчина об атаке немцев осуществлено не было.

В действительности г. Владиславов в это время был уже занят частями XXI-го герм. корпуса, против Левицкого наступали части XXXIX-го рез. корпуса, против Юзефовича—76-я рез. дивизия XXXVIII-го рез. корпуса, имея свою 75-ю дивизию против правого фланга Макаева.

Интересно отметить тот факт, что, когда после полудня Епанчин доложил Сиверсу о тяжелом положении корпуса, о бое у Владиславова, отходе отряда Левицкого на Вильковишки и неимении резервов, чтобы остановить немцев, Сиверс, после своих указаний о способах противодействия немцам, добавил: „Действия немцев на вашем фронте носят характер демонстративный и не могут развиться в какой-нибудь нам угрожающий маневр".

Ясно, что командующий армией введен был в заблуждение неправильной или несвоевременной информацией о размерах сил немцев против своего правого фланга и сосредоточил все свое внимание на левом фланге, куда и направлял какие возможно части из состава XX-го и XXVI-го арм. корпусов.

К 14 часам 28/10-го февр. для III-го арм. корпуса выяснилось, что со стороны Вилюнена и Пилькаллена наступает около дивизии противника; те же сведеня получены были и от летчиков, обнаруживших, кроме того, еще одну колонну — в бригаду — у Шиленена, а еще ранее определилось наступление дивизии на Владиславов, таким образом, вполне обнаружился обход силами не менее двух дивизий немцев.

В то же время, т.-е. к 14-ти часам, поступило донесение о перерыве связи с частями 291-го пех. полка, высланными для связи с XX-м арм. корпусом и расположенными против Гумбинена на позиции у д. Рибинена. Части эти были уже атакованы и окружены немцами.

В этих условиях, которые ставили в безвыходное положение войска, находившиеся на Сталупененской позиции, командиром III-го арм. корпуса было решено, вопреки настоятельным указаниям командующего армией, немедленно отойти на Вержболовскую позицию.

Одновременно с этим Юзефовичу было приказано занять частью сил Эйдкунен, дабы обеспечить отход колонны Макаева (приказание это дошло до Юзефовича, когда он уже подходил к Вержболову).

К 19 часам крайне неблагоприятно сложившаяся обстановка в III-м арм. корпусе стала угрожать катастрофой. Леонтович, выяснив движение от Словики на Владиславов трех бригад пехоты и четырех полков кавалерии с многочисленной артиллерией, отошел с наступлением темноты ядром на Гришка—Буду, руководствуясь ранее отданным приказом по корпусу. Донося об этом около 23 часов, Леонтович прибавлял, что имеет в виду придвинуться ближе к флангу корпуса, но сделает это с рассветом 29/11-го февраля, в виду крайнего утомления людей и лошадей.

Между тем, колонна Ушакова и отряд Бискупского с утра 28/10-го февр. вели бой впереди правого фланга Вержболовской позиции, стараясь удержать немцев, выходящих

из Владиславова. Остальные части группы Левицкого — колонна Линденбаума, слабо теснимая с фронта, но обстрелянная немцами с севера, к 18 часам подходила к д. Рудкишки и начала занимать свой участок на Вержболовской позиции, не имея связи с соседями. Юзефович, узнав, что Линденбаум отошел еще до полудня 28/10-го февр., в свою очередь начал отход к д. Бильдерветчену, также попав по пути под огонь немецкой артиллерии. Получив в д. Бильдерветчен приказ Епанчина, эта колонна Юзефовича в 17½ часов продолжала отход на Вержболовскую позицию и, не имея связи с соседями, около 19—20 часов в темноте втягивалась в Эйдкунен.

Колонна Макаева отходила в течение дня к Сталупененской позиции, при чем немцы слабо обстреливали лишь его арьергард, и к 20 часам тоже подошла к Кибартам, врезываясь головой в колонну Юзефовича, вытягивающуюся на шоссе.

В то же время с занятием Вержболовской позиции происходит следующее: около 19½ час. Ушаков получает приказ о занятии этой позиции, но, двинувшись к ней со своей колонной (части 289-го, 290-го, 107-го и 271-го пех. полков, всего около 8 батальонов и две батареи), был атакован с обоих флангов частями XXI-го германского корпуса и отошел с позиции назад, где и оставался до 8 часов 29/11-го февр., после чего, не зная, что делается у соседей, и не имея дальнейших распоряжений, направился севернее полотна жел. дороги на Козловую Руду, а Бискупский, получив в 3 часа 29/11-го февр. приказ о движении на Ковну, направился в Ковну.

Южная колонна группы Левицкого (Линденбаума), при занятии Вержболовской позиции натолкнувшись на северном своем участке на немцев, тем не менее до 4 часов 29/11-го февраля оставалась на позиции, после чего, не получив никаких распоряжений, двинулась на Вильковишки и далее на Мариамполь и, будучи атакована у м. Ольвита, оставила в руках немцев 4 орудия.

Что же касается войск Юзефовича и Макаева, которые столкнулись у Эйдкунена — Кибарт, то здесь произошло следующее: войска обеих колонн, с трудом продвигаясь между обозами по шоссе, были около 23 часов 28/10-го атакованы с севера только двумя немецкими эскадронами. Колонны эти рассеиваются, в полном беспорядке направляясь частью на Мариамполь, а частью — на Кальварию.

Штаб армии в течение всего дня 28/10-го февраля, несмотря на доклады Епанчина, имел самое превратное представление о том, что происходило в III-м арм. корпусе. Иллюстрацией может служить телеграмма, полученная в штабе корпуса в 17 час. дня, в которой командарм выражает свою

уверенность, что корпус будет ночевать „на немецкой территории", или указания командиру III-го арм. корпуса, чтобы он имел в виду скорое занятие снова Сталупененской позиции, так как командующий армией, как только выяснятся обстоятельства дел у Лыка, примет все меры к сосредоточению у Тольминкемена около бригады, чтобы содействовать корпусу ударом в северном направлении на фланг и тыл противника.

Наконец, около 23 часов 28/10-го февраля в Вильковишках был получен командиром III-го арм. корпуса приказ о том, что оборона позиции у Вержболова должна быть упорная, но ни в каком случае не должна быть доводима до таких пределов, которые будут иметь последствием или окружение, или истребление корпуса. Обстановка, говорил приказ, такой крайней обороны не требует, так как задача корпуса — прикрыть направление на Ковну и через р. Неман между Ковной и Пренами. Далее указывалось, что если положение на Вержболовской позиции сделается опасным, то надлежит отойти на хорошо укрепленную Козлово-Рудскую позицию, а если бы пришлось оставить и последнюю, то одну дивизию направить в гарнизон крепости Ковно, а с остальными войсками отходить за Неман и защищать его на участке от Ковны до Прены.

В первой своей части этот приказ был невыполним, так как возможность обороны Вержболовской позиции уже отпала, и, в действительности, вечером 28/10-го и ранним утром 29/11-го февраля войска корпуса Епанчина без приказа, но под давлением противника в беспорядке частично осуществили вторую часть этого приказа.

События на фронте корпуса развертывались стихийно. Распоряжения корпуса запаздывали в части, а распоряжения штаба армии запаздывали в корпус — в общем войска корпуса были предоставлены самим себе, и управление ими отсутствовало.

Этим, собственно, и заканчиваются события 28/10-го февраля на фронте III-го арм. корпуса.

С отходом корпуса Епанчина правый фланг прочих корпусов армии стал совершенно открытым, ничто не могло препятствовать немцам беспрепятственному осуществлению задуманного ими обходного маневра. Остальным корпусам следовало с утра 28/10-го февраля отходить немедленно, и по крайней мере правым флангом XX-го арм. корпуса; между тем, этот корпус, за выделением сводных полков 28-й и 53-й дивизий в распоряжение команд. III-го Сиб. корпуса в Лык (отряд ген. Российского), имел в виду отойти только в ночь на 29/11-е февраля на фронт д.д. Гросс-Роминтен, Гольдап, Рудшен. Серьезных действий против XX-го арм. корпуса на его фронте противник в этот день, 28/10-го февраля, не

предпринимал—против корпуса обозначали свое наступление лишь части 10-й ландверн. дивизии, 3-я резервн. дивизия и части 1-й ландверной дивизии.

Против XXVI-го арм. корпуса, начавшего еще в ночь с 27/9-го на 28/10-е февраля отход на тыловую позицию на фронте Орловен—Ней-Юха, немцы повели наступление двумя полками на Сухоляскен, а одним полком — на Зивкен. Прикрывшись против них арьергардами, корпус продолжал отход весь день 28/10-го февраля, имея свои арьергарды под артиллерийским огнем противника, и в ночь на 29/11-е февраля занял позицию Орловен — Ней-Юха. Против корпуса действовали части 1-й и 11-й ландверных дивизий.

Схема № 5.

III-й Сиб. корпус, не преследуемый противником, отошел в течение дня 28/10-го февраля на фронт Ней-Юха, Лык. Что касается отряда Братанова, который отошел от Дригалена в 21 час накануне, после серьезного боя с частями 2-й пех. и 80-й резервн. дивизий XL-го рез. корпуса, нанеся им значительные потери, то он в ночь на 28/10-е февраля занял позицию на Лыкском шоссе на фронте д.д. Андреасвальде, Шнейен, Меховен. Противник с утра 28/10-го февраля здесь никаких активных действий не предпринимал, ограничиваясь стычками разведывательных партий. Когда же после 16 часов немцы возобновили свое наступление, то в это время части III-го Сибирского корпуса уже подходили к Лыку, имея слева боковой отряд Мясникова, в составе пяти б-нов 27-го и 32-го Сиб. стр. полков при 1 батарее, который шел по дороге от Клаусена тоже на Лык. Для содействия Братанову этому отряду было приказано наступать на левый фланг немцев, действовавших в охват правого фланга Братанова от Крживена на Байтковен.

Немцы атаковали III-й Сиб. к-с только частями 2-й пехотной дивизии и следующей за ней 5-й пехотной бригадой; 70-я и 80-я резервные дивизии должны были обойти части Братанова с юга по дорогам на Августов; на внутреннем фланге шла 80-я, а на внешнем — 79-я рез. дивизии с 3-й кав. бригадой; 4-я кав. дивизия должна была подойти на следующий день и прикрыть всю операцию со стороны Осовца.

2-я пех. дивизия и 5-я пех. бригада, по признанию самих немцев, ввязались здесь в очень тяжелый бой. Контрудар со стороны д. Талуссен, произведенный отрядом Мясникова, даже вызвал у немцев опасение,—удастся ли им тут устоять. В этот угрожающий, как пишут немцы, день Литцман решил повернуть против левого фланга отряда Братанова уже двинутые к Райгроду части 80-й рез. дивизии.

Таким образом, на южном фланге в III-м Сиб. корпусе положение дел 28/10-го февраля особых опасений не вызывало.

К вечеру того же дня в Лыке был собран отряд ген. Российского (из состава XX-го арм. корпуса), силой в 9 б-нов

при двух батареях. Отряд этот был передан в подчинение ген. Братанову и частью своих сил занял позицию в 7 верстах южнее Лыка на шоссе у сел. Нейендорф.

Из рассеявшихся после боев 26/8-го февраля частей 57-й пех. дивизии было отдано распоряжение образовать отряд, силой в 2 б-на, 4 орудия и $^1/_2$ сотни, и направить в Граево для обеспечения железнодорожной станции, и одновременно с этим 1-й отдельной кавалерийской бригаде Бендерева давалась задача, сосредоточившись к Леману, совместно с прибывающей в Кольно 1-й Кавказской стрелковой бригадой развить наступление в тыл противника по направлению на фронт Иоганисбург — Бяла.

К ночи с 28/10-го на 29/11-е февраля III-й арм. корпус откатился назад более чем на 80 верст, и немцы достигли здесь железной дороги на участке: Пильвишки, Волковышки, Вержболово, Сталупенен. В дальнейшем направление продвижения их колонн круто уклонилось на юго-восток и совершенно изолировало части III-го арм. корпуса от основных сил армии. Отход III-го арм. корпуса обнажил фланг XX-го арм. корпуса, так как выдвинутые части 291-го пех. Трубчевского полка потерпели поражение, в виду относительно обособленного своего положения на старой позиции у Рибинена против Гумбинена, т.-е. в одну линию с войсками XX-го корпуса, имея также открытым свой фланг справа.

Из существенных причин, вызвавших катастрофу в III-м арм. корпусе, можно указать на следующие:

1. Чрезмерно растянутое положение III-го арм. корпуса, создавшееся с одобрения командующего армией во время Ласденснской операции. Полная неосведомленность о том, что делалось на фланге противника и за ним, способствовала неожиданности удара со стороны противника, так как обход его начал обнаруживаться лишь к вечеру 26/8-го, а вернее— 27/9-го февраля, одновременно с отходом правого фланга корпуса.

2. Нарушение нормальной организации—все отряды корпуса представляли собой сборные части, например: колонна Ушакова состояла из: 3 б-нов 290-го пех. полка, 3 б-нов 107-го пех. полка, 1 б-на 292-го пех. полка, $^1/_2$ б-на 289-го пех. полка, а отряд Юзефовича из: 2 б-нов 221-го пех. полка, 1 б-на 105-го пех. полка, 1 б-на 107-го пех. полка, 1 б-на 291 пех. полка, $^1/_2$ б-на 290-го пех. полка [1]).

3. Командир корпуса в своем разговоре с командующим армией 27/9-го февраля, неопределенно указывая последнему на создавшуюся серьезность обстановки, не ставит в катего-

---

[1]) При этом нужно учитывать, что из III-го арм. корпуса его основные дивизии—27-я и 28-я—были переданы: 27-я п. див.—в XX-й корпус, а 28-я еще раньше была выделена на Варшавский фронт.

рической форме вопроса о разрешении ему отойти на Вержболовскую позицию, как это он сам считал нужным. С своей стороны, не дооценивая обстановки на правом фланге, командующий армией не придал особенного значения докладу командира корпуса, что и подтверждает двумя своими телеграммами от 28/10-го февраля о том, что „нет основания придавать серьезное значение направлению части сил противника в обход вашего правого фланга. Обход может быть парирован действиями конницы и направленной к вам бригадой 68-й дивизии", а в другой говорит: „Должен прибавить, что действия немцев на вашем фронте носят характер демонстративный и не могут развиться в какой-нибудь угрожающий нам маневр".

4. Никаких попыток к точному уяснению своего положения командующему армией ген. Епанчин не сделал, а потому никаких мер к парированию обхода принято не было; была потеряна ночь с 27/9-го на 28/10-е февраля, и XX-й арм. корпус стоял на своих старых позициях, но только с обнаженным своим флангом.

5. Около 10 час. 28/10-го февраля командующий армией приказывает удерживать во что бы то ни стало Сталупененскую позицию; Епанчин это приказание подтверждает войскам, хотя обстановка совершенно этому не соответствует, так как колонны Ушакова и Бискупского в 6 час. утра уже вытеснены немцами из Владиславова и отбиваются от противника восточнее этого пункта, и противник, силой не менее дивизии (фактически весь XXI-й герм. корпус), оказался в нескольких верстах от крайнего правого фланга Вержболовской позиции, от которого войска левого фланга корпуса находились еще в переходе.

6. Отдавая приказ о направлении отрядов Левицкого и Юзефовича для удара во фланг немцам, командир корпуса не знает, где находятся упомянутые отряды, которые уже отходят как под давлением противника с фронта, так и вследствие обхода их противником, и только в 14 часов приказывает отойти войскам на Вержболовскую позицию. Это им не удается, так как, не дойдя до позиции, войска рассеиваются около 23 часов атакой незначительных сил противника и в возникшей вследствие этого панике выходят из рук начальников, отходя частью на Мариамполь, частью — на Кальварию.

7. С вечера 27/9-го февраля многие распоряжения, вследствие отсутствия проволочной связи между штабом корпуса и отрядами, доходят с опозданием; в тех же условиях была и доставка донесений вверх, по команде; все это произошло, благодаря чрезмерной разброске отрядов и, конечно, как раньше уже указывалось, благодаря импровизации их с нарушением организационных соединений. Конница противника,

проникшая в прорыв между частями правого и левого флангов корпуса, не мало способствовала затруднению связи. То же надо сказать и о внутренней связи между соседними колоннами. Тут надо признать, что, помимо разброски колонн, импровизация их и, конечно, как всегда в этих случаях бывает, отсутствие штабов имело значение не последнего порядка.

Что касается конницы Леонтовича, то, определяя 26/8-го февраля силы обходящих немцев всего в два батальона, она уже за 27/9-е и 28/10-е февраля дает о противнике совершенно определенные сведения, но эти сведения приходят с большим запозданием (опять-таки плохо организована связь). Однако, на ряду с этим нужно также отметить мало активные и мало энергичные ее действия. Конечно, трудно было задерживать противника тем более, что последний был в превосходных силах, но, действуя с наступательным порывом, энергично, подвергая противника артиллерийскому обстрелу, Леонтович, без сомнения, мог бы замедлить продвижение противника настолько, чтобы командованию корпуса явилась возможность принять своевременно ряд мер для избежания той катастрофы, которая последовала в действительности у Вержболова. Конница все время держится не на уступе впереди правого фланга III-го арм. корпуса, а на уступе сзади, да вдобавок к этому, пассивно отходит, констатируя только свой отход.

Отойдя в ночь с 27/9-го на 28/10-е февраля в д. Сынтовты и к вечеру 28/10-го в Гришка-Буду, конница Леонтовича уходит совсем в сторону, не оказывая III-му арм. корпусу никакого содействия. Вообще, все действия конницы были вне какой-нибудь связи с действиями корпуса. Этому не мало способствовала и самая постановка ей задач: „действовать во фланги и тыл противнику", сама по себе ничего не говорящая фраза, общего понятия, которой, однако, часто пользуются, желая отмахнуться от докучливой необходимости: „нужно же не забыть и ей дать задачу".

Резюмируя все вышеизложенное о действиях III-го арм. корпуса, можно прийти к следующему:

С 12/25-го по 26/8-е февраля III-й арм. корпус, проводя порученную ему операцию по очистке лесов в районе Ласденена, не принял мер к обеспечению ее на случай неудачи (отсутствие резерва, промежуточных укрепленных позиций, перемешивание частей, недостаточно энергичная разведка конницы, отсутствие надежной связи). Все это особенно ярко выразилось при отходе в течение 27/9-го и 28/10-го февраля.

Командир корпуса, дав правильную оценку обстановки, 27/9-го февраля утром недостаточно твердо и категорически докладывает командующему армией серьезность создавшегося положения, будучи, повидимому, совершенно неосведомленным

о том, что делается в частях его корпуса как в течение дня 27/9-го февраля, так и позднее. В свою очередь командующий армией, не оценив, как следует, доклада командира корпуса, предвзято судит об обстановке и, на основании неправильной оценки ее, связывает командира корпуса в его действиях.

В результате—обнажение правого фланга всей армии и подставление под удары противника правого фланга и тыла XX-го арм. корпуса, продолжающего находиться еще на своих старых позициях и имеющего распоряжение только в ночь с 28/10-го на 29/11-е февраля перейти на новые позиции, которые фактически уже были обойдены противником.

Не то было на противоположном левом фланге армии. Штаб армии с особенной чуткостью относился ко всему, что здесь происходило, ставя себе задачей в первую голову разрешить назревший кризис именно здесь, а потом уже приняться за упорядочение положения на своем правом фланге. Будучи связан задачей обеспечения тыла всего фронта, командующий армией чутко реагирует посылкой на подкрепление III-го сиб. корпуса частей XX-го и XXVI-го арм. корпусов и туда же сразу направляет свой единственный резерв, 225-й полк, находящийся за III-м арм. корпусом у Сталупенена.

С своей стороны, командование III-м Сибирским корпусом при первых же намеках на возможность появления значительных германских сил в обход своего фланга организует действительную оборону такового, путем занятия специально выделенными частями уступной позиции у Дригалена, и как бы в предвидении неудачи у Иоганисбурга, защищаемого второочередными частями, прочно закрывает промежуток между озерами Варшау и Секстер у д. Тржонкен, чем обеспечивается весь левый фланг частей корпуса, находящихся еще на позициях севернее озера Шпирдинг. Наконец, не доверяя командирам сборных соединений, руководит всей операцией сам начальник штаба корпуса Братанов. Командир корпуса ясно осознал всю важность выпавшей на него задачи, принял все зависящие от него меры и не дал здесь событиям развернуться в катастрофу, хотя события у Иоганисбурга могли создать для этого все предпосылки.

Конница и здесь, на левом фланге армии, не проявила ничем своей деятельности, хотя она и имела к тому полную возможность; вероятно, это было следствием оторванности ее положения, но главное, нам кажется, состояло в той же инертности, каковая была и у Леонтовича. Действия 227-го пех. полка 57-й пех. дивизии заслуживают полного одобрения, но, к сожалению, повидимому, „второочередность" тут сыграла свою роль [1]).

[1]) Автору настоящей работы приходилось неоднократно быть свидетелем слабой боевой работы этой дивизии.

Твердость управления и достоверное представление о силах противника свидетельствуют о надлежаще налаженной разведке. Планомерный отход отряда Братанова на заранее подготовленные и занятые частью позиции в тылу во всяком случае обеспечивал занятие этих позиций, и достигнутые немцами первоначальные успехи стоили им очень дорого.

Что касается действий XX-го и XXVI-го арм. корпусов, то действия их за период до 29/11-го не представляют ничего примечательного, так как отход совершился по приказам и указанная им для занятия позиция была действительно занята к указанному приказом армии № 2 сроку, т.-е. в ночь с 28/10-го на 29/11-е февраля, без нажима со стороны немцев.

ГЛАВА VI.

События в III-м арм. корпусе 29/11-го и 30/12-го февраля. Положение немцев к вечеру 28/10-го февр. Положение XX-го арм. корпуса к утру 29/11-го февр. Решение Сиверса отойти. Указание фронта держаться на линии Лык, Козлова-Руда и изменение решения Сиверса. Бои в III-м Сиб. корпусе. Директивы фронта 29/11-го февр. Распоряжения армии 29/11-го февр. Возражения фронта. Переговоры с фронтом 29/11-го февр. События 29/11-го и 30/12-го февр. в XX-м и XXVI-м арм. корпусах. Указание команд. 10-й армии в связи с обходом немцами у Просткена. События 29/11-го и 30/12-го февр. в III-м Сиб. корпусе. Заключение.

Схема № 6.

В 2 часа ночи 29/11-го февраля Епанчин донес командующему армией, что обход немцами правого фланга его корпуса продолжается силами более дивизии, отряд Юзефовича рассеялся в Вержболове, об отряде же Макаева известно только то, что около 19 часов 28/10-го февр. он входил в Кибарты, что в виду таких обстоятельств им, Епанчиным, решено: 1) отвести часть отряда Левицкого через Пильвишки на Ковну, остальные части этого же отряда—через Мариамполь на Дерсунишки; 2) конницу Леонтовича направить севернее также на Ковну, обеспечивая этим отряд Левицкого с севера; 3) Юзефовича от Мариамполя двинуть на Прены. При этом первоначальной задачей на 29/11-е февраля войскам III-го арм. корпуса ставилось достижение западных выходов из Козлово-Рудских лесов. Это решение вылилось в приказе, которым определялась и задача следующего дня, а именно: 30/12-го февраля стремиться к тому, чтобы засветло достигнуть линии, проходящей через Веверы—Ворты (10 вер. западнее Прены).

В конце приказа к начальникам всех степеней корпуса была обращена просьба проявить высшую энергию и упорство с напоминанием, чтобы части Левицкого прибыли в Ковну, а части Юзефовича—к переправам у Дерсунишки и Прены.

Очевидно, что командующему армией в таких обстоятельствах пришлось только фиксировать создавшееся в III-м арм. корпусе положение и подчеркнуть необходимость удержания корпусом Козлово-Рудской позиции, а, имея в виду необходимость обеспечения с севера XX-го арм. корпуса, конный отряд Леонтовича направить в район Мариамполь—Кальвария.

К вечеру 30/12-го февраля на Козлово-Рудской позиции собрались остатки 107-го пех. п. 27-й пех. д., 223-го пех. п. 56-й пех. дивизии, 289-го, 290-го, 292-го пех. п. 73-й пех. див. (в общем немногим более 3.000 чел.), бригада (7 бат.) 68-й пех. дивизии и отряд полковника Бискупского, а на следующий день выяснилось, что остатки 221-го, 222-го, 224-го пех. полков 56-й пех. дивизии и 225-го пех. полка 57-й пех. дивизии отошли в Симно, откуда были направлены в Олиту.

Противник частей, отходящих на Козлово-Рудскую позицию, не преследовал ни 29/11-го, ни 30/12-го февраля. Он продолжал свое движение на юг, перед германцами во исполнение основной директивы стояли другие задачи.

Части III-го арм. корпуса отошли в таком состоянии, что к активным действиям в ближайшее время они были неспособны и в будущем во все время продолжения немцами своей операции против 10-й армии они оставались пассивными ее наблюдателями, прикрывая с запада пути на Ковну.

Имея перед собой так поспешно очищаемое войсками III-го арм. корпуса свободное пространство, немцы 28/10-го февраля, достигшие линии жел. дороги Гумбинен—Пильвишки, ночевали: XXI-й корпус в Вильковишках, имея части 31-й дивизии в Пильвишках; XXXIX-й рез. корпус—в районе Вержболово—Эйдкунен, XXXVIII-й рез. корпус—в районе Сталупенена. Опасения за свой левый фланг со стороны Ковны заставили немцев 28/10-го февраля выдвинуть на это направление кенигсбергскую ландверную дивизию, наступавшую ранее на правом фланге 10-й германской армии, и 5-ю гвардейскую бригаду; в дальнейшем эти части выполняли роль флангового прикрытия.

Обратимся к действиям прочих корпусов армии и вспомним, что еще около полудня 28/10-го февр. Леонтович телеграфировал командующему армией, что противник продолжает наступление по дороге Словики — Владиславов, что пехота его идет вперемежку с артиллерией и кавалерией, что прошло около 150 зарядных ящиков, что общие силы неприятеля надо считать до дивизии пехоты с артиллерией и дивизии кавалерии; позже, около 23 часов, он донес, что это „движение немцев по дороге от Словики на Владиславов продолжалось целый день, сосчитано уже три бригады пехоты и четыре полка конницы с многочисленной артиллерией, полагаю корпус".

При этих условиях XX-й арм. корпус, который только к утру 29/11-го февраля должен был выйти на фронт д.д. Баубельн—Тольминкемен—Штумберн — Скетчен—Соколлен и на уступную позицию у д. Грабовен, имея наблюдение за северной частью Ротербудской пущи до линии озер Крумме-Кутте и Гросс-Швальг, имел перед собой противника, угрожающего перехватить его тыловой путь, который проходил от Гольдапа на Шиткемен—Вижайны—Кальварию—Симно, так

как части XXI-го и XXXIX-го герм. корпусов, достигшие к ночи с 28/10-го на 29/11-е февраля линии Пильвишки—Вильковишки—Вержболово, были уже вдвое ближе к Кальварии, чем войска XX-го корпуса. Штаб армии, учитывая это, назначает корпусу новую военную дорогу на Филиппово—Сувалки—Сейны—Лейпуны—Меречь, о чем и сообщает в полночь с 28/10-го на 29/11-е с тем, чтобы перенос тыловых учреждений на эту дорогу сделать безотлагательно.

Схема № 6.

К утру 29/11-го февраля XX-й арм. корпус с 27-й пех. дивизией, переданной из III-го арм. корпуса, согласно приказа по армии, расположился на Гольдап-Грабовенской позиции следующим образом: 27-я пех. дивизия—Джонсона—на фронте: д.д. Ворнен — Тольминкемен — Микунишкен (вкл.); 29-я пех. дивизия—Розеншильда—на фронте: д.д. Микунишкен (искл.)—Думбельн (вкл.); 53-я пех. дивизия—Федорова—на фронте: д.д. Думбельн (искл.)—Соколлен; 28-я пех. дивизия—Лашкевича—от д. Грабовен до д. Рдзавен. 27-я, 53-я и 28-я пех. дивизии выделили по одному батальону в корпусной резерв, соответственно в д. Микунишкен, Гольдап и Лебенталь.

Правый фланг XX-го арм. корпуса должен был обеспечиваться частями III-го арм. корпуса (о судьбе этого обеспечения—частях 291-го пех. Трубчевского полка—мы уже говорили). Сознавая опасное положение своего правого фланга, Булгаков рассчитывал выделить к Пилупенену несколько батальонов своего корпуса, но Сиверс, считаясь с опасностью поражения этого отдельно стоящего отряда, советовал ограничиться выдвижением отряда лишь к Мелькемену, немного севернее Роминтенской пущи с тем, чтобы этот отряд, держась уступом за правым флангом 27-й дивизии Джонсона, поддерживал с нею более тесную связь.

Ко времени занятия XX-м арм. корпусом нового положения, т.-е. к утру 29/11-го февраля, группировка немцев против правого фланга, по сведениям штаба армии, представлялась в следующем виде: наступление противника от Словики на Владиславов и вообще в обход нашего правого фланга продолжалось силами не менее трех дивизий пехоты и 1 1/3 дивизий конницы, при чем против Вержболовской группы на участке Словики—Пилькаллен действовали части 1-й кав. дивизии, 5-й гвардейской и ландверной кенигсбергской бригад, теснившие конницу Леонтовича и заставившие отойти правый фланг III-го арм. корпуса; кроме того, около 2-х пех. дивизий наступало на Вержболово. Что касается обстановки на левом фланге армии, то, по тем же сведениям штарма, было установлено, что одна дивизия немцев наступает в обход нашего левого фланга, части же XL-го германского резервного корпуса продолжают наступление на Лык, особенно энергично от Клаусен; кроме того, обнаруживались 43-й и 44-й пех. полки противника в районе Байтковена.

В действительности — весь XXI-й корпус Фрица фон-Белова наступал двумя колоннами на Владиславов и Вержболово, имея правее себя части XXXIX-го и XXXVIII-го рез. корпусов, нацеленные и наступавшие на фронт Вержболово—Сталупенен. Перед центром 10-й армии—XX-м и XXVI-м арм. корпусами—противник вел себя пассивно, на юге же против III-го Сиб. корпуса XL-й германский рез. корпус, вместе с 2-й дивизией Фалька (I-го к-са) и 5-й пех. бригадой, двигался на Лык, стараясь одновременно обойти его с юга. 3-я кав. бригада, усиливаемая оттягиваемыми сюда частями из состава дивизии 8-й армии, идя от Бяла на Просткен, обеспечивала обходную группу со стороны Осовца, ведя разведку в направлении на Бобр и Нарев,—таким образом, штаб 10-й русской армии здесь, на фронте III-го Сиб. корпуса, в своих предположениях не ошибался.

При взгляде на прилагаемую схему № 6 видно превосходство сил немцев на обоих флангах русской армии, особенно направленных в обход правого фланга XX-го арм. корпуса в то время, как в центре у них были силы, могшие только лишь сдержать стоящие перед ними войска XX-го и XXVI-го арм. корпусов в том случае, если бы последние предприняли контр-удары.

Имея достаточно данных о противнике, командование 10-й русской армии положило предел своим сомнениям и остановилось на решении отойти на восток всем фронтом. Сиверс приказывает заблаговременно обдумать, что нужно сделать для отхода на фронт Вильковишки—Сувалки—Августов, при этом подчеркивая,—„никоим образом при отходе не допускать движения даже мелких частей путями чужого района".

Однако, фронт оценил по-своему положение дел в 10-й армии и, считая, что отход 56-й и 73-й пех. дивизий III-го арм. корпуса на Ковно и на Мариамполь произошел от недостаточной стойкости второочередных дивизий, приказал Сиверсу удерживать левым флангом район Лыка, а правым—линию Козлова - Руда—Мариамполь. Следствием этого было то, что войскам 10-й армии вслед за предыдущим приказанием было отдано 29/11-го февраля новое, в котором указывалось, что, в виду продолжающегося отхода частей III-го арм. корпуса на фронт Ковна—Дерсунишки, сегодня армия всеми остальными силами будет удерживаться на занятых позициях и лишь для обеспечения правого фланга XX-го арм. корпуса часть его сил будет двинута на фронт Кальвейтшен—Насовен. В ночь же на 30/12-е февраля XX-й арм. корпус, если то понадобится, будет отведен на фронт Вижайны—оз. Ганьча—Баккаларжево. XXVI-му арм. корпусу надлежит удерживаться на позиции Орловен—Ней-Юха, имея связь с 28-й пех. дивизией и наблюдение за образующимся между XX-м и

XXVI-м арм. корпусами промежутком; в дальнейшем отход XXVI-го арм. корпуса предположен на фронт Ольшевен—Гонскен; III-й же Сиб. корпус попрежнему будет оборонять позицию Ней-Юха—Лык.

Утром 29/11-го февраля штабу армии было известно, что в XX-м арм. корпусе ночь прошла спокойно, а в XXVI-м—немцы, под артиллерийским огнем его арьергарда, переходили в частичное наступление на некоторых участках корпуса, повсюду отбитое.

Схема № 5.

Бои на фронте III-го Сиб. корпуса 29/11-го февраля продолжались с бо́льшим или меньшим напряжением на всех участках его расположения. Наступление немцев в восточном направлении от Грабника и южнее задерживалось частями 8-й Сиб. стр. дивизии, попытки противника обойти правый фланг Братанова на линии Зденен—Некрасен были отбиты, при чем положение отряда Братанова, несмотря на наступление на него целого корпуса (по определению Братанова), оценивалось командиром III-го Сиб. корпуса, как вполне твердое.

К 8 часам утра к станции Просткен подошла немецкая конница, а затем и пехота, и сообщение по жел. дороге Лык—Граево прекратилось. 26-й стр. полк с батареей, направленный на Райгрод для обеспечения направления Райгрод—Августов, подходя к Вишневичи, на полупути между Лыком и Райгродом, был обстрелян артиллерией с юга.

Когда в штабе фронта было получено известие о занятии немцами района Просткен—Граево, Рузский телеграфировал Сиверсу в 13 часов 29/11-го февраля № 7565, что предоставляет ему, Сиверсу, действовать по обстановке, считая конечной целью—во всяком случае остановить немцев на линии Осовец—Августово—Сейны—Ковно и, опираясь флангами на крепости, удержать во что бы то ни стало Августов, а при малейшей возможности и Сувалки, дабы иметь выгодное исходное положение для решительного перехода в наступление одновременно с войсками 12-й армии, сосредоточиваемыми в Ломжинском районе.

Отдавая такое распоряжение, фронт рассчитывал на совместное наступление 10-й и 12-й армий. В своей последующей директиве Рузский пишет: „10-я армия сосредоточивается на линии Ковно—Лык. 12-я армия тремя корпусами сосредоточилась в районе Плонск—Цеханов—Прасныш; один ее корпус сосредоточивается в районе Ломжи, а один—в районе Остроленки. 10-й армии обеспечивать тыловые пути армий, действующих на обоих берегах Вислы. По окончании сосредоточения корпусов 12-й армии в районе Остроленка—Ломжа 10-й армии перейти в решительное наступление в связи с 12-й армией и сбить германцев. 12-й армии активно прикрывать подступы к Варшаве и Нареву... до реки Бобра... 12-й армии по окончании сосредоточения корпусов у Ломжи

и Остр[illegible]нки перейти всеми силами в решительное наступление[illegible] связи с 10-й армией и оказать содействие левому флангу этой армии. Разграничительные линии между 10-й и 12-й армиями: Белосток, Тростяны, Щучин".

Из этих распоряжений видно, что фронт попрежнему держался еще мысли о совместном наступлении 10-й и 12-й армий, между тем именно те корпуса, которые могли бы так существенно помочь теперь 10-й армии, а именно корпуса, собираемые в районе Ломжи и Остроленки, своего сосредоточения еще не закончили; следовательно, задержка Сиверса на фронте Осовец—Августов—Сейны—Ковна была бы уместной лишь в том случае, если бы она для 10-й армии могла быть осуществима по его воле.

Противник давил на фланги 10-й армии, потерявшей уже свободу решений, и мы видим, что, вопреки приказаниям и предположениям фронта, получив, в свою очередь, известие о занятии немцами района Просткен—Граево и учитывая полную неизвестность о III-м арм. корпусе, командующий армией 29/11-го февраля решается на окончательный отход всей армией, в соответствии с чем и отдает приказ. Дороги для отхода корпусов были назначены следующие:

Схема № 6.

1. Для XX-го арм. корпуса:

а) Вижайны—Кальвария—Симно—Олита;

б) Верселе—оз. Ганьча—Сидоры—Слободка—Войткеме—Новиники—Лодзее—Серее;

в) Пржеросль—Кружки—Еленево—Калетники—Жегары—Вейсее—Лейпуны—Меречь;

г) Филиппово—Сувалки—Краснополь—Сейны—Копциово—Друскеники.

2. Для XXVI-го арм. корпуса:

а) Ольшевен—Маркграбово—Каменка—Поддубовек—Махарце—Гибы—Чортек—Свентоянск;

б) Гонскен—Велицкен—Рачки—Щебра—жел. дор. ст. Августов—Горчица—Сопоцкин—ф. Гожка.

3. Для III-го Сиб. корпуса:

а) Ней-Юха—Страдаунен—Высокен—Калиновен—г. Августов—Курьянка—Гродно;

б) Лык—Писанитцен—Боржимен—Барглов—Барсуки—Белоброжеги—Штабин—Домброво—Гродно.

Остановившись на мысли отходить всем фронтом на восток, командующий армией указывает XX-му арм. корпусу в течение первых двух дней занять линию Вижайны—Баккаларжево, а XXVI-му арм. корпусу—в ночь на 30/12-е февраля сосредоточиться в районе Маркграбово—Гонскен.

Эти распоряжения командующего 10-й армией вызвали возражения со стороны штаба фронта. Начальник штаба фронта Гулевич передал, что „главнокомандующий приказал правому флангу 10-й армии задержать наступление неприя-

теля и остановить его на линии Козлова-Руда—[illegible]мполь и принять все меры к тому, чтобы дальнейший [illegible]д был недопустим".

Эта телеграмма показывает, насколько далек б[illegible] штаб фронта от понимания истинного положения дел в 10-й армии. Начальнику штаба армии Будбергу пришлось убеждать фронт не ставить армии неразрешимых задач, произошел разговор по прямому проводу следующего содержания [1]):

Будберг: Генерал Епанчин пролетел через Мариамполь на Дерсунишки и ничего не сообщил о действительном положении дел, да я думаю, что он и не знает, что с его частями. Он передал телеграфом приказ, из которого видно, что частям приказано уходить на Ковну и Дерсунишки. Ему послано приказание всеми силами задержать отход на Козлово-Рудскую позицию, но я лично думаю, что едва ли это удастся: такие части уже не остановить. Во всяком случае сделал все возможное, чтобы остановить это отступление".

„На левом фланге на отряд ген. Братанова ведет атаку целый корпус, но, к нашему счастью, все время пытается обойти его правый, менее опасный, фланг. Здесь положение наше прочно, но я считаю необходимым, во избежание всяких случайностей, отвести армию на линию Райгрод—Рачки—Сувалки, имея XXVI-й корпус уступом назад за правым флангом III-го Сибирского корпуса".

Ген.-квартирм. штаба фронта *Бонч-Бруевич:* „Почему XXVI-й корпус, он ведь у вас в центре?"

Будберг: „Я знаю, что он в центре, но его необходимо иметь уступом назад в виду его состава. У него взято два лучших полка 64-й дивизии (253-й и 255-й полки переданы в III-й Сиб. корпус); остальные полки требуют осторожности, чтобы не перетянуть предела их выносливости, особенно при отходе и под натиском".

„XX-й корпус можно иметь к северо-западу от Сувалок, имея в нем не менее полуторы дивизии за правым флангом уступом назад, на тот случай, если бы немцы пытались развить удар от Вильковишки на Кальварию и дальше—во фланг XX-го корпуса".

„Мне кажется, что такое положение армии является единственным, которое при создавшейся обстановке дает возможность выполнить основную задачу, т.-е. прикрыть район Осовец—Гродно тремя сохранившимися корпусами. Положение III-го Сиб. корпуса с левым флангом у Райгрода уже не допускает обхода этого фланга и дает возможность перехода здесь в наступление, опираясь левым флангом на Осовец; XXVI-й корпус, осаженный назад, дает меньше повода за него

---

[1]) А. П. Каменский. Гибель XX корпуса (по архивным материалам штаба 10-й армии).

беспокоиться, да и все положение армии уступом слева назад приводит ни к чему удар немцев на наш левый фланг".

„Теперешнее положение уступами слева вперед я считаю очень опасным, особенно при возможности сейчас обхода нашего левого фланга южнее Лыка. Отход наш назад не мешает последующему переходу в наступление, и если немцы последуют за нами на указанную линию, то их положение по мере продвижения на восток будет делаться все хуже. Мы же, имея на линии Райгрод—Боржимен 10 полков III-го Сиб. корпуса с обеспеченным левым флангом, свободно перейдем в наступление".

„В виду всего изложенного, я считаю, что в настоящее время указанное мною положение является единственно возможным. К нему нужно перейти с возможной скоростью, вывести войска из вечного соприкосновения по всей линии с неприятелем, приняв положение наилучшее для последующего маневра, т.-е. сосредоточенное с сильным арьергардом, а не линейно-крепостное, в которое нас втянула сложившаяся за последнее время обстановка".

Из этого разговора видно, что положение на левом фланге признавалось настолько устойчивым, что после перегруппировки штаб армии считал даже возможным переход в наступление, но для того, чтобы отвести армию на линию Райгрод—Рачки—Сувалки, нужно было бросить те тыловые дороги, которые вели армию к Неману.

Но таковая, по свидетельству ген. Будберга [1]), точка зрения была абсолютно неприемлема для командующего армией. Последний не допускал мысли о расстройстве и крушении всей намеченной системы тыловых путей, потери части обоза и об отходе в южном направлении.

Как расценивал обстановку Сиверс, видно по его переговорам с фронтом, происходившим неоднократно в течение 29/11-го февраля. Сиверс озабочен, главным образом, отходом правого фланга XX-го армейск. корпуса, т.-е. 27-й пех. дивизии, на которую следовало бы возложить задержание неприятеля со стороны Сталупенена и Вержболова, так как с отходом III-го арм. корпуса неприятель будет обходить правый фланг XX-го арм. корпуса, что помешает отойти на Олитскую позицию. Кавалерия могла перейти в район Кальварии, и это оказало бы существенную помощь XX-му арм. корпусу, но связь с Леонтовичем нарушена. Далее Сиверс говорит начальнику штаба фронта Гулевичу: „Прошу вас обратить внимание на то, что значительные силы германцев после отхода Епанчина угрожают глубоким обходом моему правому флангу, почему я оставить XX-й корпус впереди Ромintенской рощи

---

[1]) А. П. Каменский. Гибель XX корпуса (по архивным материалам штаба 10-й армии).

не могу в том положении, какое он занял сегодня ночью, а должен его отвести за Ромынтенскую рощу, иначе я рискую путями сообщения этого корпуса. Немцы угрожают путям сообщения XX-го корпуса, почему я для спасения армии должен сегодня начать отход, дабы не испытать катастрофы, подобно тому, как это было в августе. Из этого вы можете видеть, что наступать 10-я армия в настоящую минуту не может, так как она скована на левом фланге у Лыка, а равно немцы ведут атаки на фронте XXVI-го корпуса".

В следующем разговоре Сиверс указывает начальнику штаба фронта, что о том, что делается в районе Епанчина, он не знает. Если он, Сиверс, будет упорствовать на настоящих позициях, то может подвергнуть остальные три корпуса риску не только потерять свои сообщения, но и лишиться возможности перехода в наступление совместно с 12-й армией. „Прошу сообщить, говорит далее Сиверс, чем вы руководствовались, настаивая на том, чтобы я атаковал противника и помогал расстроенному уже и отступавшему Епанчину? Какая от этого будет польза, если и части XX-го корпуса будут расстроены? Я представляю себе обстановку так, что для общей пользы мне нужно отойти от угрожающих обходов—действительных, а не воображаемых—и сохранить три корпуса для перехода в наступление" [1]).

На это наштафронта отвечал: „Во всяком случае главнокомандующий считает, что дальше линии Лык—Баккаларжево—Кальвария—Козлова-Руда части армии отходить не должны. Перед вами немцы—тоже второочередные части. Отход на указанную линию считает возможным только в случае крайности после боев, которые во всяком случае должны задержать немцев".

Далее Сиверс приводит те доводы, что с фронта он немцев задержать сможет, но так как отход III-го арм. корпуса освободил фланг, правее XX-го арм. корпуса, то это принуждает отходить правым флангом для того, чтобы уклониться от обхода, для парирования которого нужен лишний корпус; кроме того, добавляет, что не сможет занимать всю линию Лык—Баккаларжево—Кальвария—Козлова-Руда, так как эта линия—протяжением 140 верст и занять ее тремя корпусами, имеющими к тому же целью переход в наступление,—невозможно; кроме того, Козлово-Рудская позиция, по донесениям Епанчина, еще не занята, а Мариампольский район частями III-го корпуса очищен.

Командующий фронтом кладет конец всем этим переговорам и оставляет в силе распоряжение, о котором мы уже упоминали, посланное в 13 час. 29/11-го февраля № 7565 о

---

[1]) А. П. Каменский. Гибель XX корпуса (по архивным материалам штаба 10-й армии).

предоставлении Сиверсу действовать по обстановке, считая конечной целью, во всяком случае,—остановить наступление немцев на линии Осовец—Августов—Сейны—Ковна.

Из этих переговоров видно, что командующий армией считал целесообразными пути отхода своей армии только к Неману на восток и расходился во мнении как со своим начальником штаба, так и со штабом фронта, боясь его ослушаться. Окончательно фронт под выражением „предоставляя вам действовать по обстановке" предоставил армии лишь свободу безостановочного отхода до линии Осовец—Августов—Сейны—Ковна, на которой армия должна была остановиться.

Приказ о тыловых путях, отданный 29/11-го февраля, который мы уже привели выше, фиксировал пути, отходящие прямо на восток и находившиеся под угрозой со стороны 10-й германской армии Эйхгорна, которая к вечеру 28/10-го февраля уже достигла линии Вильковишки — Сталупенен, а 29/11-го февраля, следовательно, еще более к ним приблизилась.

Итак, в течение 29/11-го февраля XX-й и XXVI-й арм. корпуса совершали перегруппировку на новые пути. Схема № 6.

Отход XX-го арм. корпуса 29/11-го и 30/12-го февраля обеспечивала 27-я пех. дивизия между Виштынецким озером и д. Насовен в то время, как весь корпус отходил на фронт Вижайны—Баккаларжево. Следует отметить, что лазареты и перевязочные отряды XX-го арм. к-са., заблаговременно отправленные в тыл по указанным им путям, попали в руки противника еще утром 29/11-го февраля в районе оз. Виштынец.

К вечеру 29/11-го февраля XX-й арм. корпус занял линию Кальвейтшен—Шиткемен—Горбассен—Бяла без нажима со стороны противника, но с утра 30/11-го февраля немцы (75-я див. XXXVIII-го корп.), подошедшие к Виштынецкому озеру, повели наступление в южном направлении по обеим его сторонам, завязав около полудня бой на правом фланге расположения 27-й пех. дивизии у дер. Вишупенен, занятой частями 106-го пех. полка, и отбросили их к д. Куйкен. Получивши в поддержку 108-й пех. полк, части 106-го пех. полка совместно с 108-м пех. полком перешли в контр-атаку и, в свою очередь, оттеснили противника к северу от д. Куйкен. После этого немцы атаковали центр 27-й пех. дивизии и стали артиллерийским огнем обстреливать шоссе Мелькемен—Абшериткен — путь отступления левого участка дивизии. Около 15 часов того же дня части 106-го пех. полка были принуждены к отступлению, и противник стал продвигаться вперед. Командир бригады 27-й пех. дивизии Беймельбург, видя себя здесь отрезанным, отошел с частями 105-го и 106-го пех. полков назад в Ромынтенскую пущу, откуда в южном направлении пошел на присоединение к своему корпусу, встретив по пути два б-на 106-го пех. полка, ранее оставленные в качестве арьергарда у Тольминкемена.

Под прикрытием частей 27-й пех. дивизии остальные части XX-го арм. корпуса в течение 30/12-го февраля спокойно заняли предназначенные им районы на линии Шиткемен—Бяла.

Командир XX-го арм. корпуса, не знавший еще об исходе боя на участке оз. Виштынецкое—Нассовен, продолжал держаться прежнего намерения, отойти к утру 31/13-го февраля на фронт д.д. Егленишки — Вижайны — оз. Ганьча — Павловка—Баккаларжево.

Схема № 6.

В 16 часов 30/12-го февраля командир XX-го арм. корпуса отдал приказ, по которому к утру 31/13-го 27-я пех. дивизия должна была занять участок Егленишки — Вижайны; 29-я пех. дивизия—южнее до Павловки включительно; 53-я—в районе Баккаларжево, а 28-я пех. дивизия поступала в армейский резерв для последующей переброски в район Лыка.

Между тем, участок позиции, предназначавшийся к занятию 31/13-го февраля 27-й пех. дивизией, был уже занят противником, а 27-ю пех. дивизию фактически составлял только один 108-й пех. Саратовский полк, так как два б-на 105-го пех. Оренбургского полка и 106-й пех. Уфимский полк под командой Беймельбурга пробивались еще из Роминтенской пущи на юг, а 107-й пех. Троицкий полк совместно с 2 б-нами 105-го пех. Оренбургского полка были, как нам известно, переданы в состав III-го Сиб. корпуса. Только одним этим 108-м пех. полком предстояло занять позицию, предназначенную для целой дивизии, что полк впоследствии и сделал, отошедши через д. Мауда, частично занявши позицию у д. Оклины фронтом на север и северо-запад.

Расположенные южнее XXVI-й арм. и III-й Сиб. корпуса, в целях согласованности действий и в виду того, что XXVI-й арм. корпус впоследствии должен был составить резерв на уступе сзади, были объединены, как мы уже знаем, под общим управлением командира III-го Сиб. корпуса Радкевича. И вот, командующий армией, верный своей мысли сохранить XXVI-й арм. корпус в виде поддержки III-му Сиб. корпусу, отдает 29/11-го февраля около полудня следующее распоряжение: „В ночь на 30/12-е февраля XXVI-му арм. корпусу отойти в район Маркграбово—Гонскен, заняв арьергардами линию Доливен—Гизен—Ридзевен. Цель отвода корпуса состояла в сосредоточении сил на правом фланге III-го Сибирского корпуса, обеспечивающего за нами Лык и защищающего фронт от оз. Лашмиаден на Вощелен—Нейендорф—Шиласкен - Зилакен; равно, чтобы быть в более тесной связи с XX-м арм. корпусом, левый фланг которого 30/12-го февр. будет в Лакелен—Дроздовен.

При отходе были оставлены арьергарды, под прикрытием которых главные силы XXVI-го арм. к-са к утру 30/12-го февр. расположились: 84-я пех. дивизия двумя полками в Маркграбово с арьергардами, по полку каждый, в Дулен и Гизен; 64 я пех. дивизия—в Гонскене с арьергардом у Рыдзевена.

Как раньше было уже указано, противник особой активности против XXVI-го арм. корпуса не проявил, и лишь на фронте 84-й пех. дивизии немцы небольшими частями заняли Зольтманен и продолжали медленно и осторожно продвигаться к Гросс-Габлику; на фронте же 64-й пех. дивизии до полудня даже всякое соприкосновение с противником было утеряно. Отход сильно затруднялся огромными снежными заносами и прошел в весьма трудных условиях—людям приходилось на себе вытягивать артиллерию.

С 28-й пех. дивизией связи не было. Попытки со стороны XXVI-го арм. корпуса установить ее к успеху не привели, так как полученные из штаба армии сведения расходились: командующий армией указывал, что фланг 28-й пех. дивизии должен быть на 30/12-е февраля в районе Лакелен—Дроздовен, а штаб армии указывал, что он должен находиться у Бяла (10 верст севернее Маркграбово).

Ночной марш XXVI-го арм. к-са с 29/11-го на 30/12-е февраля был исключителен по своей трудности, вследствие, как уже было сказано, глубоких снежных заносов. 256-й пех. Елисаветградский полк, который из Кржвена должен был следовать на Куковкен, по этой дороге пройти не мог и должен был свернуть на Рыдзевен—Пржитулен.

Несмотря на сравнительно небольшой переход, передовые части корпуса прибыли на указанные места между 10 и 12 часами дня 30/12-го февраля и лишь к $13^1/_2$ часам прибыли на свои места все остальные части корпуса, имея более 2-х тысяч человек отсталыми.

Мы нарочно остановились на этом факте, чтобы яснее подчеркнуть, какие неожиданности может при совершении операции преподнести природа.

В общем, к полудню 30/12-го февраля части XXVI-го арм. корпуса, за некоторым исключением, были на указанных им местах. Все арьергарды корпуса были подчинены командиру бригады 84-й пех. дивизии, Есаулову, который, в свою очередь, был непосредственно подчинен командиру XXVI-го арм. корпуса, отдавшему распоряжение задерживать противника на линии Ольшевен—Дулен—Гизен.

Основываясь на словах командующего армией, который в личном разговоре высказал, что по всей вероятности дальше отходить не будем и что он, командующий, в скором времени надеется перейти в наступление, командир XXVI-го арм. корпуса предупредил войска о необходимости крайнего напряжения при занятии позиции и о предстоящем в скором времени переходе в наступление.

В течение всего дня 30/12-го февраля только на правом фланге XXVI-го арм. корпуса наши передовые части 84-й пех. дивизии имели перестрелку с противником; на остальном фронте корпуса даже не было с ним соприкосновения. Связь

с левым флангом 28-й пех. дивизии установлена так и не была, несмотря на высланные разъезды.

Между тем, к вечеру 30/12-го февраля положение на фланге III-го Сиб. корпуса ухудшилось, о чем будет сказано ниже; обход немцами левого фланга III-го Сиб. корпуса уже ясно обозначился, но штабу армии было неизвестно точно, какими силами производится противником этот обход. В виду этого Сиверс дает приказание, что в том случае, если обход этот производится значительными силами, как это можно было думать по полученным до сих пор донесениям, то ген. Радкевичу, оставаясь к западу и юго-западу от Лыка, атаковать обходящих немцев. В этом случае для облегчения положения правого фланга Радкевича со стороны Ней-Юха, Грабник— XXVI-му арм. корпусу надлежит подвинуть к югу ближайшие части и поддержать ими правый фланг Радкевича. Вместе с тем, командующий армией приказывал командиру XXVI-го арм. к-са одновременно с этим обдумать все соображения на тот случай, если понадобится пододвинуть части 84-й пех. дивизии в район Велицкен—Клещевен для усиления Радкевича, если ему придется выдержать упорный и длительный бой; затем далее сообщалось, что подготовляется переброска на юг всей 28-й пех. дивизии, место которой займет 53-я пех. дивизия, которая 31/13-го февраля будеть иметь свой левый фланг у Баккаларжево; исполнение по обеспечению правого фланга Радкевича XXVI-му арм. корпусу произвести по соглашению с последним.

Последнее было в действительности сделано путем взаимного соглашения начальников 8-й Сиб. и 64-й пех. дивизий, так как их дивизии были смежными.

Схема № 6.

Обратимся теперь к событиям, разыгравшимся на фронте III-го Сибирского корпуса.

Утро 29/11-го февраля застало части III-го Сиб. корпуса расположенными следующим образом:

Юго-западнее Лыка отряд Братанова занимал позиции на фронте Андреасвальде — Меховен; позади него южнее Лыка еще с вечера 28/10-го февраля у Нейендорфа частью своих сил расположился отряд Российского (9 б-нов+2 б-реи). Войска III-го Сиб. корпуса занимали фронт от Ней-Юха, где был стык с XXVI-м арм. корпусом, до Вощелена включительно 29-м и 31-м Сиб. стр. полками 8-й Сиб. стр. див.; южнее—части 7-й Сиб. стр. дивизии (без 26-го Сиб. стр. полка и 1 бат. 27-го Сиб. стр. полка), отряд Мясникова (32-й Сиб. стр. полк с 1 бат. 27-го Сиб. полка) в районе Талуссен, у Граево находились два б-на с 4 орудиями 57-й пех. дивизии, 48-й Донск. каз. полк—в Щучине и 1-я отдельн. кав. бригада—южнее Лемана.

Около 3 часов утра 29/11-го февраля трем б-нам 210-го пех. полка отр. Российского было указано занять позиции на

линии Андреасвальде—Байтковен. Дер. Некрасен была занята прибывшим из состава XXVI-го арм. корпуса 225-м пех. Аккерманским полком, выдвинувшим разведку к Шнепиен, правее и левее были расположены части 30-го Сиб. стр. полка (отр. Братанова). В Монкене же еще с вечера 28/10-го февраля был расположен прибывший сюда 253-й пех. Перекопский полк (из XXVI-го к-са) — в резерве Братанова.

Таким образом, к утру 29/11-го февраля левый фланг 10-й армии проходил через Ней-Юху—Вощелен—Талуссен—Тратцен—Байтковен—Андреасвальде—Меховен, имея позади себя во второй линии части, расположенные в Некрасен и Нейендорфе. Весь день 29 11-го февраля прошел в слабых атаках немцев, 30 12-го февраля атаки противника последовали с возрастающей силой.

Немцы описывают этот бой так: „Левый фланг 80-й рез. дивизии, 5-я пех. бригада и 2-я пех. дивизия задержались перед русскими позициями на линии Боберн—Байтковен—Талуссен. Правая группа 1-го герм. корпуса, намеревавшаяся наступать северо-западнее Лыка против правого русского фланга, не смогла форсировать озерные дефиле на железн. дороге Видминен—Лык у Вошелен, Ней-Юха, Вензовкен. Юго-западнее Лыка перед полуднем 30/12-го февраля важный пункт Байтковен и озерные дефиле Дригаллен, Лык были вновь заняты русскими. 5-я пех. бригада, занявшая предыдущей ночью штурмом указанный пункт и дефиле, отошла назад вдоль Дригалленской железн. дороги. Хотя наступление левого фланга 80-й резервной дивизии восточнее Байтковена и облегчило положение 5-й пех. бригады, но к решительным результатам под Лыком не привело. Равным образом не имели успеха и атаки частей I-го арм. корпуса у Талуссена; неуспех обозначился и у дефиле у Вошелен. Правда, Ней-Юха была занята, но войска наткнулись на новую, упорно оборонявшуюся русскими, позицию по линии озер Лашмиаден, Улафке, Шонстак"[1]).

Таким образом, наступательные попытки немцев на всем фронте III-го Сиб. к-са были отбиты; единственной угрозой считалось появление их еще 29/11-го февраля у Просткена — донесение из Осовца подтверждало, что около дивизии немцев в 4 часа утра 30/12-го февраля переправилось через р. Лык у Просткена. Немцы двинулись в северо-восточном направлении и обозначили около полудня 30/12-го февраля свое продвижение на восток, повидимому, с целью дальнейшего наступления на Райгрод.

Это обстоятельство не представляло для III-го Сиб. корпуса неожиданности, так как еще 29/11-го февраля туда на Райгрод был послан 26-й Сиб. полк и два бат-на 253-го пех. Пе-

[1]) Schwarte. „Der grosse Krieg 1914—1918 г. Erster Hefr.

рекопского полка; хотя этот полк в пути и был обстрелян артиллерией противника, но он туда прошел и там, совместно с дружиной ополчения и 1-й батареей под общей командой Российского, образовал отряд для защиты Райгрода, оставив два батальона 253-го пех. Перекопского полка (I и III) у Регельнитцен для прикрытия у Лыка шоссе Райгрод — Лык. Кроме того, из отряда Российского в Писсанитцен был направлен батальон 112-го пех. Уральского полка, а в Сипиткен батальон 114-го пех. Новоторжского полка.

Тем не менее, начальник штаба армии телеграфировал Радкевичу: „Если обход левого фланга вашего участка верен, прикажите Российскому держаться (в Райгроде) во что бы то ни стало и, если нужно, атаковать неприятеля, дабы задержать его обход; бросайте на левый фланг, что можете, с фронта".

В связи с этим, и были отданы уже вышеприведенные распоряжения XXVI-му арм. корпусу об обеспечении правого фланга III-го Сиб. корпуса, имея в виду переход III-го Сиб. корпусом в наступление против обходящих немцев.

С целью сокращения фронта для возможности выделить необходимые силы против обходящих сил немцев, в ночь с 30/12-го на 31/13-е февраля отряд ген. Братанова отошел на фронт Бартоссен—Нейендорф.

Обращаясь к общей оценке событий в течение 29/11-го и 30/12-го февраля, необходимо отметить:

1. Колебания и разногласия в понимании обстановки между командующим армией и начальником штаба.

2. Неосведомленность и неуяснение себе обстановки штабом фронта, продолжавшим упорно держаться мысли о предстоящем наступлении и совершенно игнорировавшим ту обстановку, которая совершенно ясно указывала на необходимость отхода армии по крайней мере в юго-восточном направлении.

3. Предвзятость армии в лице командующего армией, строго держащегося мысли непременного и неизменного отхода к Неману в восточном направлении.

4. Плохо налаженную связь между фланговым XX-м арм. корпусом и XXVI-м, в результате чего XXVI-му арм. корпусу неизвестно, где находится левый фланг XX-го арм. корпуса к вечеру 30/12-го февраля, и корпус узнает об этом через штаб армии, который сам дает разноречивые указания.

5. Достойное подражания взаимодействие частей и своевременная помощь III-му Сиб. корпусу частями XXVI-го арм. корпуса (253-й и 255-й полки).

6. Настойчивость атак немцев у Лыка, связанная с производящимся ими обходом на Райгрод, приковала все внимание командования 10-й армии сюда. Лучшие части XX-го и XXVI-го арм. корпусов раздергивались и поспешно броса-

лись на юг, этим самым еще более облегчая немцам их марш-маневр с севера, против систематично ослабляемых XX-го и XXVI-го арм. корпусов.

Немцы своего здесь добились, все внимание армии было обращено на юг, о севере забыли, и армия Эйхгорна продолжала катиться, почти в условиях мирной обстановки.

7. Принятие штабом армии, а вместе с ним и XX-м арм. корпусом, решений в слепую, так как армейская конница, находившаяся далеко на отлете, хотя и получила задачу обеспечить правый фланг XX-го арм. корпуса, но это было только на бумаге, так как попасть быстро сюда она не могла.

8. Казалось, все говорило за постепенное снижение армии к югу, с загибом на юг ее правого фланга, но командующий армией, видимо, будучи под влиянием фронта (разговоры по Юзу), оставался верен своему намерению отходить прямо на восток к Неману, не теряя надежды на переход в наступление. Не было смелости взять всю ответственность за решение на себя и коренным образом изменить весь предвзятый план отхода, составленный еще задолго до наступивших событий, план, к которому распоряжением армии были уже подготовлены все мероприятия, но который, в сущности, уже не мог быть проводим.

9. Случай с 256-м пех. Елисаветградским полком 64-й пех. дивизии, принужденным свернуть в сторону от указанного ему маршрута, и наличие в XXVI-м арм. корпусе более двух тысяч отсталых подчеркивают, насколько нужно считаться с трудностями, которые внезапно могут явиться следствием неблагоприятной погоды.

ГЛАВА VII.

Положение корпусов к утру 31/13-го февраля. Директива армии корпусам на случай перерыва связи. Оценка ее. Разрешение фронта отходить на линию Осовец, Липск, Сопоцкин, Олита, Ковно. Точка зрения армии на относительную важность флангов. Оценка точки зрения армии. Отход корпусов. Бои в XX-м арм. и III-м Сиб. корпусах. Обход у Райгрода. Приказание о переходе в наступление III-м Сиб. корпусом с 28-й пех. дивизией. Оценка этого приказа. Истинное положение немцев к вечеру 31/13-го февраля. Просьба XX-го арм. корпуса о разрешении отойти на Августов. Ответ на нее штаба армии.

Схема № 6.

К утру 31/13-го февраля корпуса армии занимали: XX-й арм. корпус—108-м пех. полком 27-й пех. дивизии и частями 29-й пех. дивизии линию д.д. Потопе, Ровеле, Марианка, Рагозайне, Вельке, фронтом на север, так как д.д. Еглинишки, Вижайны были уже заняты немцами, о судьбе бригады 27-й дивизии Беймельбурга ничего не было известно; 53-я пех. дивизия прибывала в район м. Баккаларжева, а части 28-й пех. дивизии направлялись в г. Сувалки, в резерв командующего армией, откуда они имели быть двинуты в район г. Лык. В д.д. Литкемен, Заржече и г. Филиппово были выдвинуты авангарды.

XXVI-й арм. корпус, продолжая оставаться в районе Маркграбово—Гонскен с арьергардами у Доливен, Гизен и Ридзевен, около 2 часов ночи 31/13-го февраля получил от командующего армией приказание, оставив арьергарды у д.д. Дулена, Гизена и Гонскена для обеспечения движения поезда, вывозящего из г. Лыка раненых, главные силы отвести на линию д.д. Генбаловка, Вилькассен, Клещевен, начав движение с утра того же дня, где окончательно и закрепиться, так как дальнейшего отхода не будет.

III-й Сибирский стр. корпус, оставаясь пока на прежней линии Ней-Юха—Лык и имея в виду отвести лишь отряд Братанова на фронт д.д. Бартосен, Нейендорф, получил приказание занять линию оз. Голубен—Писанитцен—Боржимен, с целью обеспечения своего отхода на Баргловскую позицию западнее Августова.

Что касается III-го армейского корпуса, то он в составе 6 б-нов, оставшихся от Вержболовской группы, 225-го пех. полка (57-й пех. дивизии) и бригады 68-й пех. дивизии зани-

мал Козлово-Рудскую позицию. Конница Леонтовича находилась севернее Козлова-Руда.

В 5 час. 20 мин. утра 31/13-го февраля командиры всех корпусов получают приказание № 1100 следующего содержания: „Противник наступает главными силами с запада на III-й Сибирский и III-й армейский корпуса и с севера на XX-й арм корпус; против XXVI-го арм. корпуса наступление менее решительное. *В виду частого порыва связи, телефонов и телеграфов и невозможности поддержания* ее, за отсутствием дорог, другими средствами, считаю нужным дать частям *армии директиву для дальнейших действий, начиная с 1-го февраля (ст. ст.).* III-му арм. корпусу с отрядом Бискупского обороняться на позиции у Козлова-Руда и, в случае невозможности удержаться, отходить в Ковно и войти в состав гарнизона этой крепости; коннице Леонтовича—прикрывать правый фланг XX-го арм. корпуса, облегчая его отход и действуя для этого самым энергичным образом на фланг и тыл противника. На время отхода этого корпуса конница эта подчиняется генералу Булгакову. XX-му арм. корпусу постепенно отходить на Меречанскую позицию, XXVI-му — на позицию у Сопоцкина, а III-му Сиб. корпусу—на фронт Липск—Штабин. Достигнув указанных позиций, я решил дать противнику решительный отпор. XX-му арм. корпусу отходить самостоятельно, в зависимости от сил и действий противника, наступающего на него. XXVI-му арм. и III-му Сиб. корпусам отходить на одной высоте, поддерживая между собою тесную связь. Штаб армии переходит сегодня в Гродно".

Через 10 минут по получении телеграммы № 1100 было получено дополнение к ней следующего содержания: „Если, отойдя на некоторое расстояние, XX-й арм. корпус уклонится от обхода превосходных сил противника, то приостановить дальнейший отход. При тех же условиях III-му Сиб. корпусу остановиться на Баргловской позиции впереди Августова, а XXVI-му, действуя в тесной связи с III-м Сиб. корпусом, удерживаться на позиции Конецборск—Прусска—Велька".

Кроме того, отдельными указаниями командующий армией подчеркнул корпусам, что на эти приказания нужно смотреть, как на директивные, что время выступления предоставляется корпусам, но при этом упомянул командиру XXVI-го арм. корпуса о необходимости тесной связи с III-м Сиб. стр. корпусом и об оказании ему поддержки.

Приказание это ценно для исследователя тем, что оно вскрыло как оценку обстановки, в понимании командующего армией, так и окончательные намерения его—отходить все же на восток к Неману.

Сопоставляя эту директиву с положением наших войск и наступающих во исполнение основной директивы Гинденбурга германцев, мы видим:

Схема № 6.

на правом нашем фланге части XXI-го германского корпуса, занявшие к вечеру 30/12-го февраля линию Мариамполь—Людвинов — Кальварию, к вечеру 31/13-го февраля могли достигнуть линии Лодзее—Сейны. Они туда стремились и фактически к вечеру этого дня заняли 31-й дивизией Лодзее и Сейны—42-й дивизией; XXXIX-й герм. корпус, бывший вечером 30/12-го февраля на линии Любов — Пошешупа, имел полную возможность к вечеру 31/13-го февраля выйти на шоссе Сувалки—Сейны; XXXVIII-й корпус—76-й дивизией еще 30/12-го февраля был в районе Вижайны, а 75-я его дивизия дралась накануне с частями 27-й пех. дивизии у Виштынецкого озера и Кальвейтшена; XL-й корпус имел 79-ю дивизию с 3-й кав. бригадой на подходе к Райгроду, а 80-ю с 2-й дивизией Фалька и 5-й бригадой—перед III-м Сиб. корпусом юго-западнее и западнее Лыка, сдерживаемые последним.

Теперь можно себе представить, в каком положении оказались части армии, а в особенности XX-й арм. корпус, пути которого, указанные ему директивой, были ему фактически уже отрезаны.

Командир XX-го арм. корпуса, может быть, не зная, что пути на Кальварию и Симно ему уже отрезаны, может быть, не зная также о том, что к вечеру 31/13-го февраля путь на Сейны ему также будет отрезан, утром 31/13-го февраля, под давлением частей XXXIX-го герм. корпуса, вынужден был осадить свой правый фланг, заняв линию, которую мы уже указали—д. д. Потопе, Рогозайне, Вельке фронтом на север.

Повидимому, командующему армией Сиверсу совершенно не было известно движение XXI-го германского корпуса, происходившее в далеком тылу его армии и почти в условиях мирного времени, или можно допустить, что тщательно и заблаговременно подготовленный план возможного отхода так крепко фиксировался в сознании командующего армией, что он не мог от него отказаться даже при несоответствующей этому плану обстановке.

Неимение резервов и растянутое положение армии по фронту, препятствующее образованию резервов при отходе в процессе самой операции, привело Сиверса к заключению о невозможности противодействия уже определяющемуся обходному движению германцев с обоих флангов.

Отдав 31/13-го февраля своим корпусам указания № 1.100, предопределяющие действия 10-й армии на будущее время, он донес об этом фронту. Командующий фронтом на это реагировал тем, что подтвердил свое прежнее приказание действовать по обстановке, но в случае невозможности удержаться на линии Осовец—Августов—Ковно, отвести армию на линию Осовец—Липск—Сопоцкин—Олита—Ковно, имея в виду основную задачу—прикрыть сообщения армий, действующих на

обоих берегах Вислы. „Крайне необходимо, пишет Рузский, сохранить целость и полную боеспособность армии как для выполнения этой основной задачи, так и для перехода армии при благоприятной обстановке в наступление одновременно с наступлением войск, сосредоточенных на нижнем Нареве".

Это распоряжение, подчеркивая значение Осовца и его окрестностей, как района, от которого нельзя было командующему 10-й армией дать возможность противнику отрезать III-й Сиб. корпус, еще больше заставляло его обращать внимание на свой левый фланг, как на неподвижную ось, вокруг которой корпуса, расположенные к северу от нее, могли отходить своим правым флангом до Немана.

Что эту точку зрения армейское командование усвоило прочно, видно из ряда телеграмм командиру XX-го арм. корпуса и начальнику 28-й пех. дивизии, которому начальник штаба армии указывает, что 28-я пех. дивизия перебрасывается на левый фланг армии, в виду серьезной задачи, выпавшей на войска Радкевича; далее он сообщает ему же, что движение его 28-й пех. дивизии имеет совершенно исключительное по своей важности значение; телеграфирует Братанову: „Немцы обходят Райгрод с юга, Радкевич сосредоточил у д. Стошнен два с половиной полка. Для нанесения решительного удара по обходящим немцам необходимо самое спешное движение частей 28-й пех. дивизии на юг... Их своевременный подход решит дело... Надо бить в этом направлении всем, что есть..."

Ясно видно, что главное внимание было обращено только на левый фланг, и командование армией при подталкивании со стороны фронта бесповоротно решает, что именно только на левом фланге противник наносит свой главный удар и что здесь, воспользовавшись некоторой разбросанностью его частей, можно в конце концов даже рассчитывать на успех.

Нам кажется, что, не зная положения дел на своем правом фланге в истинном свете, командующий 10-й армией был прав—ведь на его армии лежала задача сохранить пути с центром страны главной группе армий фронта. Если противник здесь будет иметь успех и отбросит армию к северу или в северо-восточном направлении и прикроется заслоном, то эти пути будут открыты.

Эта мысль, вызывая желание о возможно полном обеспечении своего левого фланга, очевидно, проникала в сознание командования армией все время, как с самого начала наступления немцев, так и во время него—сюда бросаются первые резервы III-го Сиб. корпуса, сюда идут части XXVI-го арм. корпуса, сводные части 28-й и 53-й пех. дивизий и, наконец, вся 28-я пех. дивизия.

Прежде чем перейти к изложению действий корпусов, необходимо упомянуть, что, как в предшествующие дни, так и 31/13-го февраля, все операции протекали в чрезвычайно

трудных условиях в смысле погоды. Невероятная снежная метель при большом леденящем ветре намела огромные сугробы снега, занесшие дороги; движение не только обозов и артиллерии было затруднено, но даже пехота и та изнемогла в борьбе со стихией. С 31/13-го же февраля наступила оттепель, распустившая сугробы снега и превратившая их в жидкую кашу, смешанную с грязью, налипавшую на скользящие ноги и колеса. Всякое движение замедлялось до крайности и отражалось на людях чрезмерным напряжением сил.

Схема № 6.

Войска XX-го арм. корпуса, как им было указано, в ночь на 31/13-е февраля заняли—108-й пех. Саратовский полк 27-й пех. дивизии и части 29-й пех. дивизии—фронт д.д. Потопе—Марьянка—Равеле—Рагозайне; остальные части перешли в район д.д. Павловка—Баккаларжево.

Утром 31/13-го февраля части 29-й пех. дивизии должны были отойти, согласно приказа по корпусу, на линию: оз. Сейвы—д. Дакшне и выставить арьергард у д. Слободка; 27-я дивизия—на фронт: д.д. Дакшне—Полюле, оставив арьергард у Липово. 53-я пех. дивизия направлялась в район д.д. Нова — Весь—Сувалки с арьергардом у д. Прудзишки, а 28 й пех. дивизии указывалось движение на г. Сувалки, выставив авангарды у д. Пржеброды и Осова.

XXXVI-й арм. корпус имел приказание отойти главными силами на линию: д.д. Генбаловка—Вилькассен—Клещевен.

III-й Сиб. корпус—на фронт: оз. Голупкен—Писсанитцен—Райгрод.

Не будучи связан временем отхода, первым начал отходить XXVI-й арм. корпус, вследствие получения донесения, что к жел. дор. станции Стошнен (10 вер. севернее Маркграбова) подходит полк немецкой пехоты с двумя эскадронами и направляется на Зеедранкен.

Командир XXVI-го арм. корпуса, выдвинув к д. Зеедранкен 336-й пех. Челябинский полк 84-й пех. дивизии, приказал командиру бригады Есаулову, под командой которого были арьергарды корпуса, немедленно отойти с прочими частями 84-й пех. дивизии в район д.д. Велицкен—Старостен, а 64-й пех. див. перейти в Клещевен.

Впоследствии оказалось, что донесение о приближении к станции Стошнен неприятельской пехоты оказалось ложным; тем не менее, отход начался, только Есаулову было послано приказание не спешить с оставлением Маркграбова, пока не подтянутся все отсталые от арьергарда, которых было очень много, тем более, что немцы не напирают. Действительно, на фронте XXVI-го арм. корпуса даже соприкосновения с немцами в этот день не было.

Никаких сведений о том, где находится XX-й арм. корпус, в штабе XXVI-го корпуса не было. Разъезды, высланные утром в район Сувалок, где, согласно указаниям штаба ар-

мии, должен был находиться левый фланг XX-го арм. корпуса, частей левофланговой 28-й пех. дивизии там не встретили. В силу этих обстоятельств правый фланг сторожевого охранения XXVI-го арм. корпуса пришлось осадить к юго-востоку, кроме того, 84-й пех. дивизией были приняты меры по наблюдению за направлением на Сувалки, куда она выслала несколько разъездов.

В XX-м арм. корпусе время выступления было назначено на 13 часов только 28-й пех. дивизии; 27-й пех. дивизии (Джонсона) 108-му пех. Саратовскому полку и 29-й пех. дивизии (Розеншильд-Паулина) было указано начать отход, сообразуясь с обстановкой и уклоняясь от боя. 53-й пех. дивизии о времени ее отхода точных указаний не давалось.

Между тем, в это время части XXXIX-го герм. корпуса, идя в направлении на Любов и далее на Слободку, с целью выхода в район оз. Вигры, в полдень 31/13-го февраля обошли правый фланг 29-й пех. дивизии у д. Потопе, появившись со стороны дер. Пошешупы. Одновременно был обойден и левый фланг 108-го пех. Саратовского полка 27-й пех. дивизии со стороны Вижайны, откуда наступала 76-я дивизия XXXVIII-го герм. корпуса. **Схема № 6.**

Появление противника в тылу заставило командира бригады 29-й пех. дивизии Чижева, объединявшего здесь части под своей командой, отдать приказание об отходе на юг на деревни Поставеле—Сидоры.

Начав отход около 16 часов с боем, эти части только к вечеру прибыли в д. Сидоры, где и сосредоточились в составе: 108-го пех. полка 27-й пех. дивизии и 113-го, 114-го и 115-го пех. полков 29-й пех. дивизии. Сюда же позже прибыл с бригадой 27-й пех. дивизии и Беймельбург, удачно прошедший после боев, выдержанных им, как мы уже знаем, накануне в районе оз. Вижайны и д. Кальвейтшен.

В то время, когда происходил этот отход частей Чижева, около 17 часов дня и со стороны Филиппово также обнаружилось наступление противника, силой до одной дивизии, в направлении на фронт Осово—Карклины; наступление велось противником неэнергично и было вскоре остановлено.

По прибытии частей в д. Сидоры вечером произошло совещание начальников 27-й и 29-й пех. дивизий, на котором было решено, ввиду того, что основного приказа корпуса об отходе на фронт оз. Сейвы—д. Полюле дивизии не выполнили, а имеющиеся в штабах дивизий сведения указывали, что днем 31/13-го февраля через Кальварию проследовала уже немецкая колонна из трех родов войск, — двинуться прямо на Сувалки и, дойдя до д.д. Прудзишки и Еленево, свернуть на восток, начав движение теперь же ночью. В голове колонны должны были идти части 27-й пех. дивизии, затем—29-я пех. дивизия,

а для прикрытия движения был оставлен на линии д.д. Сидоры—Ялово арьергард.

Отход совершался в очень тяжелых условиях, так как обозы 29-й пех. дивизии не были своевременно оттянуты в тыл. Начальник арьергарда, имея разрешение отойти только на рассвете 1/14-го февраля, фактически отошел в 8 часов утра. Гололедица, снежные сугробы, дурная проселочная дорога—все способствовало затруднительности движения.

Части 28-й и 53-й пехотн. дивизий к вечеру беспрепятственно прибыли в г. Сувалки и расположились в его окрестностях. Между тем, штаб XX-го арм. корпуса еще в течение 31/13-го февраля получил уже определенные данные о противнике и в 20 часов 35 минут того же дня доносил в штаб армии, что Сейны заняты конницей противника, а около полуночи подробно ориентировал командующего армией о том, что около 15 часов 31/13-го февраля дивизия германской пехоты с артиллерией прошла Кальварию в юго-восточном направлении. В том же донесении Булгаков сообщал, „что 28-я и 53-я дивизии отошли к Сувалкам без нажима со стороны противника, и испрашивал разрешения отходить, не теряя времени, вслед за 28-й пех. дивизией к Августову, чтобы оттуда взять направление на Меречь, дабы прикрыть сообщения *всего северо-западного фронта*". Командующий армией на это ответил, как мы увидим ниже, что это невозможно.

О том, что происходило в частях 27-й и 29-й пех. дивизий, штаб XX-го арм. корпуса ничего не знал, благодаря временному отсутствию с ними связи, и полагал, что у них все благополучно.

Схема № 6. На левом фланге армии, как уже раньше упоминалось, III-й Сиб. корпус, в целях сокращения своего фронта, оттянул части Братанова на линию Бартоссен—Нейендорф, имея в виду отойти на линию: оз. Голубен—Писсанитцен—Райгрод.

В ночь с 30/12-го на 31/13-е февраля этот отход на новые позиции—Бартоссен—Нейендорф был осуществлен, без помехи со стороны немцев.

С утра 31/13-го февраля бои возобновились на всем фронте III-го Сиб. корпуса и отряда ген. Братанова. Противник повел настойчивое наступление по восточному берегу р. Лык, с целью охватить гор. Лык с юга и тем отрезать корпусу пути отхода на восток. Эти атаки были отбиты. Наступление германцев на фронте 7-й Сиб. стр. дивизии также потерпело неудачу. Лишь к вечеру немцы заняли Матильденгоф, вследствие преднамеренного отхода частей корпуса на линию оз. Голубен—Писсанитцен—Райгрод, а на левом фланге—промежуток между озерами Лыкским и Гросс-Шельмент у д. Сибба, обстреливая артиллерийским огнем отходящие войска.

Отход III-го Сиб. к-са прикрывался 255-м и 253-м пех. полками (64-й див. XXVI-го корпуса), занявшими укре-

пленные позиции по протоку, соединяющему озеро Галек с Лыкским озером и юго-западнее Ротгоф.

До 4 часов утра 1/14-го февраля 255-й пех. полк пропустил части 7-й Сиб. стр. дивизии, после чего перешел в дер. Писсанитцен. Отход корпуса у д. Сибба прикрывался частями 253-го пех. полка (1-й и 3-й б-ны), который, пропустив части 27-го, 30-го и 31-го Сиб. стр. полков, в 3½ часа ночи отошел в д. Высокен, следуя в хвосте колонны. Таким образом, к 4 часам утра 1/14-го февр. г. Лык уже был планомерно очищен, и части корпуса находились в пути на новую позицию на фронте оз. Голубен — Писсанитцен, которую и заняли утром 1/14-го февраля.

На левом фланге у Райгрода весь день кипел бой; отряд Российского здесь до вечера 31/13-го февраля сдерживал натиск противника, когда было обнаружено движение крупных сил противника со стороны Просткена к Райгроду.

К 7 часам вечера отряд Российского, обходимый с левого фланга, стал отходить в северо-восточном направлении, несмотря на высланную ему поддержку.

Все это было известно в штабе армии, и командующий армией, оставаясь верным своему плану разбить немцев на фронте III-го Сиб. корпуса, решил перейти в наступление на юг в общем направлении на Райгрод, для чего приказал 28-й пех. дивизии о ночь с 31/13-го на 1/14-е февраля двинуться от Сувалок в промежуток между Боржимен и Августов и совместно с III-м Сиб. корпусом атаковать противника у Райгрода. XXVI-му арм. корпусу—отходить на Августов, прикрывая правый фланг и тыл III-го Сиб. корпуса, и, по мере сокращения фронта, усиливать своими частями XX-й корпус. Леонтовичу — энергично действовать конницей в направлении на Сейны, освободить этот район от немецкой конницы и прикрыть обозы XX-го арм. корпуса. Вместе с тем, коменданту Осовца приказано было действовать возможно энергичным образом Граевским отрядом. **Схема № 6.**

Для того, чтобы судить о целесообразности этого приказа, нужно подвести итоги тем сведениям о противнике, которыми к вечеру 31/13-го февраля располагала армия.

Начиная с 29/11-го февраля, немцы на своем правом фланге, по сведениям штаба армии, продолжали действия против Лыка, прервав сообщения между Лыком и Граево. Силы их в районе Лыка определялись до двух корпусов, незначительная часть коих двигалась в обход нашего левого фланга, частью на Писсанитцен, частью на Райгрод. В центре, в начале обходных движений на флангах, немцы оставались пассивными и начали здесь обнаруживать деятельность лишь после обозначившегося успеха обхода. 30/12-го февраля они начали наступать значительными силами на Виштынец с фронта и с севера в обход обнажившегося

нашего правого фланга, а также в центре на Гольдап и Маркграбово. 31/13-го февраля о немцах, обходящих с севера, в штаб армии сведений не поступало, но, повидимому, за это время они, прервав железнодорожное сообщение у Пильвишки и выставив небольшие пехотные и конные части против Козлова-Руда, продолжали глубокий обход на Мариамполь—Сейны (в районе Мариамполь—Кальвария 31/13-го февраля обнаружено свыше дивизии пехоты, а восточнее на Красны—Сейны—одна кавалерийская дивизия). В общем, к 31/13-му февраля силы и группировка немцев, по имевшимся отрывочным данным, определялись штабом 10-й армии около 6 корпусов пехоты и 6 бригад конницы, из коих в районе Козлова - Руда — Мариамполь — Кальвария—Вижайны — около трех дивизий пехоты и четырех-пяти бригад конницы; в центре—около четырех дивизий пехоты и в районе Лык—Просткен — Райгрод — около двух корпусов пехоты с одной кавалерийской бригадой.

При наличии таких сведений о противнике и оценивая направление Райгрод—Августов, как самое важное, армейское командование не могло не придти к мысли, что главные силы противника действуют против группы Радкевича (XXVI-й арм. и III-й Сиб. корпуса), при чем главный удар наносится по III-му Сибирскому корпусу и в обход его; против же XX-го арм. корпуса, имеющего в своем составе четыре дивизии, и на уступе части III-го арм. корпуса на позиции у Козловой-Руды действует всего три дивизии — при таких условиях не должно было особенно опасаться за судьбу правого фланга армии, а нужно было искать решения на левом фланге в III-м Сиб. корпусе; на это решение подталкивал и фронт.

И вот мы видим, что отданные на 1/14-е февраля приказания корпусам вполне согласны с обстановкой, как она была известна армии, а именно: части III-го армейского корпуса должны были оставаться на Козлово-Рудской позиции, приковывая к себе противника; XX-му арм. корпусу—задерживать у Сувалок противника, наступающего с северо-запада; XXVI-й арм. корпус должен был отходить назад, примыкая левым флангом к III-му Сибирскому корпусу, а правым—к XX-му. Вместе с тем, XXVI-й арм. корпус, как уже известно, подчинялся генералу Радкевичу, которому нужно было держаться западнее Августова, а по подходе подкреплений перейти в наступление.

Мы уже указывали, что в это время с северо-запада на XX-й арм. корпус и восточнее его в глубокий обход наступали XXXVIII-й, XXXIX-й и XXI-й герм. корпуса, выдвинув к стороне Козловой-Руды против III-го арм. корпуса Кенигсбергскую ландверную бригаду с 5-й гвард. бригадой. К вечеру 31/13-го февраля дивизии германских корпусов фактически достигли: 31-я и 42-я дивизии XXI-го корпуса—Лозд-

зее и Сейны, 78-я резервная дивизия XXXIX-го рез. корпуса двигалась на Краснополь, 77-я резерная дивизия, непосредственно обошедшая правый фланг 29-й пех. дивизии русских у Потопе в направлении от Пошешупы и весь XXXVIII-й корпус направлялись на Сувалки.

Ясно, что XX-й армейский корпус имел как на фронте, так и в глубоком своем тылу на путях отхода превосходные силы противника.

Отсутствие работы армейской конницы дало свои результаты; армия была слепа и строила свои планы на предпосылках, не соответствовавших действительности, которая состояла в следующем: части левого фланга 8-й армии Белова к вечеру же 31/13-го февраля уже достигли 10-й ландверной дивизией района южнее Пржеросль, 3-й резервной дивизией заняли Филиппово, обнаружив себя наступлением от Филиппово на фронт Осова—Карклины, части 1-й ландверной дивизии подошли к Лакелен; и, наконец, части 11-й ландверной дивизии подошли к Дулен. Глубокое продвижение правого фланга 8-й армии нами уже указывалось выше.

Таким образом, если корпуса и армейское командование имело совершенно точное представление о силах и достижениях противника против своего центра и на своем левом фланге, то, наоборот, относительно противника на своем правом фланге оно было в полном заблуждении и преуменьшало силы его более чем на половину.

Следствием такой оценки положения было и то, что на просьбу командира XX-го арм. корпуса разрешить корпусу „отходить, не теряя времени, на Августов вслед 28-й дивизии, имевшей задачу идти на усиление III-го Сибирского корпуса" был получен ответ: „*Ваше предположение об отходе к Августову совершенно невозможно по числу и направлению путей для всех корпусов. Передвижение Вашего корпуса на Августов повлечет раньше всего пересечение путей отступления и создаст задержание отхода, а, между тем, при создавшейся обстановке главное, что нужно, — это сохранить свободу отхода на тыловые позиции у Сопоцкина, Липска и Штабина.*

Задача Ваша состоит в задержании у Сувалок сил противника, наступающих с запада и севера, и, в особенности, обеспечении фланга других корпусов.

Если выяснится, что эти силы незначительны, то оставить против них небольшой заслон, и, в зависимости от боев у Августова, Вам можно будет двинуться против той группы противника, которая обнаружена в движении от Кальварии на юго-восток".

Одновременно с этим начальник штаба армии Будберг телеграфирует от своего имени, что Булгаков мог принять только в виде совета: „*Полагаю, что при создавшейся обстановке у Сейны Вам надо отходить на Августов, бросив не-*

медленно части за 28-й дивизией. Решение всей операции в боях у Райгрода, где надо разбить немцев во что бы то ни стало. Иного исхода нет. На север надо выставить заслоном 27-ю дивизию, частью 29-ю, при сильной артиллерии, и разбить немцев. Условьтесь с Радкевичем".

Командующий армией и начальник его штаба в своих мнениях расходились.

ГЛАВА VIII.

Совещание в Августове Радкевича с Гернгроссом 1/14-го февраля. Отход XXVI-го арм. корпуса 1/14-го февраля в районе Юзефово, Пиявно, Яблонске. Решение Радкевича отходить, в виду занятия противником Сейны, и приказание Сиверса XX-му арм. к-су двигаться через Махарце на Гибы. Появление немцев на правом фланге XXVI-го арм. корпуса. Предположение XX-го арм. корпуса об отходе от Сувалок. Фактическая группировка немцев к веч. 1/14-го февраля. Приказание Сиверса № 0160 и заключение по поводу этого приказания. Перерыв связи между XX-м арм. корпусом и штабом армии. Действия XX-го арм. корпуса 2/15-го февраля. Указания Радкевича XXVI-му арм. корпусу на 2/15-е февраля. Последняя связь штаба армии с группой Радкевича. Отход XXVI-го арм. корпуса 2/15-го февраля. Заключение. Перегруппировки фронта.

1/14-го февраля утром в г. Августове состоялось свидание командиров III-го Сиб. стр. и XXVI-го арм. корпусов. Радкевич подтвердил Гернгроссу, что их корпуса объединены в одну группу, так как командующий армией считает необходимым на время предстоящих действий иметь между ними самую тесную связь, в виду чего он, Радкевич, назначен руководить действиями обоих корпусов. Оценивая обстановку на левом фланге, Радкевич подтвердил Гернгроссу, что положение дел в III-м Сиб. корпусе прочное и что он имеет в виду перейти в наступление для обратного овладения Райгродом; дальнейшего отхода он не предвидит, потому XXVI-й арм. корпус может оставаться на дневке. **Схема № 6.**

Между тем, еще с 7 часов утра 1/14-го февраля XXVI-й арм. корпус для занятия более сосредоточенного положения выступил: 84-й пех. дивизией в район д.д. Юзефово, Пиявно, а 64-й — в окрестности д. Яблонске, где обе дивизии должны были ночевать, выставив сторожевое охранение на линии д.д. Устроне, Дубово, пос. Рачки, д.д. Янкелювка, Туровен. **Схема № 6.**

К полудню в XX-м арм. корпусе уже были получены достоверные сведения, что Сейны заняты противником. Обеспокоенный за свой тыл, Булгаков обратился к Радкевичу с просьбой, чтобы, в виду создавшейся угрозы глубокого обхода тыла XX-го арм. корпуса и возможности движения немцев по дороге Сейны, Глембокий Брод, Серский Ляс, Августов, наблюдать это направление и выставить на нем заслон достаточной силы от III-го Сиб. к-са.

В виду этого, Радкевич круто изменил свое решение, отказавшись от наступления на Райгрод.

В свою очередь, Сиверс, под впечатлением этих сведений о занятии германцами Сейн, также пришел к этому времени к решению отказаться от наступления и отвести свои корпуса на линию Сопоцкин—Липск—Штабин, отдав приказание следующего содержания:

„В виду того, что Сейны заняты противником, силы которого еще не выяснены, необходимо XX-му арм. корпусу дать новый тыловой путь, поэтому XXVI-му арм. корпусу приказываю пользоваться южной из предоставленных ему двух дорог, а именно—идущей от Рачки севернее Августова на Горчицу, Сопоцкин, Гродно, свернув остающиеся на северном пути обозы от Махарце на Горчицу или где представится возможным. XX-му арм. корпусу принять все меры к скорейшему переводу обозов на новое направление, а именно—Дубово, Махарце или южнее озера Брожаны на Калеты, Чортек, Сопоцкин. Для обеспечения отхода оставить от XX-го арм. корпуса у Сувалок лишь заслон (достаточный для удержания противника, наступающего с запада), а с остальными силами двинуться сегодня же 1/14-го февраля форсированным маршем на Гибы через Махарце, отбросить противника и двигаться на Гожа. Обращаю внимание на необходимость иметь сильный боковой авангард".

Переход XXVI-го арм. корпуса на новые места ночлегов между тем продолжался в весьма трудных условиях, благодаря снежным заносам; местами дорога имела вид коридора со снежными стенами; пехота все время тащила на лямках бывшие при войсках артиллерию и повозки. Только к 2 часам ночи 2/15-го февраля все части корпуса прибыли и расположились на ночлег в указанных им районах: д.д. Юзефово, Пиявно и д. Яблонске.

Немцы, в общем, не нажимали и поддерживали соприкосновение разъездами, но при подходе частей 84-й пех. дивизии к д. Юзефово северней последней обнаружилась колонна пехоты, силы которой установлены точно не были.

Так как в XXVI-м арм. корпусе было неизвестно, где находится левый фланг XX-го арм. корпуса, то об этом было сообщено Булгакову, который ответил просьбой, чтобы части XXVI-го арм. корпуса держались своим правым флангом у д. Юзефово; вместе с тем, Булгаков сообщал, что в 4 часа утра 2/15-го февраля его корпус начнет отход по дороге на д. Махарце, м. Сопоцкин и далее на м. Гожа.

В виду этого, 84-й пех. дивизии было приказано держаться на линии д.д. Юзефово, Курьянка до 7 часов утра 2/15-го февраля, после чего начать отход на д.д. Пиявно-Русская, Пиявно-Польская, Ольшанка, Щепки.

Еще около 10 ч. 15 м. утра 1/14-го февраля командующий армией телеграфировал командиру XX-го арм. корпуса, что надо выяснить и проверить, как велики силы противника, наступающего на Сувалки от Вижайны и от Кальварии, и при малейшей к тому возможности разбить противника по частям, пользуясь центральным положением корпуса и превосходством сил; последующая его же телеграмма, вероятно под влиянием полученных о противнике сведений (сводка 1/14-го февраля), что против правого фланга армии уже действует до 5 немецких дивизий, и принимая во внимание, что против Козловой-Руды оставались только конные части, следовательно, пехота ушла, а с Олитского направления отошли и конные части противника,—говорит: „Указанная мною Вам задача—разбить противника по частям выполнима лишь при условии самого быстрого и энергичного действия, так как уже через два дня численное превосходство может быть не на Вашей стороне, а у противника. Примите возможные меры, чтобы не потерять обозы и особенно парки".

Позже, 1/14-го февраля в 13 час. 40 мин. как мы уже говорили, Булгакову было указано следовать 1/14-го же февраля форсированным маршем на Гибы через Махарце, отбросить противника и двигаться на Гожу.

И вот, в 19 часов 1/14-го командир XX-го арм. корпуса Булгаков сообщает Радкевичу, объединявшему командование III-м Сибирским и XXVI-м армейским корпусами, свои предположения о предстоящем отходе XX-го корпуса:

„18 часов 30 минут 1/14-го февраля. Корпус ведет бой с севера и с северо-запада от Сувалок. Особенного давления не обнаружено в этом направлении. Получил уведомление от командира XXVI-го арм. корпуса генерала Гернгросса об обходе Юзефова с севера, что подтверждается нашей разведкой. Отход корпуса начинаю в 4 часа утра 2/15-го февраля единственным путем на Махарце Сопоцкин. Придаю серьезное значение фронту Сувалки—Юзефово для совместного отхода. Могу оказать поддержку 84-й пех. дивизии для парирования обхода выдвижением полка из Сувалок. Прочное удержание занятой позиции 84-й пех. дивизией облегчит совместный отход. Убедительно прошу держаться у Юзефово своим правым флангом".

Таким образом, в 4 часа утра 2/15-го февраля должен был начаться отход XX-го арм. корпуса и в 7 часов утра отход XXVI-го арм. корпуса; III-й Сибирский стр. корпус спокойно, без нажима немцев, отошел в течение 1/14-го февраля на линию Калиновен—Дуткен—Стошнен—Барглов и дальнейшего отхода не предполагал.

По сведениям, которыми мы теперь располагаем, к вечеру 1/14-го февраля германцы уже достигали следующей линии: XXI-й корпус—31-я дивизия, находившаяся на крайнем левом

Схема № 6.

фланге и 31/13-го февраля занявшая Лоздзее, к вечеру 1/14-го февраля достигла северо-восточной окраины Августовского леса, имея в виду занять м. Копциово; правее шла 42-я дивизия того же корпуса, достигшая к вечеру 31/13-го февраля шоссе Сувалки—Гродно у Сейны; к вечеру 1/14-го февраля она должна была выйти в район южнее Сейны у северной опушки Августовского леса. 1/14-го февраля левофланговая 76-я рез. дивизия корпуса Лауенштейна (XXXVIII-го корпуса) и 77-я и 78-я резервные дивизии Марвица (XXXIX-го корпуса) выдержали уже, по свидетельству немцев, северо-восточнее и севернее Сувалок упорные бои.

Таким образом, тот единственный путь, по которому наметился отход XX-го арм. корпуса, фактически, уже во время отдачи распоряжения об отходе через Гибы на Сопоцкин, был в руках немцев. Оставалось принять решение, согласие на которое испрашивал Булгаков еще 31/13-го февраля, а именно отходить вслед за 28-й пех. дивизией на Августов.

В ночь на 2/15-е февраля командующий армией отдал распоряжение, окончательно предопределявшее направление и самое выполнение отхода XX-го арм. корпуса, распоряжение, выполнение коего, в конечном счете, могло бы вывести корпус из затруднительного положения.

Сиверс телеграфирует Булгакову: „Ваша задача — обеспечить отход XXVI-го арм. корпуса за шоссе Сувалки — Августов к востоку. Для этой цели займите частью сил позицию, примерно, на фронте Плоцично—Юзефов, прикрывающую как шоссе, *так и дорогу на Махарце.* Когда XXI-й арм. корпус стянется и, неугрожаемый со стороны противника, отойдет за шоссе Августов—Сувалки к востоку, а части Вашего корпуса — на дорогу к Махарце, арьергард может отходить, примерно, на позицию по линии Плоцично—Юзефов, имея за левым флангом резерв, не менее дивизии. В виду малой устойчивости 84-й пех. дивизии, после отхода XXVI-го пех. корпуса, Ваш левый фланг составит правый арьергард группы ген. Радкевича и отступит по пути XXVI-го арм. корпуса; *что касается правого фланга, то он может отходить на Махарце и далее. В крайнем случае, если бы противник помешал отходу на Махарце, то и правый фланг должен отходить за XXVI-м арм. корпусом.* № 0160, Сиверс".

Наконец, Булгаков получил разрешение на свою просьбу отходить в направлении на Августов. Имея это разрешение *в крайнем случае* отходить на Августов, о чем он и сам хлопотал, мотивируя свое ходатайство тем, что Сейны уже пройдены противником, следовательно, по расчету времени, и пути на Махарце—Гибы в течение 2/15 го февраля также могли быть заняты противником,—для Булгакова самым правильным решением было бы, сговорившись с Радкевичем в

смысле согласованности отхода, уклониться корпусом на юг, на Августов.

Здесь становится неясным, почему Булгаков, сам же хлопотавший о разрешении отхода на Августов, в конце концов отказался от этой мысли. Можно предположить, что категорично поставленная задача обеспечения отхода XXVI-го арм. корпуса повлияла и имела своим следствием последнее.

Возможно, что полученные утром 1/14 указания Сиверса о том, чтобы при малейшей возможности разбить противника по частям, напоминавшие о том, что нужно торопиться, так как уже через два дня численное превосходство может быть на стороне противника, также имели свое значение.

Наконец, является сомнение в получении Булгаковым последней телеграммы, в которой давалось ему разрешение на отход в направлении на Августов, *так как около 2-х часов ночи 2/15-го февр. связь штаба XX-го арм. к-са со штабом армии порвалась и более не восстанавливалась.* Указанная же телеграмма была направлена Булгакову через штаб III-го Сиб. корпуса, *который сам получил ее в 3 часа 07 минут 2/15-го февраля. Все распоряжения по отходу корпуса были сделаны раньше этого времени, и начало отхода было намечено в 4 часа 2/15-го февраля* [1]).

Как бы то ни было, Булгаков решил отходить на Махарце—Гибы и далее на Сопоцкин.

Схема № 6.

К вечеру 1/14-го февраля части 10-й армии были расположены по дуге, обращенной своей выпуклостью на север и северо-запад, начиная от д. Полюле на Белороги, Прудзишки, Пржеброд, Поддубвеск, Юзефово, Яблонске, Калиновен, Дуткен, Боржимен, Стошнен, Барглов.

Начиная с 2/15-го февраля, все корпуса армии, как вследствие отсутствия связи между ними, так и вследствие отсутствия руководства со стороны армейского командования, образовали две самостоятельных группы: северную — XX-й арм. корпус, предоставленный самому себе и руководившийся приказанием армии—отходить на Махарце—Гибы—Сопоцкин, и на группу из III-го Сибирского и XXVI-го арм. корпусов, которые, хотя, как мы увидим впоследствии, также не получали никаких руководящих указаний со стороны командующего армией, но тем не менее действовали в полном единении до самого выхода за реку Бобр.

Обратимся сначала к событиям, происшедшим в XX-м арм. корпусе. Командир III-го Сиб. к-са Радкевич исполнил просьбу Булгакова и послал из отряда Российского командира 111-го пех. Донского полка Секирского с 2-мя батальонами при батарее на Гибы через Махарце. Пройдя деревню Серски Ляс, отряд этот натолкнулся на части 65-й бригады 42-й гер-

[1]) См. стр. 97. „Отход корпуса начинаю в 4 часа утра... и т. д."

манской дивизии, которая, как уже упомянули, была в ночь с 1/14-го на 2/15-е февраля у Гибы, захватив промежуток между Сейнами и северной опушкой Августовских лесов. В результате столкновения отряд был разбит и рассеян, а сам Секирский убит. Батальоны стали отходить назад к Августову, устраивая по пути в лесных дефиле засады, чтобы хотя этим замедлить движение противника.

Между тем в ночь на 2/15-е февраля XX-й арм. корпус начал отход от Сувалок. Части 53-й пех. дивизии вместе с 115-м пех. Вяземским полком 29-й пех. дивизии под общей командой командира бригады 53-й пех. дивизии Хольмсена составили арьергард, с задачей прикрывать отход с севера и северо запада в непосредственном соприкосновении с 84-й пех. дивизией XXVI-го арм. корпуса.

Следуя указаниям командующего армией, командир XX-го арм. к-са в боковой авангард направил отряд командира бригады 29-й пех. дивизии Чижова, в составе 1-й бригады 29-й пех. дивизии при 6 орудиях и полусотне казаков, с задачей захватить шоссе Сейны — Августов и, укрепившись у дер. Гибы, удерживаться там до тех пор, пока главные силы и арьергард не минуют дер. Махарце.

Главные силы состояли из оставшихся 5 батальонов 28-й пех. дивизии, бригады 27-й пех. дивизии и частей 53-й пех. дивизии. Колонна главных сил должна была идти по дороге на Гаврихруда—Бризгель—Тоболово. Артиллерийские парки и обозы, высланные еще в ночь с 31/13-го на 1/14-е февраля, повернувшие назад от Сейны, находились впереди колонны 29-й дивизии.

Схема № 7. Около 14 часов 2/15-го февраля начальник 27-й пех. дивизии Джонсон, находившийся в голове колонны своей дивизии на опушке леса западнее д. Вально, командировал своего начальника штаба дивизии Дрейера в штаб XX-го арм. корпуса, находящийся к этому времени в д. Вально, доложить Булгакову, что 27-я пех. дивизия подошла. Командир корпуса высказал полное удовлетворение по поводу подхода дивизии к д. Вально, лично ориентировал начальника штаба дивизии в обстановке и предложил в присутствии всего состава штаба корпуса высказать свои соображения по поводу дальнейших действий.

Соображения начальника штаба 27-й пех. дивизии Дрейера сводились к следующему: 1) прочно занять узкие озерные дефиле у д.д. Дановске и Копаницы как с севера, так и с юга, чтобы иметь выходы на восток и на юг; 2) к занятию этих дефиле приступить немедленно ближайшими частями, каковыми являлись полки 27-й пех. дивизии; 3) по занятии дефиле, сосредоточить всю 27-ю пех. дивизию в лесах южнее этих дефиле для дальнейшего затем захвата озерного перешейка между д. Сервы и Тоболово. Овладение этим пере-

шейком в связи с захватом дер. Серски Ляс и Махарце, по мысли докладчика, было совершенно необходимо, так как оставление этих местных предметов в руках противника отбрасывало весь XX-й арм. корпус на Августов.

Булгаков, не колеблясь, выразил свое полное согласие на предложенный план действий и выполнение его возложил на начальника 27-й пех. дивизии Джонсона.

Джонсон, в свою очередь, перепоручил ведение всей операции командиру 108-го пех. Саратовского полка полковнику Белолипецкому. Кроме частей 27-й пех. дивизии, в распоряжение Джонсона был передан 116-й пех. Малоярославский полк 29-й пех. дивизии, которому ставилась задача начать ночью наступление на Махарце от дер. Тоболово, а с утра 3/16-го февраля действовать в полной связи с полковником Белолипецким.

Пока происходили вышеизложенные события, боковой отряд Чижова, выступивший в 5 часов утра 2/15-го февраля с восточной окраины гор. Сувалок, перешел около 9 часов перешеек у Тартака, между озерами Песно и Вигри, и, следуя далее, свернул на дер. Николаево, где попал под артиллерийский огонь со стороны м. Краснополь. Продолжая свое движение, Чижов около 13 час. получил донесение, что д. Сернетки занята неприятельской кавалерийской заставой, а в деревнях Глембокий Брод и Фронцки находится германская пехота. Это были части 42-й дивизии XXI-го герм. корпуса; впереди уже прошел 17-й пехотный полк (65-й бригады), наступавший на Августов и рассеявший в свое время отряд полковника Секирского.

Между тем, около 1 часа ночи 2/15-го февраля командир XXVI-го арм. корпуса получил от Радкевича приказание в виду обнаружившегося обхода XX-го арм. корпуса стянуть части XXVI-го арм. корпуса 2/15-го февраля в район д.д. Щербы, Щеберка, г. Августов, имея арьергард у д. Курьянка, и, прикрываясь со стороны Сувалок в районе д. Щепки, начать отход с рассветом, сообразуясь с XX-м арм. корпусом. Ближайшие части 8-й Сибирской стрелковой дивизии будут в то же время стянуты в район северного предместья Августова, имея арьергард у Курьянки; 7-я Сиб. стр. дивизия, составляя общий арьергард, будет прикрывать Августов на передовых Августовских позициях в продолжение не менее двух или трех дней, пока все части III-го Сиб. корпуса и XXVI-го арм. корпуса не вытянутся на их тыловые пути. Тыловой путь 8-й Сибирской стр. дивизии и могущей следовать по ее пути бригады 28-й пех. дивизии с артиллерией уклонялся на шоссе Августов—Липск; тыловой путь всех прочих приданных корпусу частей и впоследствии 7-й Сиб. стр. дивизии — на Белобржеги — Штабин. XXVI-му арм. корпусу — отходить по указанным штабом армии тыловым путям, отнюдь не занимая

Схема № 6.

чужих. Дальнейший отход предполагалось начать перед рассветом 3/16-го февраля с тем, чтобы достичь арьергардами XXVI-го арм. корпуса дер. Чарны-Брод, а обеими колоннами III-го Сиб. корпуса выйти: восточной, примерно, у Лебедзянки и западной у д. Цисова.

В 9 часов утра 2/15-го февраля командиры III-го Сиб. и XXVI-го арм. корпусов Радкевич и Гернгросс получили от командующего армией следующее приказание, адресованное в копии и Булгакову, но им не полученное: „До отхода частей XXVI-го арм. корпуса за озера Белое и Студенично XX-й арм. и III-й Сиб. корпуса должны обеспечивать этот отход, удерживаясь на фронте, примерно, д.д. Плоцично, Щебра, Жарново, Барсуки — для III-го Сиб. корпуса, Ольшанка—для XX-го арм. корпуса. Занять Гибы для XX-го арм. корпуса считаю крайне важным, почему требую самых энергичных мер к занятию их. Если противник будет наседать на отходящие войска и, в частности, на XXVI-й арм. корпус, то XX-й арм. корпус, прикрывающий отход его, должен выделить специальный арьергард, который потом уже отступит вслед за XXVI-м корпусом; если же отход XXVI-го арм. корпуса за указанные выше озера будет происходить беспрепятственно, то арьергард этот от XX-го арм. корпуса должен отойти за своим, т.-е. XX-м арм. корпусом, так как желательно иметь колонну, следующую на Гибы, возможно сильнее, на случай необходимости в дальнейшем отходить с боем. 1163. Сиверс".

С получением этого приказания связь штаба армии порвалась и с группой Радкевича.

Отход XXVI-го арм. корпуса, как видели, был ранее согласован с отходом XX-го арм. корпуса, и здесь никаких недоразумений в действительности и не произошло.

Части III-го Сиб. корпуса одновременно отходили на фронт Яновка—Барсуки.

Схема № 7. В XX-м арм. корпусе около 13 час. 2/15-го февраля разведка бокового авангарда Чижова, как сказано было выше, сообщила, что д. Сернетки занята неприятельской кавалерийской заставой, а в деревнях Глембокий Брод и Фронцки находится германская пехота. Чижов распорядился выслать сильные заставы к деревням Погоржельце, Версне и Красна, чтобы обеспечить себя с востока. Немцы были оттеснены к озерам Версне и Бяло, что дало возможность боковому отряду подойти к дер. Татарчиско, куда части Чижова прибыли к 9 часам вечера 2/15-го февраля.

Что касается главных сил XX-го арм. корпуса, то они в течение дня 2/15-го февраля производили перегруппировку с целью занятия 27-й пех. дивизией дефиле между озерами Сервы и Близно на фронте Тоболово — Сервы. 106-й пех. Уфимский и 116-й пех. Малоярославский полки, бывшие в голове колонны главных сил, к 16 часам заняли Тоболово, Копа-

ница, Дановске, где окопались, а 108-й пех. Саратовский полк Белолипецкого был двинут вперед для занятия дер. Махарце; ему было придано три батареи 27-й артиллерийской бригады и подчинены 105-й пех. Оренбургский и 106-й пех. Уфимский полки, вернее — остатки этих полков, так как в их рядах было не более 1000 штыков. В общем, XX-й арм. корпус за день 2/15-го февраля вышел авангардом — Чижов — к Татарчиско, а главными силами — на фронт Тоболово — Сервы.

Около 12 часов 2/15-го февраля 64-я пех. дивизия XXVI-го арм. корпуса начала прибывать в Августов. Начальник 64-й пех. дивизии Жданко вместе с начальником штаба дивизии Балтийским, следовавшие в голове колонны, направились в штаб корпуса. Командира корпуса Гернгросса увидеть не удалось, но начальник штаба корпуса Добрышин лично передал полковнику Балтийскому приказ по корпусу № 290, коим предопределялся дальнейший отход корпуса в направлении на д. д. Горчицу, Пласка и Микашевка, начав движение в 7 часов утра 3/16-го февраля, при чем устно добавил, что если противник будет наседать, то „действовать по обстоятельствам". После чего сел в автомобиль и уехал в д. Пласка. Схема № 8.

Прибыв около 13 ч. 30 м. в Августовские казармы 104-го пех. Устюжского полка, начальник 64-й пех. дивизии Жданко застал расположенные там в большом беспорядке части 84-й и 28-й пех. дивизий (отряд ген. Российского); там же должен был расположиться 254-й пех. Николаевский полк 64-й пех. дивизии. Обозы этих частей были разбросаны в беспорядке по всему казарменному двору. Едва части стали упорядочивать свое размещение, как сюда же в казармы прибыл вернувшийся с пути на Горчицу штаб XXVI-го арм. корпуса, вследствие того, что путь в д. Пласка был, по донесениям и сведениям, приходившим из разных мест, уже закрыт кавалерией противника, а Горчица занята немцами. Здесь же в казармах, после совместного обсуждения обстановки, решено было, в виду появления кавалерийских частей противника в нашем тылу, безотлагательно направить на д. Горчицу два батальона с пулеметами и взводом артиллерии, с целью отогнать противника и обеспечить Горчицу с севера и востока, дабы была возможность двигаться беспрепятственно нашим войскам с утра, согласно приказа № 290.

Это была последняя связь командира XXVI-го арм. корпуса со своими дивизиями, так как с 84-й пех. дивизией штаб корпуса утратил ее еще раньше, и теперь в 15 ч. 50 м. начдиву 84 ген. Козлову была послана записка с изложением обстановки и подтверждением — „прикрываясь арьергардами, двигаться на д.д. Горчицу, Микашевку, имея конечной целью прибыть в пос. Сопоцкин.

По отдаче этих распоряжений штаб XXVI-го арм. корпуса выехал, как говорили, в Липск по шоссе Августов — Гродно.

Высланный отряд до д. Горчицы не дошел, так как, достигнув железнодорожной станции гор. Августова, он увидел, что оба батальона Секирского, высланные на дорогу Августов — Гибы, оттеснены противником к югу и отошли за переправу между озерами Белое и Студенично и что немцы, перейдя по льду через оз. Белое, уже наступают на железнодорожную станцию, заходя даже на Липское шоссе.

Узнав об этом, командир III-го Сиб. корпуса выдвинул в этом направлении уже прибывшие в Августов остальные части Российского.

Следуя с полученной им задачей, Российский по пути зашел в штаб 64-й пех. дивизии и здесь, получив ориентировку, развернул части своего отряда у станции, с целью отогнать немцев и занять переправу у оз. Белое. Одновременно с этим в промежуток между оз. Белое и Сайно распоряжением начальника 64-й пех. дивизии выдвинут 254-й пех. Николаевский полк. Кроме того, сильные отряды высылались к д. Саенек и жел.-дорожному мосту через оз. Сайно.

Между тем, III-й Сиб. корпус еще с утра 2/15-го февраля начал отправку по дороге на Штабин своей тяжелой артиллерии и обозов. Дав задачу отряду Российского и собрав бывшие при III м Сиб. корпусе части 53-й и 64-й пех. дивизий в д. Белоборжеги, Радкевич начал постепенно оттягивать свои дивизии—8-ю стрелковую—к северному предместью Августова, а 7-ю, занимавшую позиции западнее дер. Барглов, — на линию д.д. Бернатки — Барсуки.

Отход совершался в очень трудных условиях под сильным натиском и ураганным артиллерийским огнем противника, но был совершен в полном порядке, и к вечеру обе дивизии заняли указанное им положение.

После этого командир III-го Сиб. корпуса выехал из Августова.

Мы уже знаем, что еще раньше в этот же день командир XXVI-го арм. корпуса Гернгросс также оставил Августов; *таким образом, здесь в очень трудных условиях дивизии III-го Сиб. и XXVI-го арм. корпусов остались без общего руководства.*

Вечером в тот же день начальник 7-й Сиб. стр. дивизии Трофимов, видя необходимость обезопасить от немцев леса, прилегающие к Августову с востока, как старший в чине, приказал отбросить наступающих на линию железной дороги немцев, назначив командующего 64-й пех. дивизией Жданко начальником обороны восточного сектора, передавая вместе с тем обратно в дивизии XXVI-го арм. корпуса 253-й и 336-й пех. полки, бывшие до этого времени при III-м Сиб. корпусе.

К этому же времени в Августов в казармы 104-го полка прибыли: 256-й полк 64-й пех. дивизии, смененный у д. Яново

29-м Сибирским стр. полком, и 335-й Анапский полк 84-й пех. дивизии вместе с командующим дивизией Козловым; с прибытием последнего полка на восточной окраине Августова в лесу, примыкающем к казармам, собралась вся 84-я пех. дивизия.

Теперь здесь были в наличии достаточные силы. Очистка северной половины лесов была поручена 256-му пех. Елисаветградскому полку, а южной — частям 28-й пех. дивизии под командой Российского. Самую же операцию предполагалось начать с рассветом 3/16-го февраля, так как части были сильно утомлены.

В течение ночи на 3/16-е февраля немцы (65-я б-да) пытались, перейдя по льду через озера Белое и Студенично, прорваться по направлению к казармам, но эти попытки были отбиваемы 254-м пех. полком, уже занявшим перешеек между оз. Белое и Сайно.

В штабе армии к вечеру 2/15-го февраля из донесений о противнике было известно:

1. что в районе Козлова-Руда, Пильвишки находятся лишь разъезды противника, поддержанные небольшими отрядами пехоты; Серее занято отрядом с двумя орудиями; у Лейпуны — конный отряд, авангард которого, в составе нескольких эскадронов с артиллерией, выдвинут к Друскеникам;

2. что в районе Сувалок и Августова противник, обходя наш правый фланг и частью сил двигаясь от Сейны на Августов, у Серски Ляс атаковал наш небольшой отряд (Секирского), отбросил его назад; обозначилось также наступление немцев на Горчицу, но о силах противника ничего известно не было; предполагалось, что здесь действует конница, поддержанная пехотой,

и что с запада у Августова немцы наступают на фронт д. д. Жарново, Барсуки, Белобржеги, а от Граево на Осовец наступает от бригады до дивизии.

Как общее заключение, в сводке штаба следовало: „Немцы действиями на обоих флангах, повидимому, имеют целью затруднить прохождение нами Августовских лесов и дефиле".

В действительности, в этот день 2/15-го февраля немецкие части находились: XXI-й корпус—31-я дивизия к вечеру достигла Сопоцкина, отрезав все пути, ведущие из района Сувалок и Августова на восток; 42-я дивизия — мы уже видели, что она через Сейны направилась к Августову и своими передовыми частями занимала уже с утра 2/15-го февраля Фронцки и Глембокий Брод, а у Серски Ляс разбила отряд полковника Секирского. Это была 65-я бригада 42-й дивизии; продолжая двигаться на Августов, она выделила один батальон 17-го пех. полка для обеспечения своего фланга к Саенек. С этой бригадой и пришлось иметь дело 2/15-го февраля 254-му пех. полку 64-й пех. дивизии и сводным частям 28-й пех. дивизии Российского.

Схема № 6.

К западу от XXI-го германского корпуса XXXIX-й и XXXVIII-й резервные корпуса — четыре дивизии—развивали свое наступление на фронте Краснополь — Сувалки. 1-я кавдивизия, ландверная див. Кенигсберга с 5-й гвардейск. бригадой прикрывали крайний левый фланг немцев со стороны Ковны. На самом южном фланге 3-я кавалерийская бригада прорвалась через Августовский канал южнее Августова; части XL-го рез. германского корпуса наступали по обе стороны дороги Райгрод — Августов; 2-я дивизия — Фалька шла севернее, 1/2 1-й ландверной, 1/2 3-й резервной и 1/2 10-й ландверной [1]) наступали с северо-запада между дорогами Рачки — Августов и жел. дорогой Сувалки — Августов.

Таким образом, уже 2/15-го февраля для выхода русских войск оставался только свободный промежуток между Сопоцкином и Августовским каналом, вернее — Штабином, и единственное, что могло спасти уже утомленные, неспособные к длительным боям части корпусов армии, это было отвести их прямо на юг в район Августова, чтобы оттуда, не теряя времени, двинуться на Липск, а может быть даже и западнее, на переправы ниже по течению р. Бобра.

Командование 10-й русской армией и командиры корпусов знали, что против них действуют превосходные силы противника, но не знали, до каких рубежей дошел противник, действующий против правого фланга 10-й армии. Конница противника (1-я кавдивизия), прикрывая собой обходящие части противника, создавала представление, что крупных сил тут нет. В действительности, как мы видели, было иное.

Все же и армейскому, и фронтовому командованию было известно, что немцы пытаются обойти фланги армии, и это обходное движение немцев вызвало у фронта опасение, что вполне возможно предупреждение немцами отходящих корпусов на позиции у Сопоцкина, в силу чего Рузский обратился в Ставку с просьбой о выдвижении одной из дивизий XV-го арм. корпуса, находящегося в распоряжении Верховного, на Сопоцкин. В происшедшем разговоре фронта со Ставкой генерал-квартирмейстер Данилов ответил: „О том, что дела в Восточной Пруссии серьезны, — сомнений нет; это — одна из крупных ставок нашего противника, и штаб Верховного всецело приходит к тому, что надо самым смелым и широким образом перебрасывать войска с левого берега Вислы на правый. Помощи Вам ожидать нельзя; мысль эта уже обсуждалась, но не одобрена, в виду необходимости усиления фронта на Карпатах... Вам необходимо рассчитывать на собственные силы".

---

[1]) Остальные части этих трех дивизий уже были оттянуты на юг для обеспечения правого фланга 8-й армии со стороны Осовца и 12-й русской армии.

Следовательно вопрос о занятии Сопоцкина, за неимением в распоряжении фронта к этому времени резервов, остался в воздухе. Тем не менее, этот ответ фронта не удовлетворил, и на следующий день 1/14-го фронт добился получения XV-го арм. корпуса, но с предупреждением, что раньше, чем не соберется вся 12-я армия, этот корпус на фронт Гродно — Соколка не выдвигать.

Следствием этого вопрос о своевременном прочном занятии заранее подготовленных и усиленных проволокой передовых Липских, по отношению к Гродне, позиций отпал, и их в действительности, как мы после увидим, заняли немцы раньше, чем туда подошли отступающие части XXVI-го арм. корпуса.

Имея в руках приказ № 1100, предопределявший, на случай перерыва связи, ведение операции после 1/14-го февраля, будучи разорванными на две группы, несвязанные между собой, русские корпуса,. попав в критическое положение, естественно, должны были руководствоваться этим приказом № 1100, коим XX-й арм. корпус направлялся на позицию у Меречи, XXVI-й арм. — на Сопоцкинскую и III-й Сибирский — на Липск — Штабин, тем более, что дальнейшие указания, полученные до перерыва связи в корпусах, были в полном соответствии с этой основной директивой.

Однако, условия обстановки для обеих групп были различны: в то время, как группа Радкевича (III-й Сиб. и XXVI-й арм. корпуса) имела противника на всем фронте и ясно представляла себе, где находится крайний фланг наступающих немцев, XX-й арм. корпус, испытывая давление как с фронта, так и на своем правом фланге, — не знал, что он уже глубоко обойден целым XXI-м германским корпусом, далеко своими частями зашедшим ему в тыл и, в сущности, уже преградившим все пути отхода в направлении на Меречь. XX-му арм. корпусу, оторванному, как уже указывалось, от других корпусов и не имевшему связи со штабом армии, оставалось следовать этой директиве № 1100 в том предположении, что и другие корпуса армии будут действовать в соответствии с ней, но при этом XX-му арм. корпусу все же надлежало принять все меры для восстановления и поддержания связи с группой Радкевича; этого сделано не было, и корпус понес за это тяжелую расплату.

Мы уже упоминали, что события в 10-й армии постепенно стали отражаться на положении всего фронта. Немцы, опасаясь за далеко выдвинутый правый фланг своей 8-й армии, обозначили наступление в направлении на Остроленку, Мышинец и Млаву, а также со стороны Нижней Вислы и от Торна. Это были лишь демонстрации, но командование фронтом, считая, что усиление германцев в районе 10-й армии

и на правом берегу Вислы произошло вследствие как сосредоточения сюда вновь сформированных частей из Германии, так и ослабления их на левом берегу Вислы, произвело перегруппировку армий, указав I-й армии обеспечить подступы к Варшаве и к Нижнему Нареву на участке Новогеоргиевск—устье р. Оржиц со стороны Торна и линии Страсбург—Вилленберг; 12-я армия получила более узкий фронт, ограниченный с запада р. Оржиц от Хоржеле до устья и с востока — направлением Щучин—Белосток с отнесением этих пунктов к 10-й армии.

Одновременно с этим были сделаны распоряжения о скорейшей перевозке XV-го арм. корпуса в Гродно и II-го арм. к-са, за выделением одного полка в Осовец — в Соколку.

ГЛАВА IX.

Бой XX-го арм. корпуса 3/16-го февраля у д. Махарце. Неудавшаяся попытка немцев окружить под Августовом русских. Действие бокового отряда XX-го арм. корпуса. События 3/16-го февраля в XXVI-м арм. и III-м Сиб. корпусах. Отход XXVI-го арм. и III-го Сиб. корпусов в ночь на 4/17-е февраля. Паника в 84-й пех. дивизии. Решение командующего 10-й армией собрать отходящие войска на линии Новый Двор, Ново-Каменная, Штабин. Донесения об обстановке штаба 10-й армии фронту и последнего в Ставку. Необходимость изменения плана фронта. Заключение.

В ночь на 3/16-е февраля в XX-м арм. корпусе части 27-й пех. дивизии под общим начальством командира 108-го пех. Саратовского полка Белолипецкого закончили свою перегруппировку и к рассвету занимали уже опушку леса в полуверсте от д. д. Серски Ляс и Дальний Ляс. Тут же фронтом на восток заняли позиции три батареи той же дивизии. **Схема № 7.**

С 7—8 часов утра части левого боевого участка, расположенного севернее шоссе, начали наступление на дер. Серски Ляс, тотчас же встреченное ружейным огнем из окопов и ближайших домов и артиллерийским—со стороны д. Махарце.

В это же время южнее шоссе 3-й и 4-й батальоны 108-го пех. полка начали наступать на д. Дальний Ляс, занятую сравнительно слабее.

Действуя на-коротке, расположенные почти в первой линии все три батареи оказали наступающим частям действительную поддержку как против пехоты противника, так и его артиллерии. Рельеф местности не благоприятствовал выбору наблюдательных пунктов, почему одна батарея была выдвинута открыто своим правым флангом на самое шоссе.

Около 10 часов утра Белолипецким во время его наступления было получено донесение, что на Августовском шоссе у озер Белое и Студенично ведется бой с неизвестной силы немецкими частями. Это были части 65-й пех. бригады 42-й герм. дивизии, подошедшие накануне со стороны Сейн к озерам Белое и Студенично и ведущие перестрелку с частями, занимавшими г. Августов.

Для обеспечения своей основной задачи Белолипецкому пришлось выделить две роты с одним орудием, расположив их по обе стороны шоссе в двух верстах южнее дер.

Серски Ляс фронтом к Августову. Это было все, чем обеспечивалась основная операция в направлении на Махарце.

В действительности, противник, скованный с фронта частями XXVI-го арм. корпуса у озер Белое и Студенично, никаких операций со стороны Августова не предпринял, так как сам считал здесь себя обойденным и в критическом положении.

Энергичное наступление на д. д. Серски Ляс и Дальний Ляс привело к успеху, и к 11 часам обе деревни были заняты.

Здесь интересно отметить действия 2-й, 3-й и 5-й батарей 27-й арт. бригады, которые заняли на виду у противника открытые позиции, благодаря чему явилась возможность прямой наводкой быстрого нанесения противнику больших потерь и создания тем благоприятного момента для удара в штыки. Особенно заслуживали внимания действия одного орудия, которое прямо на шоссе переезжало с одной позиции на другую и расстреливало картечным огнем не только пехоту противника, но даже его батареи. Как результат этой исключительной работы артиллерии, принимая во внимание, что со стороны немцев действовало также несколько батарей —были те большие потери, которые понесли германцы под д. Махарце. Целые запряжки были перестрелены, 13 орудий не могли быть вывезены и были немцами брошены. Все шоссе буквально было покрыто немецкими трупами, раненые заполнили придорожные канавы и все дома окрестных деревень.

Около 15 часов была взята дер. Махарце.

Здесь немцы потерпели крупное поражение, как это и сами признают. Свыше 700 человек было взято в плен, при чем одна пионерная рота в полном составе с офицерами, кроме того, 13 орудий и 9 пулеметов.

Насколько немцы были уверены в своем успехе в ближайшие дни, видно из диспозиции, найденной у одного из убитых германских офицеров; вместе с тем она дает понятие о той тяжелой обстановке, в которой пришлось действовать XX-му арм. корпусу, а с ним и другим корпусам армии. Диспозиция гласила: „14-го февраля (1-го февр. стар. ст.) три русских корпуса стоят еще на шоссе Сувалки—Августов. 42-я дивизия должна завтра закончить их окружение... и т. д.“— следовало распределение войск по колоннам.

На основании этого приказа, можно предположить, что у немцев первоначальный план состоял в окружении русских в районе г. Августова. Теперь становится ясным, почему 42-я дивизия 2/15-го февраля направилась от Сейны на Августов: ведь одновременно с ней с запада к 2/15-му же февраля к Августовскому каналу должны были подойти части XL-го корпуса; таким образом, с занятием перешейков у озера Сайно 42-й герм. дивизией и района д. Белоборжеги 79-й рез. дивизией при наличии уже прорвавшейся на юг 3-й герм.

кавбригады, судьба всех трех русских корпусов была бы, может быть, решена.

31-я дивизия XXI-го германского корпуса, Кенигсберская ландверная дивизия с 5-й гвард. пех. бригадой и 1-й кавдивизией служили немцам страховкой их главной операции от попыток русских подать руку помощи со стороны Гродно и Ковно. Кроме того, в целях прикрытия себя со стороны Осовца, они повели туда наступление выделенными из 8-й армии частями ландвера и 3-й рез. дивизии[1]).

Но вот тут-то и произошло то, что часто срывает широко и искусно задуманные операции. Вспомним, что днем 2/15-го февраля 65-я бригада, идя к Августову, рассеяла отряд Секирского и к исходу дня продвинулась далее, подойдя частично к озерам Белое и Студенично, частично же втянулась в лесной массив между озерами Студенично и Сайно. 59-я пех. бригада следовала за 65-й бригадой в затылок, так как местность не позволяла идти более широко. Ночь на 3/16-е февраля дивизия провела, растянувшись бригадными эшелонами на 18 верст. Подошедшие к д. Вально части XX-го арм. корпуса русских с утра 3/16-го февраля разрезали эту дивизию пополам, вклинившись между ее частями; благодаря этому, почти вся дивизия попала в тяжелое положение, потеряв более трети своих орудий; три полка ее были сильно растрепаны. Все это настолько встревожило немцев, что ген. Эйхгорн, узнав о неудачном бое 42-й дивизии, приказал своему XXXIX-му корпусу спешить на помощь теснимой по соседству дивизии; но этим войскам пришлось иметь дело уже только на следующий день, 4/17-го февраля, с одним лишь арьергардным полком XX-го арм. корпуса русских.

Таким образом, задуманное окружение русских в районе г. Августова не удалось, благодаря, с одной стороны, неблагоприятным условиям лесисто-болотистой местности, не позволявшим всем частям действовать в строгой связи между собой, обеспечивающей планомерное взаимодействие, с другой—благодаря искусному ведению боя частями 27-й пех. дивизии. Окружение пришлось отложить. Собственно говоря, с этого момента уже нельзя было думать об окружении всей русской армии. Можно было лишь рассчитывать на частичный ее разгром, что в действительности и случилось.

Этот блестящий и с таким успехом проведенный бой не дал, однако, XX-му арм. корпусу ощутительных результатов. В то время, как этот бой спутал карты немцев, остальные части корпуса, следуя основному замыслу операции, должны были бы, не теряя ни минуты, прикрывшись арьергардом Хольмсена (части 53-й пех. дивизии с 115-м Вяземским пол-

---

[1]) 1-й ландв. див., 1/2 10-й ландверной див. и 1/2 3-й рез. див. См. примечание на стр. 106.

ком) со стороны Сувалок на линии, примерно, западная оконечность озера Близно—Сокольне [1]) и имея обеспеченные промежутки между озерами Близно, Тоболово и Сервы, в течение дня 3/16-го февраля без всякой помехи отходить или на Сопоцкин через д. Чарны Брод, где перед ними была бы одна 31-я герм. дивизия, или на шоссе Августов—Липск.

Между тем, части эти: полк 29-й пех. дивизии, 3 полка 53-й пех. дивизии и оставшиеся при корпусе части 28-й пех. дивизии со всеми обозами провели целый день в бездействии в районе Дановске, Копаница и прилегающих к ним лесах.

О движении на Гибы не могло быть и речи, так как, следуя по пятам разбитой 42-й герм. дивизии, XX-й арм. корпус попал бы под фланговый удар со стороны всего XXXIX-го герм. корпуса, 77-я дивизия которого 3/16-го февраля находилась в движении на Сейны.

Таким образом, для XX-го арм. корпуса вся операция свелась к прорыву у д. Махарце и дальнейшему — с значительной потерей времени—движению в юго-восточном направлении.

Схема № 7.

Боковой отряд Чижова, достигший накануне вечером 2/15-го февраля д. Татарчиско, от высланных застав на д. Красна, Версне и Погоржельце имел сведения, что эти деревни заняты передовыми частями немцев, главные силы которых расположены далеко позади. Так как д. Глембокий Брод была также занята немцами, то Чижов решил переправиться на восточный берег реки Черноганжа и прорваться на д. Фронцки, прикрывшись небольшим отрядом со стороны Гибы.

Немцы нападения не ожидали, но, однако, оказали сильное сопротивление. К 4 часам утра 3/16-го февраля д. Фронцки была очищена, дорога далее на юг была для Чижова свободна, мысль же о движении на Гибы была оставлена раньше, на основании сведений, полученных от пленных немцев, что главные их силы группируются в этом направлении. К 8 часам утра 3/16-го февраля боковой отряд Чижова прибыл в д. Околок в то время, как части 27-й пех. дивизии вели бой у д.д. Серски Ляс и Дальний Ляс.

Около 11 часов в дер. Околок начали поступать сведения о движении немцев от Гибы на д.д. Тартак и Калеты (первая на Августовском канале). В виду этого, Чижов решил перейти на южный берег канала. Около полудня отряд выступил из д. Околок и через д. Микашевка в тот же день к 18 часам прибыл в д. Грушки. Наступившая оттепель сильно испортила дороги и сделала переход очень утомительным.

По прибытии отряда в д. Грушки стало известно от случайно прибывшего офицера, что главные силы XX-го арм. корпуса

---

[1]) 6 верст западнее оз. Близно.

пробились через Махарце. Получив от своих разведчиков донесение о занятии немцами Сопоцкина, Чижов решил на следующий день продолжать отход на д. Волкуш, дабы, выйдя из лесов, занять Липское шоссе и этим обеспечить дальнейшее движение корпуса.

Об этих предположениях ген. Чижова командование XX-го арм. корпуса, видимо, ориентировано не было, да и о том, что корпус пробился у Махарце, Чижову, в свою очередь, было известно случайно.

К вечеру 3/16-го февраля части XX-го арм. корпуса приблизительно находились: 116-й пех. полк 29-й пех. дивизии подходил к д. Глембокий Брод; 27-я пех. дивизия с приданным ей 209-м полком 53-й пех. дивизии—в районе д. Махарце, боковой отряд Чижова (113-й и 114-й пех. полки)—в Грушки; прочие части корпуса — арьергард Хольмсена (115-й пех. Вяземский полк, части 53-й пех. дивизии), части 208-го, 210-го и 211-го полков 53-й пех. дивизии и части 28-й пех. дивизии сосредоточились в районе д.д. Копанице и Дановске и в ближайших к ним лесах, здесь же столпились и все обозы корпуса. Схема № 7.

На 4/17-е февраля командиром Булгаковым было отдано распоряжение: „27-й пех. дивизии оставаться на месте и служить заслоном совместно с 209-м пех. полком на фронте д.д. Махарце, Дановске, для обеспечения отхода обозов и остальных войск корпуса на д.д. Горчица и Чарный Брод. Обозам идти через д. Чарны Брод и далее на ур. Ханус; войскам — на д.д. Горчица, Микашевка, Сопоцкин". Частям 28-й пех. дивизии (110-й и 112-й полки) под начальством командира 110-го пех. Камского полка Рябенко давалась задача продвинуться к дер. Горчица, где и служить арьергардом. Схема № 6.

Вечером 3/16-го февраля к д.д. Чарны Брод и Горчица была послана рота сапер для устройства переправ через канал и исправления гати.

Все время этой операции в течение 3/16-го февраля XX-й арм. корпус не имел никакой связи со своим соседом—группой Радкевича, равно и последняя ничего не знала о том, что происходит в этом корпусе; о каком-либо взаимодействии не было речи—XX-й арм. корпус и группа Радкевича были предоставлены самим себе без какого-либо управления сверху,—связь с армией, как уже было сказано раньше, отсутствовала.

В то время, когда происходили описанные события в XX-м арм. корпусе, части XXVI-го арм. и III-го Сибирского корпусов сосредоточивались в г. Августове и ближайших его окрестностях.

На рассвете 3/16-го февраля начальник обороны восточного сектора, Жданко, с бывшими у него частями отряда Российского и 256-м пех. полком своей 64-й пех. дивизии приступил к очистке леса, что к востоку от Августова в про- Схема № 8.

межутке между озерами Белое, Студенично и Сайно. Около 9 часов утра от командира 7-й Сибирской стр. дивизии Трофимова, объединившего, за отъездом Радкевича, в своих руках командование над всеми войсками, находящимися в Августове и его окрестностях, было получено приказание отправить все обозы частей XXVI-го арм. корпуса через д. Саенек на Липск и далее на Гродно, имея в виду, что пути, проходящие западнее железной дороги, будут заняты III-м Сиб. стр. корпусом, пока успешно задерживающим наступающего противника северо-западнее и западнее гор. Августова.

По очистке от немцев лесов восточнее Августова части 64-й пех. дивизии и отряда Российского должны были прочно утвердиться на переправах у озер Белое и Студенично. О времени их отхода Трофимов обещал отдать особое приказание, имея в виду этими частями прикрыть с севера эвакуацию Августова, где к этому времени сосредоточились обозы и тылы двух корпусов, при чем столпление это увеличивали повозки уходящего вместе с войсками местного населения.

Между тем, около 8 часов 3/16-го февраля утра противник, как казалось, в крупных силах, стал теснить роты батальона 254-го пех. полка, высланного на переправу у д. Саенек; роты стали осаживать назад, в поддержку им был выдвинут батальон 253-го пех. полка. Немцы были отброшены, и переправы были сохранены. Здесь наступал батальон 17-го пех. полка 65-й бригады 42-й герм. дивизии, о которой мы уже говорили и которая, как мы уже знаем, была направлена от Сейны на Августов.

К 10 часам утра операция по очистке от немцев лесов восточнее Августова развилась: 256-й пех. полк уже наступал в направлении на д. Войцех, имея левее себя 335-й пех. полк 84-й пех. дивизии, а правее—части отряда Российского. Около 11 часов утра от Российского было получено тревожное донесение, что переправы у д. Саенек и железно-дорожного моста у озера Сайно, у которых два часа тому назад были отбиты атаки немцев, заняты снова последними и что он, Российский, уже приказал своим частям пробиться через Саенек и на перешеек через оз. Сайно (жел.-дор. мост).

До сих пор имелись сведения, что переправы эти прочно удерживаются двумя батальонами 253-го и 254-го пех. полков, почему вполне уместно было считать, что донесение это было вызвано желанием Российского возможно скорее выбраться в голове всех на Липское шоссе.

Как бы то ни было, но по получении этого донесения начальник 64-й пех. дивизии Жданко отправился к Трофимову (нач. 7-й Сиб. стр. дивизии), где по обсуждении создавшегося положения было решено не без некоторых трений, что,

как только отряд Российского пройдет и переправы будут обеспечены за нами окончательно, немедленно же отправить на Липск обозы XXVI-го арм. корпуса (по южной—не шоссейной дороге), а в 20 часов начать отход главных сил XXVI-го арм. корпуса. 335-й пех. Анапский полк, занимавший переправу между озерами Нельско и Белое к северу от Августова, должен отойти по приказанию Трофимова, а 256-й пех. Елисаветградский полк, заняв переправы между оз. Белое и Студенично, снимется лишь после отхода анапцев. Охрана переправ на оз. Сайно до прохода главных сил корпуса возлагалась на отряд Российского. Сначала отходить должна была 64-я пех. дивизия, а за ней — 84-я. Таким образом, как в авангарде, так и в арьергарде корпуса следовали части 64-й пех. дивизии—сделано это было потому, что части 64-й дивизии были более устойчивы и надежны.

III-му Сибирскому корпусу порядок и время отхода назначался распоряжением ген. Трофимова, сообразуя свой отход с таковым же XXVI-го арм. корпуса.

После полудня переправы южнее Августова, по донесению Российского, были у немцев отбиты, и его отряд вытянулся, следуя по дороге на Липск.

Одновременно с этим, в связи с уходом частей Российского, в поддержку правого фланга 256-го пех. полка, наступавшего на Войцех, было выслано два батальона 254-го пех. Николаевского полка.

Когда николаевцы выходили на правый фланг елисаветградцев, они с тыла были внезапно атакованы германцами. Быстро приведя себя в порядок, оба батальона Николаевского полка ударили на немцев. К этому же времени елисаветградцы, открыв пулеметный огонь со стороны своего правого фланга, от железно-дорожной станции вдоль по линии железной дороги, отрезали немцам возможность отхода на восток. Большинство наступающих германцев было перебито и более 200 человек взято в плен.

Это был тот батальон 17-го пех. полка 42-й герм. дивизии, который утром наступал на Саенек, с целью обеспечить левый фланг частей 65-й бригады, еще 2/15-го февраля подошедших к Августовским озерам, и о котором немцы пишут, что он пропал без вести, закопав свое знамя. Здесь же было взято и три орудия.

По проходе отряда Российского последний должен был оставить на переправах отряды для обеспечения дальнейшего беспрепятственного отхода войск, находящихся пока в Августове. Российский этого не сделал, и переправы в третий раз попали в руки немцев, но последние здесь были уже в незначительных силах, хотя и с пушкой на шоссе.

Снова пришлось атаковать. При поддержке артиллерии немецкая пушка была сбита, и опять роты 253-го и 254-го пех.

полков заняли эти переправы и удерживали их за собой до самого выхода XXVI-го арм. корпуса из г. Августова, положение которого делалось все более и более трудным, так как можно было предполагать, что вскоре корпус попадет под перекрестный со всех сторон артиллерийский огонь противника. Нужно было подумать о безотлагательном выходе из Августовской теснины, где образовался такой огромный сгусток людей и обозов.

Путем соглашения с прибывшим в штаб 7-й Сиб. дивизии начальником штаба 64-й пех. дивизии Балтийским Трофимов решил теперь же принять все подготовительные к отходу меры. Самый же отход произвести, строго придерживаясь следующего плана: прежде всего должны были отойти части III-го Сиб. корпуса, сначала 8-я, а затем 7-я Сиб. стр. дивизии, оборонявшие Августов соответственно с северо-запада и запада; после отхода III-го Сиб. корпуса в 20 часов начнет свой отход XXVI-й арм. корпус, но только в том случае, если не будет препятствий со стороны его, Трофимова. Для прикрытия отхода оставлялись 335-й пех. Анапский и 256-й пех. Елисаветградский полки, бывшие на переправах севернее Августова, при чем последний получает приказание об отходе через Анапский полк, после чего, отойдя от переправ между озерами Белое и Студенично, он должен был до 9 час. утра 4/17-го февраля занимать переправы у д. Саенек и жел.-дорожного моста, а после, взорвав мост, идти на Липск, составляя общий арьергард XXVI-го арм. корпуса. У д. Белоборжеги оставался арьергард распоряжением III-го Сиб. корпуса также до 9 час. утра 4/17-го февраля.

Отход III-го Сиб. корпуса протекал хотя и под огнем противника, но последний в общем не наседал.

Не то было в XXVI-м арм. корпусе.

Когда в 20 часов назначенный в голову колонны корпуса 253-й пех. Перекопский полк (64-й пех. див.), расположенный в казармах, стал вытягиваться из казарм на шоссе в южном направлении, то навстречу ему неожиданно появился 333-й пех. Глазовский полк 84-й дивизии с двумя батареями. Шоссе представляет собой здесь узину, ограниченную почти вплотную прилегающими лесами. Ночь была исключительно темная, произошел затор, артиллерия, бывшая при Глазовском полку, не могла повернуть обратно.

Командир Глазовского полка объяснил, что он получил от команд. 84-й пех. дивизией приказание выступить в 19 ч. 45 мин., что он и сделал, но того обстоятельства, почему он ведет свой полк в сторону, обратную направлению общего движения, т.-е. к немцам, он разъяснить не мог. Ясно, что произошла обычная путаница—в темноте худо ориентировались. Непонятно было только то, что согласно условию с Коз-

ловым (ком-щий 84-й див.) его дивизия должна была вступить в общую колонну только в 22 часа.

К 21 ч. 45 мин., когда, пропустивши обе батареи, бывшие при Глазовском полку, во двор казармы, 253-й пех. Перекопский полк стал снова вытягиваться, с востока из лесу у казарм раздались выстрелы. Командующий 64-й пех. дивизией Жданко принятыми мерами не дал разрастись начавшейся уже панике и, лично оставаясь здесь, командировал начальника штаба дивизии Балтийского с старшим адъютантом на перекресток дорог, что южнее д. Саенек, чтобы проверить положение в этом, столь важном для корпуса, узле дорог и в дальнейшем руководить порядком прохождения через него войск корпуса.

Около 22 ч. 30 мин. ночи сюда прибыли командующий 84-й дивизией Козлов с своим начальником штаба; одновременно с ними стали появляться одиночные люди 110-го пех. Камского полка 28-й пех. дивизии, отставшие из отряда ген. Российского, а также и беглецы Глазовского и даже Анапского полков 84-й пех. дивизии, который в это время должен был еще быть на перешейке между озерами Нельско и Белое, прикрывая г. Августов с севера. Беспорядочный поток людей все усиливался, и, наконец, сюда же прискакали с обрубленными постромками ездовые 84-й арт. бригады и сообщили, что в Августов ворвались немцы, что две батареи их бригады уже взяты в плен.

Остановить и привести в порядок ночью всю эту массу людей не было никакой возможности, и Козлов последовал за своими людьми, очевидно, в надежде привести их в порядок на шоссе, где-либо далее, тем более, что в Августове были еще Жданко и командир бригады 84-й пех. дивизии Есаулов, а на перекрестке оставался начальник штаба 64-й дивизии Балтийский.

Ночь была темная, ненастная; шел то дождь, то снег; казалось, все способствовало возможности возникновения паники, что фактически и случилось. На деле несколько немцев, во всяком случае, незначительные силы перешли по льду озера Нельско и открыли в упор огонь по частям, расположенным западнее казарм и по казармам. Жданко в это время уже следовал с 253-м пех. полком; произошла вторично паника, имевшая своим следствием оставление во дворе казарм 12 орудий 84-й арт. бригады и полное расстройство почти целой бригады 84-й пех. дивизии. Впоследствии 256-й пех. Елисаветградский полк уже на рассвете 4/17-го февраля, отходя последним, видел эти орудия с зарядными ящиками, но вывезти их было нельзя, за отсутствием лошадей, так как все обозы были уже отправлены.

С западной стороны Августова вечером 3/16-го февраля было тихо; III-й Сиб. корпус, частью уже отошедший, про-

должал отходить в порядке; с севера же немцы все время делали попытки перейти озера по льду, чему много способствовала лесная чаща, подходившая вплотную к озерам.

Только после полуночи 253-й пех. Перекопский полк, который должен был составить голову колонны XXVI-го арм. корпуса, прибыл на перекресток у д. Саенек и стал вытягиваться по шоссе на Липск.

Так сложились события за истекший день в корпусах армии; между тем, штаб армии предполагал, что уже в ночь на 3/16-е февраля и днем 3/16-го корпуса армии должны будут продолжать свой отход на позиции Сопоцкин, Липск, Штабин, для чего XX-й арм. корпус отбросит просочившегося на его путь противника через Гибы на Махарце и в то же время сдержит германцев, наступающих с запада. Предполагалось, что и XXVI-й арм. корпус также оттеснит противника, угрожающего путям его отхода у Саенек, а III-й Сиб. корпус отойдет, сдерживая противника, наступающего с запада как на него, так и на XXVI-й арм. корпус. Для обеспечения дальнейшего отхода штабом армии было отдано распоряжение двинуть в Сопоцкин две дружины из гарнизона Гродны, а коннице Леонтовича через Меречь—Лейпуны ударить на Копциово по тылам немцев, с целью не допустить их в район Копциово — Сопоцкин. Все эти меры были и недостаточны, и уже запоздали.

За весь день 3/16-го февраля о штабах корпусов как III-го Сиб. стрелкового, так и XXVI-го арм. в дивизиях обоих корпусов никаких сведений не было. Между тем, командир XXVI-го арм. корпуса прибыл в Липск в полночь с 2/15-го на 3/16-е февраля и в 9 часов утра 3/16-го февраля выехал в Гродну, донеся, что немцами уже заняты д.д. Чарны Брод, Горчица, Микашевка, что связь штаба XXVI-го арм. корпуса с его дивизиями отсутствует, что необходимо выслать на Сопоцкин конницу, а вслед за ней пехоту, дабы движением из Сопоцкина на Микашевку облегчить марш корпуса на Сопоцкин, который, по слухам, уже занят немцами, что лично он в Сопоцкин пробиться не может, так как всюду неприятельские разъезды, и вот он едет в Гродно.

Как видно, донесение это носило панический характер. По приезде в Гродну никто из штаба XXVI-го арм. корпуса в течение дня 3/16-го февраля в штаб армии не являлся и никаких приказаний от командующего армией не получил. Лишь 4/17-го февраля утром начальник штаба корпуса был вызван к командующему армией, где и получил указания о предполагавшихся мероприятиях, с целью облегчения выхода частей армии за р. Бобр, о которых будет сказано ниже.

Какие же сведения за 3/16-е февраля имел о своих войсках штаб армии? Было констатировано, что штаб III-го арм. к-са находится попрежнему в Ковне, XXVI-го—в Гродне,

III-го Сиб.—из Липска переехал в м. Сидра, а о XX-м арм. корпусе вообще двое суток, как нет никаких сведений.

Штаб армии знал, что связи корпусов с своими войсками нет, и принимал меры для установления таковой путем высылки офицерских разъездов, но это цели не достигало. Было известно, что Сопоцкин занят германскими частями, а после 15 часов 3/16-го февраля были заняты уже ими Липск и Курьянка.

Только вот в такой обстановке командарм 10 принимает решение: „Вследствие занятия противником Сопоцкина и Липска, собрать отходящие войска на позиции Новый Двор, Ново-Каменная, Штабин, отнеся дальнейшие пути их отхода на Одельск, Соколка, Букштель".

В это же время начавший уже свое сосредоточение в Гродне и Соколке XV-й арм. корпус стягивается в Гродно, где должен составить гарнизон крепости; относительно II-го арм. корпуса, находящегося уже в пути на Соколку, пока никакого решения принято не было.

Правый фланг штаба армии не беспокоил—на Козлово-Рудской позиции находился отряд полк. Бискупского, в составе 8 рот и 10½ эскадронов и сотен; прочие части III-го арм. корпуса с Козлово-Рудской позиции отошли в Ковну и вошли в состав гарнизона крепости. На Олитскую позицию был выдвинут отряд Стефанского, в составе 3500 штыков, 17 легких орудий с двумя эскадронами, и против этих частей противник пока ограничивался выдвижением своей конницы.

Конница Леонтовича, которая должна была еще 2/15-го февраля выйти на Сейны для действий по тылам противника, двигающегося из Сейны на юг, выяснив, что м. Серее занято отрядом из трех родов войск, изменила свое направление через Меречь на Лейпуны, куда и прибыла к утру 3/16-го февраля.

В течение дня 3/16-го февраля штаб 10-й армии оценивал положение своих корпусов, как почти безнадежное. В своем донесении во фронт начальник штаба говорит: „Положение почти безнадежное, немцы заняли пути Августов—Сопоцкин и надвигаются на шоссе Августов—Гродно; остается пока один путь—на Штабин... О XX-м арм. корпусе второй день никаких сведений... Положение крепости Гродно без достаточного гарнизона внушает опасения".

Командующий фронтом телеграфирует в Ставку: „Сложившаяся обстановка вызывает необходимость скорейшего образования резерва в районе Белостока. Направьте гвардию усиленными переходами в район Белостока, где она останется в Вашем подчинении. Оборона реки Нарева на участке 12-й армии возлагается на IV-й Сиб. стр. корпус, Кавказскую и 5-ю стрелков. бригады, 2-ю и 4-ю кавдивизии с 1-й отдельн. кав. бригадой и частей ополчения".

Позже, в 20 часов начальник штаба 10-й армии доносил фронту, что положение в Августове крайне тяжелое, бой идет на три фронта и корпусам грозит полное окружение. XX-й арм. корпус, повидимому, отрезан; Рузский, в свою очередь, доносит в Ставку, что Осовец находится в угрожаемом положении; если корпуса 10-й армии и пробьются, то едва ли можно рассчитывать на удержание линии Штабин—Липск и на прикрытие Гродны. „*Представляется крайне необходимым,* пишет Рузский, *коренным образом изменить план действий фронта,* стремясь к сосредоточению возможно больших сил в районе Гродно—Белосток—Осовец, так как, вследствие удаленности и незаконченности сосредоточения корпусов 12-й армии, наступление с линии Ломжа—Остроленка является нецелесообразным".

Сам же начальник штаба армии на свои тревожные донесения пока получила от фронта только указание о необходимости побудить Леонтовича действовать энергичнее.

Блестящий успех, достигнутый XX-м арм. корпусом у д.д. Серски Ляс и Махарце, вселил уверенность, что дальнейший путь на д. Махарце и далее открыт. Наличие связи с соседним XXVI-м арм. корпусом и своим боковым отрядом Чижова рассеяло бы такое убеждение, но связь как с первым, так и со вторым отсутствовала, и Булгаков не знал, что противник занял уже Сопоцкин и что весь район вплоть до Августовского канала наводнен разъездами противника, прикрывающими движение 79-й рез. дивизии на Сейны, идущей как раз на перерез его путей.

В XX-м арм. корпусе все время находился 4-й Сибирский казачий полк в полном составе при штабе корпуса в качестве конвоя, в XXVI-м арм. корпусе также были конные части, с помощью которых можно было иметь если не постоянную, то периодическую связь, однако, в обоих корпусах эта конница не была использована.

Схема № 7. Следует отметить, что во время боя, который вела одна 27-я пех. дивизия 3/16-го февраля, прочие части XX-го арм. корпуса стояли пассивными зрителями. Ведь этот бой, в сущности, имел целью выигрыш времени, следовательно, казалось бы, самым рациональным было бы даже в том случае, если бы предполагалось идти на д. Гибы, остальные части корпуса, пока 27-я пех. дивизия сдерживает противника, направить кружными путями к этому же пункту, и это являлось вполне возможным, двинув их на Чарны Брод и далее на Стржельцовизну.

В конце концов части XX-го арм. корпуса вынуждены были идти на д. Чарны Брод, но было потеряно время. При своем движении от Чарны Брод на Стржельцовизне они могли бы без напряжения подойти к полудню к Стржельцовизни, где встретились бы с свернувшим уже с дороги на Гибы отрядом

Чижова, который от д. Околок начал свой отход не добровольно, а под давлением противника. Войдя в полосу, насыщенную неприятелем, Чижов смог бы точно ориентировать Булгакова об истинном положении дела, и тогда можно было бы круто повернуть корпус на юг, за отрядом Чижова, и без потери времени к вечеру 4/17-го февраля подойти к Липску в тесной связи с XXVI-м арм. корпусом или от д. Грушки направиться на Волкуш, дабы вырваться из этого обширного лесного пространства, как то предполагал в свое время сделать Чижов.

Что касается действий дивизий XXVI-го арм. и III-го Сиб. корпусов, то здесь следует, как положительную сторону, отметить возложение на себя, хотя и не без трений, начальником 7-й Сиб. стр. дивизии общего руководства над всеми войсками в окрестностях Августова, благодаря чему явилась согласованность отхода XXVI-го арм. и III-го Сиб. корпусов. Действия командующего 64-й пех. дивизией Жданко—безупречны. Давая себе полный отчет во всем происходящем, Жданко лично находится среди своих частей, выслав своего начальника штаба к ответственному пункту—перекрестку дорог южнее дер. Саенек, что имело своим следствием возможное обеспечение порядка.

Еще лишний раз подтвердилось значение чрезмерной усталости войск в смысле впечатлительности, в исключительно темную ночь имевшей своим результатом возникновение паники, правда, не достигшей размеров общей катастрофы, но все же дезорганизовавшей 84-ю пех. дивизию.

Действия отряда Российского, ушедшего из Августова через перешейки и не оставившего на них отрядов для обеспечения прохода оставшихся позади, конечно, не заслуживают подражания.

В общем, пути к Бобру как для XXVI-го арм., так и для III-го Сиб. корпусов к вечеру 3/16-го февраля были открыты.

Командующий армией, лишенный связи со своими корпусами, только и мог ограничиться своими тревожными донесениями во фронт и, не имея в своем распоряжении никаких резервов, опасается уже за Гродно, так как на XV-й и II-й армейские корпуса рассчитывать пока не приходилось, в виду того, что самый ранний срок прибытия XV-го корпуса определялся 6/19-м февраля.

Фронт же, с своей стороны, говорит уже об изменении основного плана действий, так как продолжение сосредоточения 12-й армии по плану не соответствовало уже обстановке.

Немцы сорвали все предпосылки к осуществлению первоначально задуманного русскими плана действий на 1915 год.

ГЛАВА X.

Отход главных сил XX-го арм. корпуса в ночь на 4/17-е февраля. Арьергардный бой 209-го пех. полка. Действия бокового отряда Чижова 4/17-го февраля. Отход частей XXVI-го арм. корпуса 4/17-го февраля. Решение отходить частями XXVI-го арм. корпуса на Штабин. Отход III-го Сиб. стр. корпуса 4/17-го февраля. Перегруппировка 8-й и 10-й герм. армий и новые их задачи. Движение герм. дивизий 4/17-го февраля. Попытка облегчить выход за Бобр отходящих частей. Приказ 10-й армии № 4. Заключение.

Схема № 7.

В ночь с 3/16-го на 4/17-е февраля начался дальнейший отход XX-го арм. корпуса.

Высланные к д.д. Чарны Брод и Горчица саперы установили, что построить новую переправу у д. Чарны Брод не хватит времени, а потому ограничились работой только у д. Горчица. Наличие одной переправы поставило корпус в тяжелое положение, в смысле удобства и быстроты движения. Войска и обозы целого корпуса, хотя и неполного состава, должны были впредь двигаться по единственной проселочной дороге.

27-й пех. дивизии было указано следовать в хвосте колонны корпуса. На 209-й пех. полк 53-й пех. дивизии была возложена задача прикрыть отход, для чего он занял позицию фронтом на север от д. Махарце до Тоболовского озера; позади были расположены три легких батареи и одна мортирная.

В дальнейшем, переправу через Августовский канал у д. Горчица должен был прикрывать арьергард из частей 110-го пех. Камского полка и 112-го пех. Уральского полка (около 5 б-нов) под общей командой командира 110-го пех. полка Рябенко.

XX-й арм. корпус начал свое движение с вечера 3/16-го февраля, вытягиваясь в одну общую колонну. Движение продолжалось всю ночь, и к утру 4/17-го февраля следовавшая в хвосте колонны 27-я пех. дивизия занимала еще район деревень Серски Ляс и Дальний Ляс. О местонахождении бокового отряда Чижова ничего не было известно.

Около полудня с севера от д. Тоболово на д. Подсерски Ляс (Подсе́рвы) и с северо-востока на д. Махарце противник повел наступление на прикрывавший отход корпуса 209-й пех. полк.

Несмотря на сильную растянутость своей позиции, 209-й пех. полк успешно отбил атаки противника и дал спокойно отойти следовавшей в хвосте колонны корпуса 27-й пех. дивизии, которая снялась с места около 17 час., после этого с наступлением темноты полк отошел на д.д. Сухаржечка и Горчица.

Таким образом, немцы и здесь не имели успеха, хотя этот бой потребовал ввода в дело со стороны немцев почти 2½ дивизий, так как ген. Эйхгорн, получив известие о неблагоприятно кончившемся 3/16-го февраля для частей 42-й герм. дивизии бое у д. Махарце, приказал своему XXXIX-му рез. корпусу спешить на помощь.

Командир XXXIX-го рез. корпуса Лауэнштейн тотчас направил 78-ю рез. дивизию на д. Махарце со стороны д.д. Бризгель, Червонный Кржиж и Сернетка, и в то же время 59-я пех. бригада немцев возобновила наступление со стороны д. Фронцки. „Противник упорно держался", пишут немцы. „Только в ночь с 17-го на 18-е февраля, после того, как корпус генерала Марвица (XXXVIII-й), выдвинув части 76-й рез. дивизии, начал наступление с северо-запада от Сувалок, противник очистил позиции и отошел на юг" [1].

Пока происходил арьергардный бой 4/17-го февраля у д. Махарце, 31-я пех. дивизия XXI-го герм. корпуса растянулась по восточной окраине Августовских лесов от п. Сопоцкин до Голынки, выставив охранение к стороне Гродно. 77-я рез. дивизия XXXIX-го корпуса достигла Сейны, а 75-я рез. дивизия того же корпуса оставалась пока на дороге Сувалки—Августов. Схема № 6.

Все пути для XX-го арм. корпуса в направлении на запад германцами были надежно закрыты.

От бокового отряда Чижова, который, судя по расчету времени, должен был достигнуть противоположных юго-восточных выходов из лесов, лишь во вторую половину дня 4/17-го февраля было получено донесение, что, пройдя через д. Глембокий Брод, отряд, переправившись через Августовский канал у д. Микашевка, направляется на д. Грушки. За все время, начиная с выхода отряда из Сувалок, известно только это единственное донесение.

Прочие части XX-го арм. корпуса, следовавшие также на д. Микашевку, поздно ночью 4/17-го февраля подошли к последней, имея авангард (два батальона) перед д. Тартак, занятой противником. Схема № 9.

Чижов, как известно, еще в 18 часов 3/16-го февраля достигший дер. Грушки, 4/17-го февраля утром, продолжая движение, получил от высланной разведки донесение, что все дороги к Липску находятся в руках немцев и что еще накануне ночью противник разрушил мосты у д.д. Марковцы,

---

[1]) Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Erster Heft.

Волкуш и у фольв. Млынек. После полудня шедший в голове отряда 114-й пех. полк подошел к д. Волкуш и, оставив рабочих для исправления моста, к 15 ч. 30 м. занял д. Богатырия (сев.), откуда повел наступление на д. Богатыри (южн.), но последняя оказалась настолько сильно занятой, что, несмотря на предпринятый обход ее в направлении на д. Бартники, атака не удалась.

Во время боя было установлено, что д. д. Старжинцы, Бартники и Богатыри заняты двумя батальонами германцев и что резервы их расположены у д. Голынка. Это были части 31-й пех. герм. дивизии, закончившей свое захождение и растянувшейся от Сопоцкина до Голынки.

Попытка атаковать с наступлением темноты также не удалась, так как немцы заметили приготовления к атаке, и отряд на ночь отошел на северный берег р. Волкуш, оставив в д. Богатыри (сев.) охраняющие части.

В ночь на 5/18-е февраля мост через реку Волкуш у деревни того же названия был построен, и отряд Чижова занял эту переправу 114-м пех. полком, имея сторожевое охранение от фольв. Млынек через д. Богатыри (сев.) по дер. Солоевщизна.

Обо всем, что происходило в отряде Чижова, командующему корпусом известно не было; можно предположить, что не было известно и местонахождение отряда; между тем, уже к вечеру 4/17-го февраля этот отряд уже обеспечивал XX-й арм. корпус не слева, с севера, а очутился с другой стороны—южнее.

Ночь с 4/17-го на 5/18-е февраля штаб XX-го арм. корпуса провел в д. Микашевка, имея главные силы своим авангардом у д. Тартак, занятой противником. Является совершенно непонятным, как случилось, что корпус, следуя по дороге, по которой недавно прошел отряд Чижова, не имел с последним связи и не позаботился о таковой. При штабе корпуса, как мы уже упоминали, имелся 4-й Сибирский каз. полк в четырехсотенном составе; можно было бы двинуть его в догонку Чижову, тогда Булгаков своевременно получил бы полные сведения о занятии немцами всех путей, выводящих на Сопоцкин—Липск, и XX-й арм. корпус мог бы свернуть из д. Микашевка на дер. Грушки и далее следовать на Липское шоссе в затылок XXVI-му арм. корпусу.

Надо полагать, что, не зная, в каких силах немцы преградили корпусу дороги, Булгаков, продолжая движение на Сопоцкин, приказал 108-му пех. Саратовскому полку обогнать колонну корпуса и совместно с батареями 27-й арт. бригады атаковать немцев, занимающих дер. Тартак.

Таким образом, в ночь с 4/17-го на 5/18-е февраля части XX-го арм. корпуса были расположены в двух группах: Чижова—в районе д. Волкуш и главные силы—на дороге д. д. Микашевка—Тартак.

О XXVI-м арм. и III-м Сиб. корпусах за день 4/17-го февраля можно было с уверенностью сказать, что кризис для них прошел благополучно, хотя XXVI-му арм. корпусу пришлось принимать для этого чрезвычайные меры.

Около полуночи с 3/16-го на 4/17-е февраля, как уже было сказано, к перекрестку дорог, что южнее д. Саенек, прибыл командующий 64-й пех. дивизией Жданко. Толпы солдат 84-й пех. дивизии непрерывно шли по обочинам дороги, на которой вытянулся 253-й пех. Перекопский полк. Большое количество проходящих солдат 335-го пех. Анапского полка вызывало опасение, что этот полк раньше времени отошел от перешейка, порученного его охране, и тем поставил в тяжелое положение 256-й пех. Елисаветградский полк, который в это время вел бой с наседавшим на него с севера противником.

Утомление людей достигло крайних пределов; шел то снег, то дождь, нельзя было даже присесть, так как повсюду образовались огромные лужи воды. Люди 64-й пех. дивизии, истомленные беспрерывным напряжением предшествующих дней, в мокрой одежде стояли, прислонившись к деревьям, и засыпали. Огромных усилий стоило поддерживать среди них порядок, но двинуться дальше было нельзя, так как не подошли еще другие части дивизии.

Около $2^1/_2$ часов ночи 4/17-го февраля стало известно, что Липск, на который шел путь отхода корпуса, занят уже немцами и что Российский, не доходя до Липска, свернул в сторону, но куда—неизвестно. Старший начальник в корпусе, Жданко, решил пробиваться на Липск, а пока оставаться на перекрестке и ожидать прохода всех частей своей дивизии. **Схема № 8.**

Около 3 часов ночи сюда прибыл командир бригады 84-й пех. дивизии Есаулов, сообщивший, что в панике, происшедшей возле казарм в Августове, потеряно две батареи [1]). С Есауловым прибыли еще некоторые части его бригады. В виду того, что 64-я пех. дивизия подошла еще не вся, решено было пропустить вперед с Есауловым всю 84-ю пех. дивизию.

Только в 6 часов утра 4/17-го февраля 64-я пех. дивизия получила возможность двинуться. К этому же времени к переправам у д. Саенек и у жел.-дорожного моста отошел 256-й пех. Елисаветградский полк, сдерживая немцев, около 5 часов утра занявших Августов. Вследствие усталости людей, движение происходило чрезвычайно медленно.

Почти одновременно с началом движения 64-й пех. дивизии от находившегося впереди Есаулова было получено донесение, что пехота 84-й пех. дивизии разбрелась, и что, в виду известия о занятии противником Липска, он до $6^1/_2$ часов утра делает привал для приведения частей дивизии

---

[1]) О потере этих двух б-рей мы уже упоминали.

в порядок; командующего 84-й пех. дивизией нет и неизвестно, где он.

От посланного узнали, что Есаулов находится в будке шоссейного сторожа (единственная на шоссе Августов—Липск); туда поспешил Жданко со штабом 64-й пех. дивизии. Здесь из наличия старших начальников 64-й и 84-й пех. дивизий был образован военный совет, на котором по обсуждении сложившейся обстановки к исполнению было принято предложение старшего адъютанта 64-й пех. дивизии Коленковского, основанное на следующем: 1) утомление людей достигло крайности, с каждым часом люди приходят во все большее изнеможение, отсталых очень много, и они продолжают отставать в пути; 2) ожидать в непродолжительном времени данных от разведки, высланной на Липск, нельзя, а время дорого, так как противник сильно нажимал на арьергард—256-й пех. Елисаветградский полк; 3) атака Липска, в силу естественных условий местности, трудна, а, приняв во внимание, что противник, очевидно, занял нами же заблаговременно устроенную позицию фронтом на запад с проволочными сетями, рассчитывать на успех при настоящем состоянии войск ни в коем случае нельзя, а потому необходимо попытаться где-либо в другом месте перейти р. Бобр, но не теряя времени и в ближайшем месте.

Как старший из присутствовавших начальников, Жданко приказал идти на Штабин.

Движением на Штабин достигалось: 1) возможность отхода на свободную еще от противника переправу и 2) если III-й Сиб. стр. корпус ведет у этой переправы бой, то части XXVI-го арм. корпуса окажут ему помощь ударом с того фланга, который для III-го Сиб. корпуса наиболее угрожаем, так как его левый фланг надежно прикрывался болотистой долиной р. Нетты и Августовского канала.

84-я пех. дивизия была впереди; к ней выехал Есаулов; колонна же 64-й пех. дивизии свернула на лесную дорогу, ведущую к госп. дв. Ястржембна (сев.).

В пути около 12 часов дня была прочитана записка (без №) Козлова, адресованная Есаулову, о том, что отряд Российского перешел реку Бобр, следуя через Ястржембна на Нов. Каменна, и что части 84-й дивизии Козловым также сворачиваются на эту дорогу.

Узнав последнее, Жданко также свернул со Штабинского направления на эту ближайшую свободную переправу, и 64-я пех. дивизия вслед за 84-й пех. дивизией перешла на левый берег Бобра.

Утомление войск перешло всякие допустимые пределы; люди уже не шли, а буквально, шатаясь, плелись; только личный пример офицеров, следовавших на своих местах, понуждал делать их последние усилия.

Поздней ночью части 64-й пех. дивизии дошли до указанных им мест ночлегов, имея до одной трети наличных людей, вышедших из строя.

К утру 5/18-го февраля 64-я пех. дивизия расположилась в районе д.д. Гамулька, Кудрявщина, Бол. Зверинец, Ольша. Схема № 6.

Из частей 84-й пех. дивизии на-лицо был только 334-й пех. полк, расположившийся в м. Домброво; 6/19-го февраля утром в Домброво же стали стягиваться 335-й пех. полк и часть 333-го пех. полка, и лишь 7/20-го февраля штаб армии получил телеграмму от начальника штаба 84-й пех. дивизии, что командующий 84-й дивизией с 336-м пех. полком, частью 333-го пех. полка и 4-мя легкими батареями находится в Соколке.

III-й Сибирский стр. корпус начал отход так же, как и XXVI-й арм. корпус с вечера 3/16-го февраля, под прикрытием арьергарда у д. Белоборжеги. Около 7 часов утра к Штабину прибыли первые два полка 8-й Сиб. стрелк. дивизии, а за ними части 7-й Сиб. стр. дивизии; накануне ночью, туда же благополучно прошли все обозы и артиллерия, и к вечеру 4/17-го февраля весь корпус, закончив переправу через р. Бобр, в полном составе и со всею артиллерией расположился южнее Штабина.

Отряд Российского, который, как известно, свернул, не доходя Липска, на Груски и Ястржембну, утром 4/17-го февраля перешел р. Бобр и расположился на южном берегу последнего на фронте д.д. Крапивно—Шушалево против Липска.

Таким образом, за 4/17-е февраля корпуса армии, за исключением XX-го, вышли из предполагаемого немцами кольца. Только последний уперся своим авангардом в 31-ю дивизию германцев, загородившую ему дорогу на запад на п. Сопоцкин, куда он так упорно стремился.

Загородив фронт п. Сопоцкин—Голынка 31-й дивизией, немцы к вечеру 4/17-го февраля, преследуя по пятам отходящие части 10-й армии, в 7 часов утра 4/17-го февраля повели наступление со стороны Сопоцкина на передовую Гродненскую позицию у д. Скрыники, но были отбиты; это была демонстративная попытка и произведена она была силами всего около двух б-нов. Одновременно с этим, части 3-й кав-бригады, занявшие Липск, после своего прорыва через Августовский канал южнее гор. Августов, были усилены пехотой, и разъезды ее переправились даже на южный берег р. Бобра.

Так как окружение всей 10-й русской армии не удалось, а между тем положение южной границы Пруссии, прикрытой небольшими частями, внушало опасения, Гинденбург 4/17-го февраля разослал своим частям, новый план действий на будущее время и произвел перегруппировку

с целью не только, как пишут немцы, уничтожить 10-ю русскую армию, но и „добиться большего результата стратегического порядка“ [1]).

1. 2-я пех. дивизия XL-го рез. корпуса и 4-я кав. дивизия передавались из состава 8-й арм. в 10-ю армию.

2. 10-я армия Эйхгорна получала задачу преследовать русских до Немана.

3. 1/2 10-й ландв. дивизии, 1/2 1-й ландв. дивизии, 1/2 3-й резервной дивизии — передавались в состав новой 8-й армии Отто фон-Белова, в состав которой, кроме того, вошли все те войсковые соединения, которые раньше были выделены для прикрытия под командой фон-Шольца на восточно-прусскую южную границу, а именно: XX-й герм. корпус, 5-я пех. бригада, 1/2 10-й ландверн. дивизии, 11-я ландверная дивизия, 1/2 1-й ландв. дивизии, 1/2 3-й рез. дивизии, гарнизоны и пограничные части.

4. Вновь сформированная 8-я армия получила задачу форсировать укрепленную линию Бобр—Нарев на участке Ломжа—Визна—Осовец.

Необходимость новой группировки вызывалась также желанием поскорее и кратчайшим путем привести в порядок дивизии, которые разбрелись во время лесных боев.

Итак, 10-я герм. армия получила дальнейшую задачу—захватить остатки разбитой русской 10-й армии; на долю же 8-й германской армии выпала задача—прорвать *„русский крепостной фронт“* (дословно по Шварте) на р.р. Нареве и Бобре, в направлении на Белосток.

Схема № 6. Производя указанную перегруппировку, 10-я армия Эйхгорна продолжала двигаться за отходящими русскими корпусами.

На правом фланге 80-я германская резервн. дивизия и 4-я кав. дивизия были направлены на Штабин; 79-я рез. дивизия—на Краснобор, 2-я пех. дивизия—на соединение с 3-й кавбригадой, бывшей уже в Липске; в поддержку 31-й дивизии была дана 1-я кавдивизия, 77-я рез. дивизия подходила к восточной опушке Августовского леса у Копциово, 5-я гвард. бригада, попрежнему находясь у Симно совместно с ландверной дивизией Кенигсберга и Тильзитским отрядом, играла роль заслона в сторону Ковны и Олиты. 75-я, 76-я и 78-я резервные дивизии наступали от Августова в лесах.

Мероприятия командующего 10-й армии Сиверса в день 4/17-го февраля свелись к незначительным попыткам облегчить выход частей армии за р. Бобр. Был образован под командой начальника штаба XXVI-го арм. корпуса Добрышина слабый отряд, в составе трех б-нов 107-го пех. Троицкого полка и одного б-на 105-го пех. Оренбургского полка (эти части

[1]) Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Erster Heft.

прибыли из Ковно, так как до этого они были в III-м арм. корпусе еще со времени Ласденской операции), на который была возложена задача, присоединив к себе незначительный отряд, оборонявший до того Липскую переправу ($1^1/_2$ роты с 2 батареями), и подчиняя себе все подходящие части, не допустить противника от Липска к м. Домброво, обеспечивая тем войскам III-го Сиб. и XXVI-го арм. корпусов отход на позицию Домброво—Штабин.

4/17-го же февраля был отдан приказ по армии № 4. В этом приказе командующий армией указывал, что противник стремится обойти правый фланг и что под давлением его корпуса с боем отходят за реку Бобр на фронт Крапивно—Домураты. Очевидно, этот фронт обозначился в связи с совершившимся уже отходом отряда Российского, своим правым флангом занявшего Крапивно, и 8-й Сиб. див., части коей утром 4/17-го февраля прибыли в Домураты.

В дальнейшем этим приказом определялось: XXVI-му армейск. корпусу занять позицию на фронте от сел. Ягниты до д. Каменна, имея наблюдение до д. Рогачи; III-му Сиб. корпусу оборонять участок на фронте от д. Каменна до дер. Поддвуглы, имея охранение в районе д. Суховоля с высылкой разведки на д. Суховоля и Гониондз. Общий резерв составит прибывающий II-й арм. корпус Флуга и сосредоточивающийся в Соколке, и, наконец, начавший прибывать в Гродно XV-й арм. корпус.

Скрепил этот приказ уже не Будберг, а Шокоров, так как Будберг заболел на почве нервного переутомления.

В этом приказе ничего не говорится о XX-м арм. корпусе.

За день 4/17-го отряд Добрышина только собрался в районе м. Домброво, но ничего против немцев в целях облегчения выхода частей армии сделать не успел; между тем, сама собой напрашивалась задача овладения Липском, так как, очевидно, XX-й арм. корпус, следовавший левее XXVI-го, встретив упорное сопротивление преграждающего ему пути противника, несомненно, будет стремиться выйти где-либо южнее за Бобр; такими путями, конечно, могли служить ближайшие Липские переправы.

Итак, за день 4/17-го февраля два корпуса вырвались из тесного окружения; неизвестно было, что с XX-м арм. корпусом. Армия предпринимает слабые попытки помочь отходящим корпусам; попытки эти, запоздалые и с недостаточными силами, естественно, не могли достигнуть цели, да и было уже поздно; теперь же, если кому надо было помогать, так это XX-му арм. корпусу, но для этого командующий 10-й армии не располагал пока еще достаточными силами.

План германцев замкнуть свое окружение в окрестностях Августова не удался; после этой неудачи им уже не пришлось

говорить об окружении, и вот мы видим, что 4/17-го февраля Гинденбург уже говорит о преследовании и именно этим определяет задачи 10-й германской армии. Перейдя к преследованию своей 10-й армией, усиленной за счет 8-й армии, в направлении на Неман, Гинденбург тотчас же образовывает из частей 8-й армии и ранее бывших на южной границе Пруссии новую 8-ю армию для форсирования Нарева, за которым еще не успела закончить своего сосредоточения 12-я армия русских. Расчет отчасти был верен, но для осуществления его необходимо было иметь достаточные силы, но так как этого не было, то и попытки германцев в Белостокском направлении успехом не увенчались.

Русское командование учло возможные последствия поражения 10-й армии, и уже к Нареву в район севернее Ломжи подошел переданный в распоряжение фронта гвардейский корпус. Разгадкой плана немцев для русских отчасти послужило получение сведений от французского генерального штаба, к коих указывалось, что 31-я герм. дивизия, по приказу от 2/15-го февраля, должна двигаться на Гродно, с целью *прикрыть тыл и фланг* 8-й германской армии. „В виду изложенного, пишет в своем сообщении начальник штаба фронта в Ставку, 8-я армия может наступать не только в направлении на Гродно вслед за 10-й армией, но и на Ломжу—Остроленку“ [1]).

Учитывая это, командующий фронтом Рузский приказал намеченное сосредоточение корпусов 12-й армии производить уже не в районе Белостока, а в районе, откуда можно было бы наступать как в направлении Гродно—Липск, так и в направлении линии Ломжа—Остроленка. Впоследствии 12-я армия сосредоточилась в районе Малкин—Остроленка—Ломжа—Белосток.

Следя за действиями германских дивизий 4/17-го февраля, следует подчеркнуть активность 31-й герм. дивизии, занявшей Сопоцкин и тотчас же обозначившей наступление на Гродно, вызвавшее большие тревоги у русского командования и вместе с тем давшее преувеличенное представление о действовавших здесь германских силах.

Что касается управления дивизиями русской стороны, то на первом плане нужно поставить отчетливое управление своими частями командующего 64-й пех. дивизией Жданко, который ни на минуту не покидал своей дивизии, находясь все время на самых ответственных местах. Хотя 64-я пех. дивизия и понесла громадные потери, но эти потери нужно отнести за счет перенапряжения сил людей, ни одно орудие,

[1]) А. А. Свечин сообщает, что даже дважды зашифрование радиограммы без промедления разбирались башней Эйфеля и сообщались кому следует. Вообще неосторожностей радиотелеграфа было в минувшую войну много как с германской, так и с русской стороны.

ни один зарядный ящик не достался немцам. Вместе с тем Жданко чутко прислушивается к высказанным в самую тревожную минуту мнениям своих подчиненных и принимает предложение самого младшего из присутствующих на военном совете 4/17-го февраля лиц. Приняв предложение об отходе на Штабин, Жданко силой своего авторитета и власти проводит в жизнь этот план, возлагая на себя всю ответственность за его выполнение.

Нельзя того же сказать о командовании 84-й пех. дивизии, которое растерялось еще вечером 3/16-го февраля, следствием чего была полная дезорганизация дивизии и потеря двух батарей—местонахождение всех полков этой дивизии было полностью выяснено лишь 7/20-го февраля.

XX-й армейский корпус упорно стремится к осуществлению поставленной себе цели отхода по заранее твердо определенным дорогам, как бы закрывая глаза на складывающуюся обстановку, совершенно непонятна инертность штаба корпуса, не организовавшего разведки, хотя для этого имелись средства. Не установлена даже прочная связь с Чижовым, который, в свою очередь, также имеет лишь случайное сведение о местонахождении колонны главных сил корпуса. Все это может свидетельствовать об отсутствии работы как начальника штаба корпуса, так и прочих чинов штаба.

Обстановка в III-м Сиб. корпусе не дала фона, на котором могли бы выявиться те или иные стороны управления дивизиями, которые отошли в условиях ординарной обстановки.

ГЛАВА XI.

Группировка немцев к 5/18-му февраля. Заключение о действиях XX-го арм. корпуса. Обстановка по сведениям штаба 10-й армии к 4/17-му февраля. Сведения, полученные армией 5/18-го февраля. Принятие мер по обороне р. Неман. Сведения о XX-м арм. корпусе 7/20-го февраля. Попытка облегчить выход XX-го арм. корпуса 8/21-го февраля. Заключение.

Схема № 7.

К вечеру 5/18-го февраля немцы сгруппировали вокруг Августовского леса большую часть своих сил: 76-я рез. дивизия наступала от Августова, 42-я дивизия находилась в районе д.д. Пласка и Горчица, 77-я рез. дивизия прошла через м. Копциово и шла на Калеты, 31-я дивизия протянулась до пос. Липск, где находилась 3-я кав. бригада; сюда же к Липску была направлена 2-я пех. дивизия и 1-я кав. дивизия с севера. 79-я и 80-я рез. дивизии с частями 4-й кавал. дивизии заняли район Штабин — Красный Бор, и, наконец, 75-я рез. дивизия подошла через д. Груски к д. Ястржембна.

Таким образом, непосредственно против XX-го арм. корпуса было сосредоточено пять дивизий, имевших своей задачей его окружение. 78-я рез. дивизия была направлена в окрестности м. Сейны, где она вместе с 5-й гвард. бригабой и частями Кенигсбергской дивизии составила отряд под начальством командира XXXIX-го рез. корпуса Лауэнштейна для обеспечения со стороны Ковно и Олиты.

Схема № 9.

Булгаков с XX-м арм. корпусом решил атаковать д. Тартак, дабы расчистить путь на д. Рудавку; в то же время отряд Чижова, убедившись в тщетности своих усилий прорваться от д. Волкуш на д. Богатыри и далее на Бартники, остановился вечером 4/17-го февраля на ночлег у д. Волкуш. Энергично поведенное утром 5/18-го февраля наступление на д. Тартак 108-го пех. Саратовского полка, с орудиями, следовавшими в стрелковых цепях, имело полный успех. Противник был сбит как у д. Тартак, так и у дер. Рудавка, равно и со всех занимаемых им промежуточных позиций, но здесь были сравнительно слабые его силы. Совсем не то произошло, когда атакующие, следуя далее, подошли к шлюзу Волкушек. Здесь немцы, имея заранее подготовленную позицию, отлично маскированную густой растительностью, на командующих высотах расположили свою артиллерию и пулеметы.

116-й пех. Малоярославский полк, отправленный в обход через д. Грушки на д. Липины, успеха не имел.

До наступления темноты против немцев у шлюза Волкушек велся упорный, чисто огневой бой, но опрокинуть немцев и пробить себе выход через это дефиле корпус не смог.

Штаб XX-го арм. корпуса, прибывший к этому времени в д. Микашевка, вынужден был вечером отойти в д. Грушки, так как противник атаковал Микашевку со стороны шлюза. Это были части 77-й герм. дивизии XXXIX-го корпуса.

При отходе штаба корпуса между д. Микашевка и д. Грушки был оставлен арьергард из частей 28-й пех. дивизии при одной батарее.

Когда к вечеру 5/18-го февраля выяснилось, что части XX-го арм. корпуса не смогут пробиться в Сопоцкинском направлении, решено было прорваться южнее между д. Марковцы и д. Богатыри, для чего левее дороги д. Богатыри—Голынка должны были вести наступление части 27-й пех. дивизии с ее артиллерией под руководством командира 108-го пех. полка Белолипецкого, а правее этой же дороги—части 29-й пех. дивизии с ее артиллерией под руководством командира бригады Чижова. Артиллерия прочих частей корпуса, за исключением арьергарда, составлявших под командой самого командира корпуса общий резерв, получила задачу содействовать прорыву своим огнем с северного берега р. Волкуш.

Для наведения мостов на р. Волкуш были посланы саперы, так как немцы уже успели уничтожить все имеющиеся здесь переправы. Однако, восстановить все переправы оказалось невозможно, и к утру 6/19-го февраля, кроме моста, накануне восстановленного у д. Волкуш, отрядом Чижова возобновлена была только одна переправа по полуразрушенному Марковскому мосту.

В 7 часов утра 6/19-го февраля началось наступление, не рассчитанное на скрытность и внезапность, так как противнику, видевшему принимавшиеся по наводке мостов меры, нетрудно было сосредоточить сюда большую часть своих сил, что он и сделал, заняв выгодные позиции, которые укрепил.

Перейдя через Марковский мост на южный берег р. Волкуш, части 27-й дивизии совместно с дивизионом 27-й арт. бригады перестроились здесь в боевой порядок для атаки д. Марковцы, батареи же 28-й и 53-й арт. бригад, оставленные на северном берегу р. Волкуш, принуждены были занять очень невыгодные, хорошо видимые противнику позиции.

К полудню цепи левого боевого участка—Белолипецкого стали подходить к д. Марковцы, зажженной артиллерией атакующих, которая вскоре, однако, вынуждена была под огнем противника, вследствие невыгодных позиций, замолчать.

На правом боевом участке Чижова в течение ночи с 5/18-го на 6/19-е февраля 209-й пех. полк, сменив в дер. Богатыри

(сев.) 114-й пех. полк, получил задачу атаковать дер. Богатыри (южн.). Прочие полки: 113-й и 116-й выйдя из д. Богатыри (сев.) и выставив заслон к д. Старожинцы, должны были захватить командующие высоты в районе дер. Бартники и Голынка и выйти на шоссе у д. Копчаны, для чего они и развернулись, имея впереди 113-й пех. полк, на уступе справа позади—116-й, а в резерве—114-й, смененный 209-м пех. полком.

Перейдя через р. Голынку, 116-й пех. полк повел атаку на высоты севернее д. Копчаны. 113-й пех. полк, несмотря на сильный фланговый ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь с северо-востока, ворвался в деревню Бартники, а после полудня взял и высоту южнее д. Бартники. 114-й пех. полк занял высоты восточнее дер. Бартники.

209-й пех. полк, овладевший было сначала д. Богатыри (южн.), вскоре контр-атакой противника был оттуда выбит, благодаря чему занявший Бартники 113-й пех. полк оказался в слишком выдвинутом положении, а идущий в резерве 114-й пех. полк попал под пулеметный огонь из д. Богатыри (южные).

Не обращая внимания на свое выдвинутое положение, 113-й пех. полк при поддержке батальона из резерва стал продолжать свое наступление на д. Копчаны. Атаки 116-го пех. полка, наступавшего на правом фланге, в конечном счете успеха не имели, хотя дер. Старожинцы, против которой наступал полк, была занята всего двумя батальонами, так как полк был взят во фланг пулеметным огнем из вновь занятой немцами д. Богатыри (южные).

Несмотря на это, батальоны 116-го пех. полка успешно теснили здесь противника, и он выкинул белый флаг. Когда один из батальонов полка стал приближаться, чтобы принять сдающихся в плен, он, в свою очередь, был окружен противником и взят в плен. Одновременно с этим был смертельно ранен командир полка Вицнуда. Направленные в поддержку две роты 114-го пех. полка дела не поправили. Около 14 час. 116-й пех. полк был в полном отступлении, открывая своим отходом правый фланг 113-го полка и давая возможность противнику вести наступление на ф. Млынек и на дер. Волкуш, что заставило Чижова отдать приказание отойти, и 113-й и 114-й полки снова собрались в д. Богатыри (сев.).

На участке 27-й пех. дивизии, благодаря слабости частей, атака была немцами отбита, при чем полки понесли тяжелые потери.

С наступлением темноты германцы отошли к дер. Старожинцы, очистив высоту 70,1, которую занял 113-й пех. полк при своем отходе из д. Бартники.

Неудачу, постигшую эту операцию на прорыв, можно объяснить разбросанностью и несогласованностью действий правого и левого боевых участков, непринятием мер по

наблюдению и охране своих флангов 116-м пех. полком, бездействием остальных частей 28-й и 53-й пех. дивизий, которые, составляя общий резерв, не были своевременно использованы, и, наконец, полным отсутствием маневра, соединенного с прямолинейным движением на прорыв, тогда как можно было пытаться одновременно с прорывом взять противника во фланг со стороны Рубцово или ф. Млынек.

К вечеру к этой неудаче присоединилось известие, что в парках не осталось ни орудийных, ни ружейных патронов. С перевязочным материалом тоже было худо, так как большая часть лазаретов и перевязочных отрядов попала в плен германцам еще раньше при отходе. Это обстоятельство заставило передать обратно немцам их раненых, взятых корпусом в плен в предшествующих боях.

Позже вечером было получено тревожное извещение, что арьергард, занявший было позицию между д.д. Грушки и Микашевка, оттеснен от д. Грушки. О том, что делается в ближайшем тылу на севере в районе Августовского канала,— сведений не было.

Опасение по поводу тыла выдвинуло заботу о безопасности его с возложением на начальника штаба 27-й пех. дивизии Дрейера обязанности принять зависящие меры.

Разведкой было выяснено, что д.д. Рудавка, Грушки и Микашевка заняты противником, у шлюза Волкушек попрежнему находилась рота 106-го пех. полка. Данные разведки начальником штаба 27-й пех. дивизии были доложены командиру корпуса с предложением принятия следующих мер: 1) создать новый арьергард; 2) выслать интенсивную пехотную разведку на северо-запад, север и северо-восток и 3) очистить большую поляну у ф. Липины, сплошь загруженную обозами и парками. Согласившись с соображениями Дрейера, командир корпуса назначил последнего начальником арьергарда, в состав которого вошли роты 110-го, 112-го, 210-го пех. полков, всего 18 рот и два дивизиона 28-й и 53-й артиллер. бригад.

Одновременно, по просьбе начальника арьергарда Дрейера, в виду возможности обстрела фольварка Липины, командир корпуса, а с ним весь его штаб и все начальствующие лица, кроме ген. Чижова, как командующего войсками правого участка у дер. Волкуш, из ф. Липины, где до этого времени был расположен штаб корпуса, выехали прямо на юг и расположились в лесу, примерно, на полупути между ф. Липины и д. Волкуш.

К 14 час. 7/20-го февраля арьергард занял свое место, имея передовые части южнее д.д. Волкушек, Рудавка и Грушки; главные силы—на позиции от дороги на д. Марковцы; далее севернее и северо-западнее д. Липины артиллерия расположилась в двух группах в районе фольв. Липины и ф. Лю-

Схема № 9.

биново; в резерве—один батальон в лесу южнее фольв. Липины.

Прочие части корпуса с утра 7/20-го февраля под руководством Чижова и Белолипецкого продолжали атаку противника каждый на своем участке, но никаких благоприятных результатов до самого вечера они не достигли.

Между тем, около 15 часов немцы потеснили передовые роты арьергарда у д. Рудавка и около 17 часов стали выходить на опушку леса, что северо-западнее Липинской поляны, ведя наступление на главную позицию арьергарда. Однако, к 19 часам эта атака была отбита, для поднятия духа обороняющихся одна батарея была разбита по-орудийно и поставлена в окопы между стрелками.

Дальнейшие повторные атаки немцев были неизменно отражаемы.

Пока происходили эти бои в арьергарде, командиром корпуса было принято последнее окончательное решение, на прорыв: в ночь с 7/20-го на 8/21-е февраля в 24 часа пехоте корпуса под начальством Чижова одной общей колонной—двинуться через ф. Млынек на д.д. Жабицке, Курьянку и далее на Гродно. За этой колонной—двигаться всей артиллерии с парками. Арьергарду—держаться на позиции у ф. Липины до тех пор, пока через мост у ф. Млынек не пройдет колонна артиллерии.

Для осуществления этого арьергард Дрейера должен был удерживать немцев, пока колонна главных сил не пройдет у ф. Млынек. В авангард назначались 113-й, 114-й и 115-й пех. полки под начальством Чижова. Голова колонны авангарда, пройдя мост у фольв. Млынек, в 24 часа должна была следовать по дороге на д.д. Жабицке, Курьянка и далее—по шоссе на Гродну. В состав главных сил назначались части 27-й и 53-й пех. дивизий со 116-м пех. полком. Артиллерия шла в хвосте колонны главных сил под прикрытием 112-го пех. полка. Патронные двуколки, лазаретные линейки и походные кухни направлялись за парками, прочие повозки приказано было бросить. В случае встречи с противником—атаковать молча, без выстрелов, без обычных криков „ура".

Приказ, о котором мы только что говорили, датирован 19 час. 7/20-го февраля; некоторые части получили его поздно, в то время, когда голова колонны должна была уже занять исходное положение.

Голова авангарда прошла мост у ф. Млынек в 24 часа с проводником. 114-й пех. Новоторжский полк свободно достиг д. Жабицке, где, встретив слабое сопротивление, обошел противника и вышел на шоссе между Липском и д. Курьянка. По пути движения полка противник сигнализировал, и, очевидно, немцы подняли тревогу, но не знали, в каком направлении следует им предпринимать меры.

Около 7 часов 30 мин. утра 8/21-го февраля 114-й пех. полк достиг д. Рогожин и, следуя далее на д. Конюшки под огнем неприятельской артиллерии, переправился через р. Бобр. Утром 9/22-го февраля этот полк прибыл в Гродно.

113-й пех. полк, оторвавшись у д. Рогожин от 114-го полка, направился через госп. дв. Лабно на д.д. Панарлица, Хоружовцы и через промежутки между д.д. Богатыри и Лабно-Огородники также прошел в Гродно, куда и прибыл в 23 ч. 30 м. в тот же день.

115-й пех. Вяземский полк должен был следовать в хвосте авангарда, но, опоздав к мосту у ф. Млынек, остановился. Чижов, считая, что весь авангард впереди, направляясь к авангарду, заблудился и попал на дорогу на д. Старожинцы, где был обстрелян германцами. Вернувшись обратно к ф. Млынек, Чижов, очевидно, по ошибке направил 115-й пех. полк также на д. Старожинцы, а вслед за ним послал столпившуюся здесь артиллерию.

Стало рассветать, направленная не по тому пути пехота уже вступила в бой. 115-й пех. полк пошел в атаку на д. Старожинцы и взял первую линию окопов, но, атакуя вторую, попал под фланговый огонь со стороны противника и в повторных атаках растаял.

Батареи, занимавшие открытые позиции, жертвовали собой, неся колоссальные потери. Израсходовав имевшийся запас патронов, уцелевшая прислуга стала портить сохранившиеся еще орудия и, разбившись на мелкия группы,— уходить.

К 8 час. утра 8/21-го февраля головной полк главных сил XX-го арм. корпуса (108-й), пройдя мост у ф. Млынек, сразу попал под огонь противника. Части 27-й пех. дивизии под командой Белолипецкого повели атаку в юго-западном направлении. Три батареи 27-й арт. бригады в самом скором времени были уничтожены, и части Белолипецкого рассеялись. 53-я пех. дивизия, следовавшая от ф. Млынек на юг за впереди идущими, также пришла в беспорядок.

Около $9^1/_2$ часов утра на тыл корпуса повели наступление со стороны Рубцово части подошедшей сюда 76-й рез. герм. дивизии. В это время у ф. Млынек и на мосту столпились все, тщетно ища выхода. В 10 часов утра 8/21-го февраля с главными силами XX-го арм. корпуса тут было покончено; здесь взяты были в плен командир корпуса Булгаков со штабом и прочими начальствующими лицами.

Оставалось только решить судьбу арьергарда, для которого обстановка была также безвыходна.

Еще на рассвете части 42-й герм. дивизии стали постепенно оттеснять арьергард на сближение с главными силами корпуса. Начальник арьергарда не имел сведений о том, что происходило у ф. Млынек.

Одновременно 31-я герм. дивизия начала наступление на Марковский мост с юго-востока; попутно с этим, части 77-й рез. дивизии переправились через р. Волкушек и двинулись на ф. Любиново, а части 76-й рез. дивизии развернулись со стороны д. Рубцово.

Около 7 часов утра к месту расположения батарей арьергарда стали подходить отступающие пехотные части арьергарда, которые тотчас же направлялись против наступающей здесь 76-й рез. герм. дивизии.

Положение на мосту у ф. Млынек, как мы говорили, в это время оказалось уже самым безотрадным: длиннейшая колонна, видимо, была остановлена где-то впереди, и гать запружена повозками; движение остановилось — произошла полная закупорка. Было очевидно, что хвосту этой колонны—нескольким батареям и паркам—через мост перейти не суждено, а следовательно, и для арьергарда путь отхода закрыт.

Противник с севера не очень нажимал, но зато с флангов он нацелился на батареи. Почти до 11—12 часов здесь происходила чисто артиллерийская оборона — на картечь против наступавшего противника. Расстреляв все орудийные патроны и сделав еще одну попытку пробиться, обойдя правый фланг 76-й германской дивизии, после получасового шквального огня со стороны немцев, арьергард около 14 часов перестал существовать.

Итак, с XX-м арм. корпусом было покончено 8/21-го февраля.

Рассматривая весь период операции XX-го арм. корпуса за 5/18-е, 6/19-е, 7/20-е и 8/21-е февраля, нужно сказать, что корпус в лице его командира сам уготовил себе такую участь. Может быть, тут было виной слепое повиновение указаниям армии, которые были преподаны в последние минуты до порыва связи с армией; может быть, тут имело место желание обеспечить во что бы то ни стало и сохранить XXVI-й арм. корпус, следовавший, в свое время, правее XX-го,—все это может быть только в области предположений.

Но то, что реально корпус мог избегнуть такой участи,—все это не подлежит никакому сомнению.

Если действия бокового авангарда ген. Чижова, сами по себе, заслуживают одобрения, то нельзя сказать, чтобы они сыграли свою роль, открыв глаза корпусу на то, что его ожидает впереди. Отсутствие связи между главными силами и боковым авангардом свело все положительные результаты работы последнего на нет. Далее, отсутствие связи между XXVI-м и XX-м арм. корпусами имело своим следствием то, что командир XX-го арм. корпуса, может быть, заботился о прикрытии XXVI-го арм. корпуса даже тогда, когда он в нем фактически уже не нуждался, т.-е. после 4/17-го февраля, отошедши за р. Бобр. Знай командир XX-го арм. корпуса, что

роль его в отношении своего правого соседа уже выполнена, надо полагать, что самым благоразумным явилось бы продолжение отхода по путям XXVI-го арм. корпуса, следуя за последним, как то и указывалось последними указаниями штаба армии от 2/15-го февраля № 0160 — *„после отхода XXVI-го арм. корпуса Ваш левый фланг составит правый арьергард группы ген. Радкевича и будет отступать на пути XXVI-го пех. корпуса. Что касается Вашего правого фланга, то он можеш отходить на Махарце и далее; в крайнем случае, если бы противник помешал отходу на Махарце, то и правый фланг должен отступить за XXVI-м корпусом*".

Является сомнение, получил ли это указание Булгаков. Иначе не представляется никакой возможности объяснить то настойчивое его стремление к движению на д. Махарце и далее вдоль Августовского канала на Сопоцкин.

Может быть, сыграла свою роль, если первая телеграмма не была получена, последующая, говорившая о том, что „если противник будет наседать на отходящие войска и, в частности, на XXVI-й арм. корпус, то XX-й арм. корпус, прикрывающий отход его, должен выделить специальный арьергард, который потом уже отступит вслед за XXVI-м арм. корпусом; если же отход будет... происходить беспрепятственно, то арьергард этот от XX-го арм. корпуса должен отойти за своим, т.-е. XX-м арм. корпусом, так как желательно иметь колонну, следующую на Гибы, возможно сильнее на случай необходимости в дальнейшем отходить с боем".

Предыдущая телеграмма командующего армией говорит об отходе на Махарце и далее, а, в крайнем случае, даже и за XXVI-м арм. корпусом; последующая же определенно указывает о желании командующего армией иметь возможно большие силы в колонне, следующей на Гибы. Тут противоречия образа мыслей командующего корпусом, конечно, разгадать нельзя, но одно ясно, это то, что отсутствие связи как между корпусами, так и, в частности, XX-го арм. корпуса со своим боковым авангардом, который в конце превратился в часть, прикрывающую движение спереди, а в конце концов даже оказался на другом фланге главных сил, — сыграло главенствующую роль в этой катастрофе.

Если бы главные силы XX-го арм. корпуса даже в то время, когда они достигли Микашевки, а это было 4/17-го февраля, отсюда, получив сведения, что путь впереди закрыт, свернули круто на юг в направлении на д. Волкуш (6 вер. с.-з. Липск), оставя отряд Чижова прикрывать это движение с востока, то с большой долей вероятия можно предположить, что большинству частей корпуса, если не всему корпусу, удалось бы уйти. Этого не случилось. Кроме того, обращает на себя внимание инертность командования корпуса, оставшегося без руководства сверху. Между тем, этот корпус был

настолько силен, включал в себе такую потенциальную энергию, что при более энергичных и предприимчивых начальниках дело никогда не дошло бы до катастрофы. Эту мысль до некоторой степени могут подтвердить те факты, что всеми частями 27-й пех. дивизии командует командир 108-го Саратовского полка Белолипецкий, а не начальник дивизии, который вряд ли даже созерцает происходящее в его дивизии; частями 29-й пех. дивизии — бригадный командир, — где же был начальник дивизии ген. Розеншильд? Наконец, совершенно не видно работы начальника штаба корпуса, который как будто бы не существует. Все это производит впечатление самого отрицательного примера.

Отмечаются прекрасные действия Чижова и его авангарда; можно сказать, образцовы были действия Белолипецкого, и крайне непредусмотрительны — командира 116-го пех. полка Вицнуда, выразившиеся в отсутствии наблюдения за полем боя и флангами.

В общем, на ряду с выдающейся доблестью как начальников, так и рядовых солдат, уживалась пассивность, растерянность; может быть, это было причиной усталости.

Так или иначе — корпус погиб, а при других начальниках, надо полагать, корпус не только не погиб бы, а, наоборот, не дал бы немецкому командованию говорить о разгроме 10-й русской армии, о взятых 200 пушках и свыше 30.000 пленных.

Конечно, не малая доля вины в этом и штаба армии с командующим армией во главе, которые забрасывали корпуса массой распоряжений, подчас противоречащих и туманных; желание все разъяснить, может быть, и привело Булгакова к катастрофе, начальника штаба армии — к переутомлению, имевшему концом нервное расстройство.

Окружая остатки XX-го арм. корпуса в районе д.д. Волкуш, Липины, ф. Млынек, германцы полагали, что они имеют дело с большею частью сил русской 10-й армии, что заставило их привлечь сюда еще и 2-ю пех. дивизию.

Однако, на деле было не так: отошедшие XXVI-й арм. и III-й Сибирский корпуса армии приводили себя в порядок и размещались на южном берегу Бобра, постепенно занимая положение, указанное приказом по армии от 4/17-го февраля, и, начиная еще с 5/18-го февраля, уже предприняли ряд попыток к освобождению XX-го арм. корпуса.

Начальник штаба XXVI-го арм. корпуса Добрышин, с частями 28-й пех. дивизии (107-й пех., 105-й пех. полки), прибывшими из состава III-го арм. корпуса, пытался атаковать Липск, но это предприятие не удалось. Равно не удалась атака Российского в том же направлении.

Противник, в общем, в гродненском направлении вел себя пассивно, если не считать атаки незначительными силами

Гродненских верков; конница его, усиленная пехотой, продолжала держаться у Липска.

Вернемся немного назад, к тем дням, когда корпуса армии были в пути из Августова, т.-е. к 4/17-му февраля, для того, чтобы уяснить себе положение армейского командования в это тяжелое время.

Положение немцев, как оно рисовалось командованию 10-й русской армии, к исходу 4/17-го февраля было таково: перед Козлово-Рудской позицией попрежнему немецкие заставы и караулы. В районе Сопоцкина сосредоточиваются, повидимому, значительные силы, в том числе 31-я германская дивизия. В районе Августова идет бой, д. Копец (южнее Августова) занята противником, его же разъезды перешли р. Бобр даже восточнее Липска.

Общий фронт противника, по представлению штаба 10-й армии, определялся так: противником занята линия Липск—Сопоцкин—Горчица, озера севернее Августова и далее, предположительно,—д.д. Жарново, Копец; против Осовца действует от бригады до дивизии немцев. Силы противника на этом фронте исчислялись, кругло, до 6½ корпусов. Схема № 6.

Имея у себя на правом фланге растрепанный III-й арм. корпус и неизвестно где находившиеся остальные три корпуса, штаб армии был в полной неосведомленности относительно своих войск.

Лишь 5/18-го февраля в штабе армии стало известно, что 64-я пех. дивизия со всей своей артиллерией заняла вместе с частями 28-й дивизии (Российский) правый участок позиции Крапивно, Ново-Каменна, Штабин, что 7-я и 8-я Сибирские стр. дивизии, выйдя в полном составе и со всей артиллерией, заняли левый участок той же позиции, выставив от себя отряды в Сухо-Воля и Долистово, и что части 84-й пех. дивизии собрались в районе Янов—Соколка, где их временно подчинил себе командир II-го арм. корпуса Флуг.

В то же время штаб армии получил тревожные сведения, что в районе Друскеник и Свентоянск немцы будто бы переходят р. Неман по льду, перевозя даже орудия. Такая обстановка заставила всю конницу 10-й армии, получившую задачу двигаться на Сопоцкин, оставить в Гродно для наблюдения за р. Неманом, на участке от мест. Меречь до Гродно с ядром в д. Поречье, кроме того, по одному полку было направлено на ст. Марцинканцы, Ораны и в Олиту (каз. полк).

Вообще, вопрос о недопущении немцев за р. Неман серьезно встревожил командование 10-й армии. По тем сведениям, которыми штаб армии располагал относительно численности германских сил восточнее линии Осовец-Шмелененкен (6½ корпусов), такая операция немцев за р. Неманом не являлась маловероятной, тем более, что со стороны 10-й русской армии

им могли быть противопоставлены только два свежих корпуса, прибывающих в армию и могущих сосредоточиться: XV-й арм.—в районе Гродно и II-й—в районе Соколка лишь к 7/20-му февраля.

Пришлось подумать не только о прикрытии Немана конницей, но и занять наиболее важные переправы пехотой, в силу чего к 7/20-му февраля мы уже видим их занятыми, начиная от Ковно, где, кроме ополченских частей, вошли в гарнизон ее 73-я пех. дивизия, бригада 68-й пех. дивизии и отдельная бригада; в Олите сосредоточилась 56-я пех. дивизия с 225-м полком 57-й пех. дивизии; в м. Гожа, где обнаружилось наступление отряда немцев из 3-х родов войск и где находящийся отряд уже успел отойти на правый берег, был послан из состава XV-го арм. корпуса Муромский полк с двумя батареями. Все течение р. Немана от Ковно до Гродно наблюдается конницей. II-й арм. корпус распоряжением армии должен к 8/21-му февраля перейти в район севернее Гродно, а XV-й арм. к тому же времени—занять крепостные верки крепости Гродно; туда же в состав гарнизона вошла и 84-я пех. дивизия по сосредоточении всех ее частей.

На III-й Сиб. и XXVI-й арм. корпуса много рассчитывать пока еще не приходилось, так как эти корпуса приводили себя в порядок.

7/20-го февраля вечером штаб 10-й армии получил сведения, что XX-й арм. корпус весь собрался в районе д. Липины в лесу, что корпус окружен и просит оказать ему поддержку.

Командование 10-й армии считало XX-й арм. корпус уже погибшим, так как знало, что он окружен и лишен продовольствия.

Если попытки отрядов Добрышина и Российского окончились неудачей и Липск остался в руках у противника, то это можно было объяснить истощенностью частей отрядов. Теперь же к 7/20-му февр. на лицо были части двух свежих корпусов.

Схема № 10. Противник, по сведениям штаба 10-й армии, к 7/20-му февраля занимал фронт одной своей группой—д.д. Сопоцкин, Рыгаловка, другой—Липск, Ястржембна, Штабин.

Полученные сведения, что немцы ослабляют свои силы на фронте Липск, Ястржембна и Штабин, а также, что одна из дивизий XXI-го герм. корпуса, действующего на фронте Сопоцкин—Рыгаловка, ведет бой в Августовских лесах к западу от Сопоцкина, укрепляли предположение командующего 10-й русской армии, что бо́льшая часть сил немцев сосредоточена против отрезанного XX-го арм. корпуса.

В виду изложенного, Сиверс решает: XV-м арм. корпусом, сосредоточивающимся в Гродно, II-м арм. корпусом, сосредоточенным севернее Гродно, XXVI-м арм. и III-м Сиб. стр.

к-сами, находящимися на позиции от Рогачи через Шушалево, Каменна до Поддвуглы с отрядами у Сухо-Воля и Долистово, „с целью выручить своих геройски продолжающих борьбу товарищей XX-го арм. корпуса—выбить противника из района Сопоцкина и Липска", перейдя в общее наступление, для чего указал: трем полкам с 36 орудиями из состава сосредоточивающегося еще XV-го арм. корпуса выйти к 9 часам 8/21-го февраля на линию крепостного обвода от шоссе на Липск до д. Новоселки и наступать вдоль Липского шоссе, атаковав противника, занимающего Рыгаловку и далее Курьянку.

XXVI-му арм. корпусу, наступая в 11 час. утра на Ротожин, Курьянку, Липск, поддерживать связь с XV-м арм. корпусом, наступающим на Рыгаловку с востока.

II-му арм. корпусу развить удар вдоль Сопоцкинского шоссе на фронт Васарабы—ф. Витковщина, начав движение от сев.-зап. окраины Гродно в 10 час. утра.

Отряду Грузинцева (в составе 21-го пех. Муромского полка с приданными кав. частями) иметь целью удержание переправ у м. Гожа.

Коннице армии усилить разведку на фронте Копциово—Сопоцкин; крепостной артиллерии, по указаниям Флуга (ком. II-го корпуса) и Байова (ком. частями XV-го арм. корпуса), открыть с утра 8/21-го февраля огонь, главным образом, по д. Сельвановцы, высоте 100,3 и по д. Рыгаловка.

Однако, это наступление успеха не имело и, в общем, свелось к следующему: три полка XV-го арм. корпуса, выйдя на указанное им направление, в 9 ч. 40 мин. утра начали наступление от д. Тричи на фронт д.д. Рыгаловка, Панарлица и энергично атаковали д. Рыгаловка, но, обойденные со стороны д. Раковичи и обстрелянные огнем тяжелой артиллерии со стороны Копчаны, понесли большие потери и отошли на линию Гродненских фортов. Особенно пострадал при этой атаке 23-й пех. Низовский полк, понесший потери более 1000 человек при 19 офицерах.

Только в 6 ч. 55 мин. утра 8/21-го февр. был в XXVI-м арм. корпусе получен приказ о наступлении; во исполнение этого приказа между 8 ч. 20 мин. и 11 ч. 20 мин. утра были отданы распоряжения 64-й пех. дивизии—наступать от д. Дубасно на Пашковский мост, д.д. Хоружовцы, Рыгаловку, Курьянку, Липск, держа связь с левым флангом XV-го арм. корпуса. Частям Российского—наступать на фронте Рогожин—Липск с юга. Конечной целью ставилось частям корпуса овладение Липском во что бы то ни стало.

Головной полк 64-й пех. дивизии перешел было уже Пашковский мост, но дальше не продвинулся, так как у д. Панарлица его путь пересекали части XV-го арм. корпуса, наступавшие с востока. Дивизия развернуться не могла и

остановилась; действия же на левом фланге корпуса частей Российского свелись только к попыткам наступать от Шушалево на Ялово, отбитым огнем неприятеля.

III-й Сиб. корпус частями 8-й своей дивизии уже выбил немцев из д.д. Остров и Ястржембны-южной и вел подготовку для атаки Ястржембны-северной.

Отряд Грузинцева, вопреки полученной задаче, повел наступление от д. Гожа, но потерпел неудачу и, отойдя за р. Неман, взорвал за собой мост, преувеличенно донеся, что против него наступает целый корпус противника, что, конечно, в штабе армии вызвало тревогу.

Командующий армией, которому было известно, что с утра 8/21-го февраля к югу от Сопоцкина слышна сильная стрельба, естественно, считал, что это ведут бой на прорыв части XX-го арм. корпуса, а потому всемерно подталкивал войска вперед; но, как мы уже видели, на главном направлении они потерпели уже неудачу и частично стали отходить.

Вместе с тем, около 18 часов было получено донесение от Российского, что около 10 часов утра 8/21-го февраля у д. Богатыри XX-й арм. корпус уперся в передовые Гродненские позиции, занятые немцами, и, будучи окончательно стесненным, сдался в плен.

Сведения эти были получены через нескольких прорвавшихся казаков. Особой веры им не придали, так как ранее прорвавшиеся части 113-го и 114-го пех. полков принесли вести более утешительные, и около 19 часов Сиверс еще раз попробовал приложить все усилия для выручения XX-го арм. корпуса.

Но уже в 20 часов, исходя из того, что д. Рыгаловку взять не удалось, что части Грузинцева под натиском целого корпуса германцев [1]) отошли, а, по сведениям прорвавшихся из XX-го арм. корпуса казаков, этот корпус положил уже оружие, командующий армией приказал дальнейшее наступление приостановить.

Командир XXVI-го арм. корпуса протестовал, основываясь на том, что сведения, переданные казаками, могли быть ложными, но командующий армией велел ответить, что части XV-го арм. корпуса понесли большие потери на своем правом фланге и принуждены отказаться от наступления, и так как обнаружены большие силы противника против м. Гожа (донесение Грузинцева), то оставление войск на ночь впереди линии фортов он, командующий армией, считает рискованным, и сейчас II-й и XV-й арм. корпуса уже отходят назад; если обстоятельства позволят, добавляет Сиверс, то завтра

---

[1]) Донесения Грузинцева о том, что на Гожа наступают германцы в составе корпуса, как оказалось впоследствии, не соответствовали действительности.

наступление возобновится; до тех же пор надлежит укрепиться на занимаемых позициях, тем более, что и III-й Сиб. стр. корпус возвращает свои части, перешедшие сегодня на правый берег р. Бобра, обратно.

В итоге, действия свелись к возвращению всех войск в первоначальное положение, кроме 64-й пех. дивизии XXVI-го арм. корпуса, которая заняла и закрепилась своими передовыми частями у д. Панарлица.

Попытка оказать помощь XX-му арм. корпусу никаких результатов не дала. С одной стороны, они были запоздалыми, с другой—наступление велось частями XV-го и II-го арм. корпусов, совершенно неподготовленными в смысле разведки.

Начало общего наступления для выручки XX-го арм. к-са было назначено в 10 часов утра, но только части XV-го арм. корпуса смогли начать наступление во время; XXVI-й арм. корпус получил приказ только в 6 часов утра и закончил отдачу распоряжений в 11 ч. 20 мин. утра, вследствие чего получился разновременный удар. Пути наступления XXVI-го и XV-го арм. корпусов пересеклись, и 64-я пех. дивизия вынужденно бездействовала, достигнув д. Панарлица, хотя этого могло и не быть при достаточно внимательной разработке приказа армии № 7, чего не было при общей торопливости.

Наступление это немцы отразили, как они пишут, конными частями при поддержке 2-й пех. дивизии, т.-е. сравнительно незначительными силами.

Таким образом, небольшие немецкие части, проникшие в район между Августовскими лесами и Неманом, занявшие положение тылом к крепости Гродно, сыграли решающую роль в судьбе центра 10-й русской армии. Тут сказалась та высокая степень воспитания немецких начальников и войск, которые смогли сражаться, будучи поставленными в весьма тяжелое положение без всяких сообщений.

Этой попыткой Сиверса к освобождению XX-го арм. корпуса мы и закончим период „зимней операции в Вост. Пруссии“ и перейдем позже к оценке в смысле результатов ее для обеих сторон.

Еще 7/20-го февраля во время подготовки операции по освобождению XX-го арм. корпуса, в штаб 10-й армии поступили сведения, что в районе Симно-Красна сосредоточены большие силы немцев и что в направлении на Мариамполь и Кальварию ими выдвигается не менее двух корпусов. В виду изложенного, фронтом 10-й армии была поставлена задача удержать район Гродно, Штабин, Соколка для прикрытия фланга и сообщений остальных армий северо-западного фронта и, при малейшей возможности, в видах более надежного достижения той же цели, занять Сопоцкинские высоты;

12-й же армии было указано—впредь до окончания сосредоточения удерживать за собой течение Нарева.

После неудачного наступления 8/21-го февраля командующий 10-й армии Сиверс никаких новых мер для выручки XX-го арм. корпуса уже не предпринимал, так как по полученным сведениям последний сложил оружие.

Сведения о наступлении двух корпусов оказались ложными, возможность немедленной операции по занятию Сопоцкинских высот, благодаря предыдущим неудачам и понесенным потерям, была поставлена под сомнение.

Фронт согласился с доводами 10-й армии, и она осталась в занятом ею положении, залечивая свои раны вплоть до совместного наступления 10-й, 12-й и 1-й армий, которое началось 17/2-го марта и вывело 10-ю армию к 24/9-му марта в район Серее, Лоздзее, Сейны, Тартак, озера, что южнее Августова.

В. Общее заключение.

Подводя общие итоги описанной нами операции, остановимся прежде всего на планах сторон.

С самого начала можно было установить с несомненностью, что обе стороны задались весьма широкими наступательными предположениями. Если с русской стороны эти широкие замыслы возникли под давлением Антанты, то у ее противников это было насущной потребностью—расширить сжимающее их кольцо блокады и улучшить всемерно политическую обстановку и экономические возможности, что особенно важно было для гегемона центральных держав—Германии.

Однако, нужно сказать, что и одна, и другая сторона проявили некоторые колебания. У немцев это выразилось в вынужденных уступках Фалькенгайна Гинденбургу—Людендорфу, у русских—в закрывании глаз на предполагаемые операции юго-западным фронтом.

Недостаточность сил 10-й и 8-й немецких армий должна была быть по плану возмещена путем переброски частей с демонстрирующего фронта, способ—ненадежный. Это привело к тому, что широко поставленные цели первого этапа общего плана центральных держав на 1915-й год операции в Вост. Пруссии получили только частичное осуществление.

Людендорф задался целью разгрома армии Сиверса и форсирования р. Бобр на участке, примерно, Гродно—Белосток. Цель эта превышала имеющиеся средства. Несмотря на благоприятный для немцев ход событий, центральный русский XX-й арм. корпус, окруженный в Августовских лесах, заставил германцев потерять около 10 суток. Русские использовали это время для сосредоточения достаточных подкреплений. В то же время болота Бобра начали оттаивать, сосредоточенные в безлюдном районе в еще суровое время года немецкие войска сильно страдали, так как их сообщения работали неудовлетворительно. Начатая 12-й русской армией операция стала для немцев складываться неудачно, им сюда пришлось подбрасывать все подкрепления. Нужно было отказаться от первоначально поставленной цели. Невыгодность расположения перед Бобром и Неманом сказывалась, благодаря на-

личию заблаговременной подготовки русскими театра, вследствие этих причин, немецкие войска были оттянуты на линию Августов—Сувалки. Отметим крайне невыгодную сторону такого вынужденного сокращения объема операции: не только важная промежуточная цель оказывается недостигнутой, но неудача первой попытки крайне осложняет ее повторение. Усталые германские войска увидели по линии Осовец—Гродно недоступную преграду: по всей линии Бобра немцам чудились бетонные укрепления [1]). Все же следует признать, что операция в Вост. Пруссии представляет собой со стороны немцев ярко выявленный план действий.

Русские в своих оперативных предположениях на 1915 год, правильно поставив себе, при намечаемом ударе на Берлин, первоначальной целью овладение Восточной Пруссией, находились в трудных условиях в смысле состояния обеспеченности и вытекающей отсюда неготовности своих войск к операциям крупного масштаба.

Создается впечатление, что совместная операция 10-й и 12-й русских армий предпринимается только во избежание потери времени, с целью подготовить обеспеченное со стороны В. Пруссии исходное положение для прямого движения на Берлин. Повидимому, это же послужило причиной слишком неторопливого сосредоточения 12-й армии, а вместе с тем и постановки задач, растянутых во времени, без определенно выраженных целей, не точно оформленных, а очерченных в неясных расплывчатых контурах.

Отличная осведомленность немцев, густая железно-дорожная сеть дали им возможность развить свои действия раньше русских и сорвать план последних.

Нужно все же сказать, что и в плане немцев в Вост. Пруссии сказывается некоторая теоретичность. Рецептура Шлиффена сыграла здесь свою роль, но это были Шлиффеновские щипцы только по внешности, так как сил для проведения такого плана, по существу, у немцев было недостаточно. Идея, воспринятая в своей внешности, не дала немцам ожидаемых результатов, так точно, как не дала результатов в августе 1914 г. и привела к Марнской развязке.

В смысле обеспечения операции материальными средствами стороны резко различались. В то время, как русское командование мыслило таковое, как доведение частей до штатного состава и снабжение огнеприпасами, немецкое командование считается со специфическими климатическими условиями края, в котором предстоит операция, и мы видим, что у них предусмотрены усиленные артиллерийские запряжки и замена колес полозьями, даже в артиллерии.

---

[1]) Свечин. Стратегия.

Наконец, немцы учитывают задачи, данные корпусам по их важности, и на свой ответственный левый фланг 10-й армии, который всегда мог попасть в тяжелое положение при ударе русских со стороны Немана, они назначают наиболее надежный, стойкий XXI-й корпус, уже зарекомендовавший себя с лучшей стороны на французском фронте. У русских, наоборот, правый фланг обеспечивается III-м арм. корпусом, главное ядро которого составляют второочередные дивизии; на крайнем левом фланге—тоже второочередная дивизия, между тем, как уже в осенних боях была достаточно выяснена сомнительная, за немногими исключениями, стойкость этих второочередных войсковых соединений.

Нарушение таких элементарных принципов, как назначение на ответственные места несоответствующих им частей, привело к обнажению обоих флангов 10-й русской армии и дало немцам сразу же возможность быстрого развития их маневра. Отсутствие резервов, невозможность накопления их при чрезмерно широком фронте, занимаемом 10-й русской армией при захвате немцами почина, лишило русское командование возможности маневра и привело к пассивному отбиванию ударов противника; если и возможны были какие-либо переброски, то они были совершены с целью подпереть пошатнувшееся положение на левом фланге.

Захваченная немцами инициатива неизменно имела своим следствием то, что распоряжения, отдаваемые Сиверсом, всегда являлись запоздалыми.

Здесь является вопрос общего порядка,—возможно ли вообще предупредить быстро развивающуюся операцию охвата противником флангов; нам кажется, что при отсутствии самодеятельности со стороны местных войсковых начальников это невозможно, так как все меры, принимаемые старшим начальником, явятся запоздалыми, вследствие иерархической лестницы подчинения, следуя по которой, донесения старшему начальнику обрисуют ту обстановку, которая в действительности отошла уже в прошлое. Нам кажется, что только наличие сильных резервов, которые необходимо должны быть созданы заблаговременно в предвидении возможности охвата или обхода, сможет парализовать волю противника путем проведения самостоятельной операции, имеющей целью вырвать почин, захваченный противником; в прочих случаях все дело сведется к наложению на угрожаемые места заплат импровизированными соединениями, постоянная слабость которых кроется в их импровизации [1]).

Обращаясь к действиям корпусов, мы можем установить большую самодеятельность немецких корпусных командиров,

---

[1]) „В этом отношении нельзя не приветствовать деятельности Алексеева летом 1915 года". (Мнение А. М. Зайончковского).

доходящую даже до дерзости, как, например, марш 31-й герм. пех. дивизии на Сейны—Сопоцкин—Липск и 42-й дивизии на Августов, нужно воспитывать начальников и войска, которые могли бы в критические минуты сражаться с возимым запасом, без всяких сообщений.

Вместе с тем, немецкий комкор не задумывается изменить, в целях достижения общего успеха, когда у него нет надежной страховки операции в целом, задачу, поставленную ранее, может быть, обещающую большой успех. Это было сделано Литцманом в боях под Лыком, вернувшим назад направленную в обход 80-ю рез. дивизию.

Если исключить действия командира III-го Сиб. корпуса Радкевича, которые до Августова, можно сказать, были образцовы,—поведение прочих командиров корпусов 10-й русской армии, в лучшем случае, бесцветно, как это было с Епанчиным, не дававшим себе отчета о действиях своего корпуса, с Гернгроссом и даже с тем же Радкевичем, покинувшими свои корпуса в самые тяжелые для них минуты в Августове. Не чувствуется сильной руки командира и в действиях Булгакова, слепо повинующегося указаниям свыше, не учитывая и не принимая мер к уяснению создающейся вокруг него обстановки. Только на левом фланге в III-м Сиб. корпусе мы видим чуткое отношение к развертывающимся событиям в лице командира корпуса и начальника штаба, который в тревожной обстановке лично объединяет прибывающие части и приостанавливает угрожающее течение развивающихся событий, но это—единственный светлый луч на фоне разыгравшейся бури. Приводим, как характеристику начальников 10-й армии, телеграмму Сиверса командирам корпусов III-го Сибирского и XXVI-го армейского: „Главком обращает внимание на то, что когда III-й Сибирский и XXVI-й армейский корпуса вели бой у Августова и в Августовских лесах, штабы этих корпусов и сами корпусные командиры отскочили от войск на 40—50 верст в тыл, а именно: III-го Сибирского корпуса в Сидру и XXVI-го—в Гродно, откуда, конечно, и не могло быть речи об управлении с их стороны вверенными им войсками. Главнокомандующий требует, чтобы каждый начальник находился в районе действий подчиненных ему войск в таком месте, откуда ему удобнее управлять частями, ему подчиненными, и приказал представить объяснения генерала Радкевича и Гернгросса о причинах, по которым эти корпусные командиры покинули свои корпуса и, в самые тяжелые минуты их действий, отошли от них. 1384. Сиверс [1]). Эта телеграмма, повидимому, явилась следствием следующего запроса Ставки, обращенного к фронтовому командованию: „Верховный главнокомандующий ожидает в кратчайший срок

[1]) В.-У. Архив. Дело № 467.

выяснения поведения в последние дни корпусных командиров и вообще начальства 10-й армии. Особенно обращает на себя внимание оставление войск ген. Епанчиным и Гернгроссом, повидимому, совершенно несоответствующими высокой должности, и т. д... 8126. Янушкевич" [1]). Из четырех корпусных командиров три покинули свои корпуса, четвертый попал в плен, хотя неоднократно мог этого избегнуть. Дальнейшие рассуждения о достоинствах и недостатках корпусных командиров 10-й армии излишни.

Энергично действует с немецкой стороны командир 31-й дивизии, атаковавший Гродненские верки. Действия остальных немецких дивизий по их согласованности не оставляют желать лучшего. Со стороны русских начальников дивизий мы видим перекладывание своих обязанностей на чужие плечи, как это было в XX-м арм. корпусе, и, наоборот, только согласованными действиями начальников дивизий III-го Сиб. и XXVI-го арм. корпусов — Жданко и Трофимова — дивизии этих корпусов, покинутые своими командирами корпусов, вышли из критического положения.

Что касается войсковых частей, то они сделали все, что было возможно в их силах. Совершенно исключительные условия погоды обставили всю операцию такими трудностями, что борьба с ними истощенным еще во время пребывания против укреплений Мазурской озерной линии русским войскам была не подсилу. Немцы пишут о технических трудностях, преодоленных их войсками за эту операцию, но не нужно упускать из вида, что это были свежие корпуса, окрыленные успехом с первых же шагов этой операции.

В общем, у немцев мы видим не отступающий от средней их нормы качественный уровень начальников, являющийся следствием широко прививаемого единства взглядов у командного состава и упорства в достижении поставленной цели.

Нередко, на ряду с выдающимися качествами русских начальников, мы отмечаем крайние противоположности. Проявляемые со стороны командования армией то самая заботливая опека, то предоставление полной самостоятельности не могли не отразиться губительно на ходе всей операции при разнородном качественном составе командования, неподготовленного к самодеятельности.

Можно сказать, что нарушение элементарных правил военного искусства, при первоначально широко растянутом кордонном расположении армии, вызванном Ласденской операцией, а также необходимостью живой силой возместить недостатки техники, послужило предпосылкой разразившейся над 10-й русской армией катастрофы. Последующие старания командующего армией выправить создавшееся положение

---

[1]) В.-У. Архив. Дело № 26.145.

путем управления войсками сверху результатов не дали и не могли дать, так как сведения, какими располагал штаб 10-й армии в момент отдачи каждого распоряжения, уже были запоздалыми, а потому и самые меры, предлагаемые войскам к исполнению, совершенно не соответствовали обстановке.

Таким образом, оперативная обстановка, в которой находилась 10-я русская армия, породила катастрофу, все предпосылки к которой имели благоприятную почву их развития, благодаря несоответственному подбору старших начальников в лице командиров корпусов и начальников дивизий. При таких условиях не может быть уверенности в том, что если бы во главе армии стояло лицо, более инициативное и не боящееся ответственности, чем Сиверс, то и события в 10-й армии повернулись бы для нее более благоприятно.

Какие же результаты дала эта операция обеим сторонам?

Для немцев надежды к осуществлению широко поставленных целей отодвинулись на неопределенное время, так как сил и средств на развитие первоначального успеха у них не хватило, и стратегические результаты не оправдали затраченных сил и средств.

Для русских в результате был срыв их оперативных предположений, самое начало выполнения которых было скомпрометировано.

В экономическом отношении немцы получили возможность уже весной 15 года засеять поля Восточной Пруссии, дававшие ежегодно, в общем, до 125 милл. пуд. злаков, свыше 500 т. беженцев вернулись на свою землю.

Эта же операция особенно дорого обошлась русским в смысле потерь материальной части, что было особенно чувствительно при общем недостатке таковой в русской армии.

Больше всего, надо полагать, выиграла Антанта в лице Франции и Англии, благодаря тому, что единственные резервы, бывшие внутри Германии к 1915 году, были основательно прикреплены к русскому фронту и возможность переброски германских войск на их фронт на ближайшее будущее отпала.

Источники,

послужившие при составлении этой книги.

1. Дела Ставки. По описи В.-У. А. дела №№ 466 и 467.
2. Оперативные и разведыв. сводки с.-з. фронта. По описи В.-У. А. дело № 136.
3. Сводки сведений о противнике штаба Верховн. главнокомандующего. По описи В.-У. А. дело № 88—014.
4. Журнал военных действий XXVI-го арм. к-са. По описи В.-У. А. дело № 26.052.
5. Доклад о причинах расстройства, в которое пришел III-й арм. к-с при отходе в Ковно, и донесение к-ра III-го арм. к-са Коменданту Ковенской крепости. По описи В.-У. А. дело № 372.
6. Описание боевых действий 64-й пех. дивизии. По описи В.-У. А. дело № 26.147.
7. Директивы и приказы 10-й армии. По описи В.-У. А. дело № 161.103.
8. Дела XXVI-го арм. к-са. По описи В.-У. А. дела №№ 26.143, 26.145, 26.146.
9. Карты 10-верстные. По описи В.-У. А. дела №№ 122.425—122.436.
10. Доклад о действиях 27-й пех. дивизии капитана Шафаловича и реляция о действиях 27-й пех. дивизии полковника Дрейера. Документы предоставлены тов. Шафаловичем Ф. П.
11. М. П. Каменский. Гибель XX-го корпуса.
12. А. Зайончковский. Мировая война.
13. А. Незнамов. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. Часть 3.
14. Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. Erster Heft.
15. Hermann Stegemans. Geschichte des Krieges. Zweiter Band.
16. Immanuel. Weltkrieg 1914—1918.
17. Ferster. Graf Schliffen in dem Weltkriege.
18. Helfferich. I Band. Der Weltkrieg.
19. Général Camon. La stratégie de Ludendorff sur le front Russe. Revue militaire générale. 1923 г.

20. Ганс ф. Редерн. Зимняя операция в районе Мазурских озер. С нем.
21. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1818 г.г. Т. I. С нем.
22. Фалькенгайн. Верховное командование. С нем.
23. Отто ф. Мозер. Краткий стратегич. обзор Мировой войны. С нем.
24. Риттер. Критика мировой войны. С нем.
25. А. Свечин. Стратегия. 1926.

Схема № 1
Положение сторон в январе 1915 года
Условные обозначения:
Расположение немцев по сведениям русских
Расположение 10 и 8 германск. арм. перед ударом
Направление ударов 10 и 8 герман. армии
Тыловые рубежи русских на случай отхода
Шоссе (только)
Госграница
Отряд Апухтина
Тильзит отр.
Тильзит
Штаденинкен
Отр. Бискупского
Инстербург
Гумбинен
Ковна
Владиславов
Сувалки
Гродна
Августов
Осовец
Ломжа
Остроленка
Млава
Нейденбург
Сольдау
Ортельсбург
Найденбург
Пассенгейм
Ангерапп
Гольдап
Пилькаллен
Эйдткунен
Шталлупенен
Пилькаллен
Шиллупенен
Дубиссен
Ширвиндт
Кибартай
Вержболово
Столупенен
Эбенрода
Пилькишкен
Пилькишки
Кальвария
Вилькавишки
Ширвинты
Мариамполь
Ольшанка
Сопоцкин
Липово
Остроленка
Пшасныш
Ленарт
Ленартовец
Ленартовские высоты
Ленартовский лес
Ленартовский перевал
Ленартовская позиция
Ленартовская группа
Ленартовский участок
Ленартовский район
Ленартовский фронт
Ленартовский плацдарм
Ленартовский мост
Ленартовский форт
Ленартовский редут
Ленартовский люнет
Ленартовский ретраншемент
Ленартовский вал
Ленартовский ров
Ленартовский бруствер
Ленартовский эскарп
Ленартовский контрэскарп
Ленартовский банкет
Ленартовский бермы
Ленартовский откос
Ленартовский гласис
Ленартовский парапет
Ленартовский траверс
Ленартовский блиндаж
Ленартовский каземат
Ленартовский пороховой погреб
Ленартовский артиллерийский парк
Ленартовский инженерный парк
Ленартовский обозный парк
Ленартовский санитарный парк
Ленартовский ветеринарный парк
Ленартовский интендантский парк
Ленартовский комендантский парк
Ленартовский штабной парк
Ленартовский полевой парк
Ленартовский осадный парк
Ленартовский крепостной парк
Ленартовский гарнизонный парк
Ленартовский резервный парк
Ленартовский запасный парк
Ленартовский мобилизационный парк
Ленартовский демобилизационный парк
Ленартовский эвакуационный парк
Ленартовский госпитальный парк
Ленартовский аптечный парк
Ленартовский ветеринарный парк
Ленартовский конный парк
Ленартовский автомобильный парк
Ленартовский авиационный парк
Ленартовский воздушный парк
Ленартовский морской парк
Ленартовский речной парк
Ленартовский озерный парк
Ленартовский болотный парк
Ленартовский лесной парк
Ленартовский степной парк
Ленартовский горный парк
Ленартовский пустынный парк
Ленартовский тундровый парк
Ленартовский полярный парк
Ленартовский экваториальный парк
Ленартовский тропический парк
Ленартовский субтропический парк
Ленартовский умеренный парк
Ленартовский континентальный парк
Ленартовский океанический парк
Ленартовский морской парк
Ленартовский речной парк
Ленартовский озерный парк
Ленартовский болотный парк
Ленартовский лесной парк
Ленартовский степной парк
Ленартовский горный парк
Ленартовский пустынный парк
Ленартовский тундровый парк
Ленартовский полярный парк
Ленартовский экваториальный парк
Ленартовский тропический парк
Ленартовский субтропический парк
Ленартовский умеренный парк
Ленартовский континентальный парк
Ленартовский океанический парк

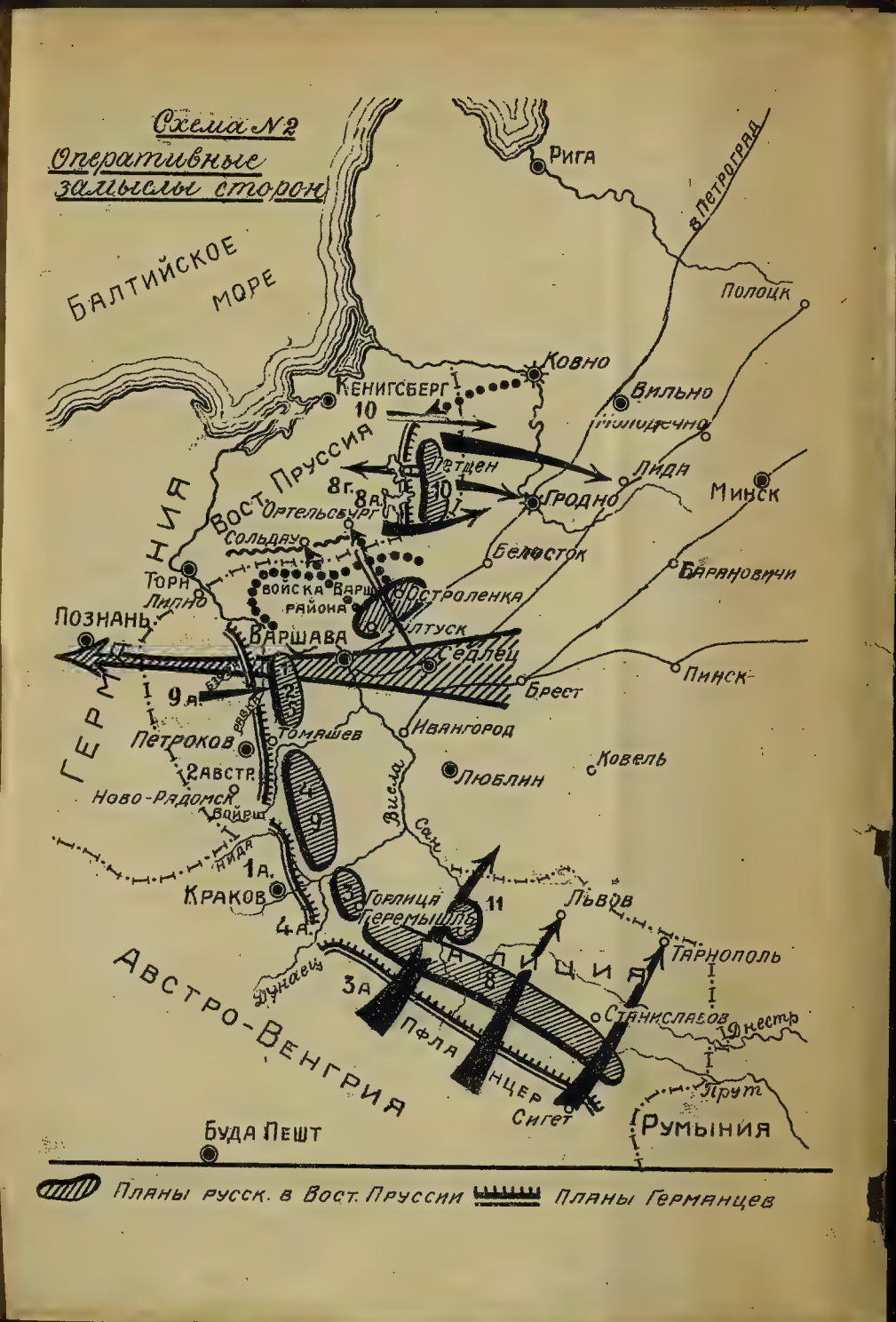


Схема № 2
Оперативные замыслы сторон
Балтийское море
Рига
в Петроград
Полоцк
Ковно
Кенигсберг
Вильно
Молодечно
Вост. Пруссия
Петцен
Лида
Минск
Гродно
Ортельсбург
Сольдау
Белосток
Барановичи
Торн
Липно
Войска Варш. района
Остроленка
Познань
Варшава
Седлец
Брест
Пинск
Германия
Петроков
Томашев
Ивангород
Ковель
Люблин
Ново-Радомск
Висла
Сан
Нида
Краков
Горлица
Перемышль
Львов
Тарнополь
Австро-Венгрия
Дунаец
Пфланцер
Станиславов
Днестр
Прут
Сигет
Румыния
Буда Пешт
Планы русск. в Вост. Пруссии
Планы Германцев

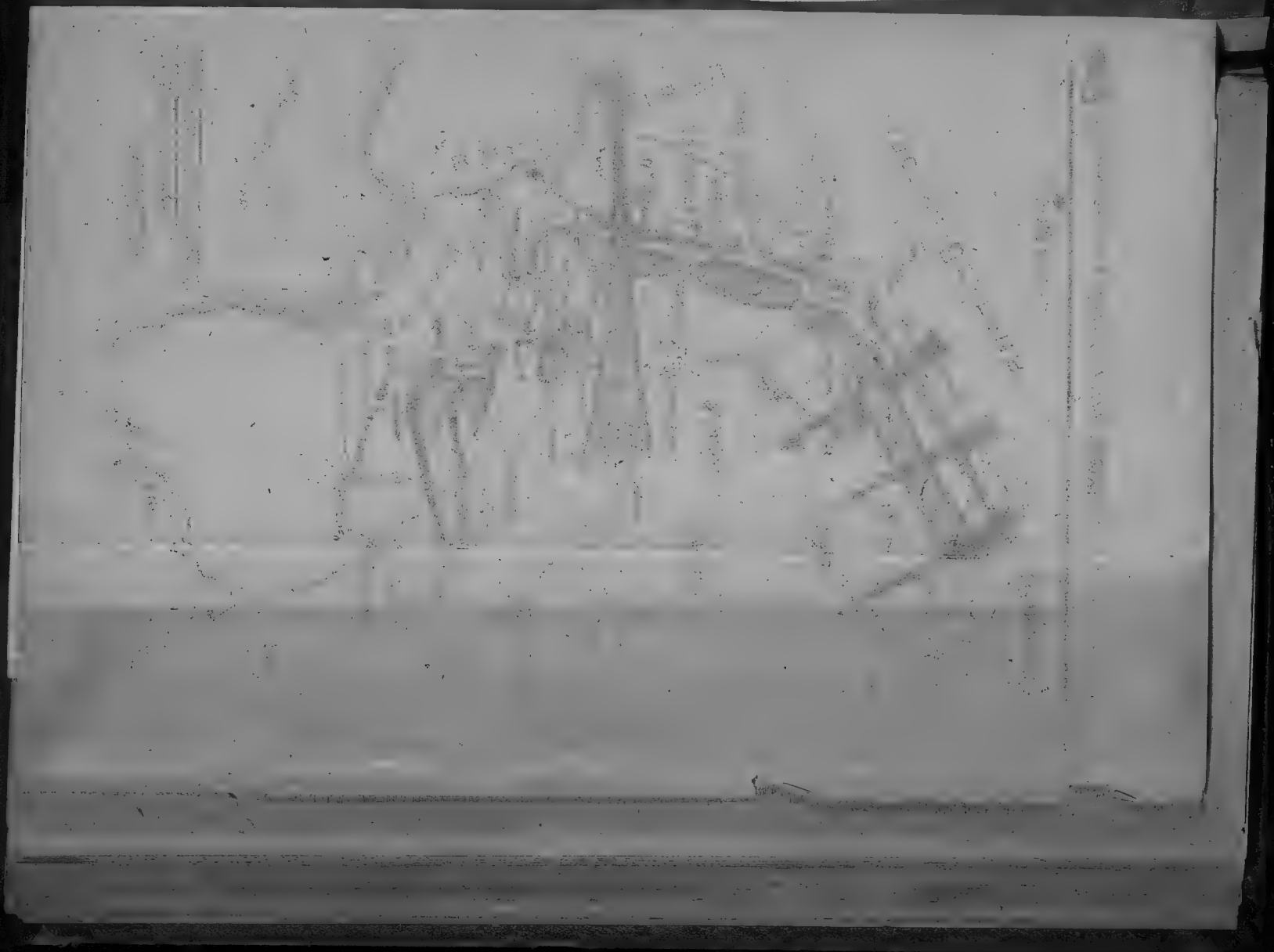


Схема №3.
Ласдененская операция
с 12/25 по 27/9 февраля
Отр. Апухтина
Тильзит
Тильз. отр.
С
Ю
Тряпенен
Шиленен
Любенен
Судярги
р. Неман
Хермонейтен
Н. Скордупенен
Гриклаукен
Резгале
Давайцы
Любинелен
Резики
Роженики
Ней Еглениннен
Ушболен
Эндрушен
Тылленинкен
Гр. Шиленинкен
Юкно
Ласденен
Дорушен
Будупенен
Гр. Верменинкен
кл. Шиленинкен
Пломшовен
Алкопупенен
Н. Лебегален
Ушборушен
Лачкелишкен
Саленен
Рукнен
Словики
Багдонен
Рагуленен
5 гд.
Дрозвальде
кл. Тылен
Шиленен
р. Шешупа
р. Инстер
Грюнкруг
Гр. Шореллен
Дауден
Шокельн
Дрогупонен
Мешкупен
Сачлен
Егленинкен
Абшрутен
Куссен
Пилькаллен
Вилюнен
Мальвишкен
Едеркемен
Кусс. отр.
Юзефович 21/3
Ваняпкен
Стр. Бискупского
Отр. Левицкого
Конн. Майделя
Ширвиндт
Владиславов
Брокупенен
Гр. Ворнинкен
к веч. 27/9
Кнтенау
56 д.
Юзефович к веч. 27/9
Гумбинен
Махаев к веч. 27/9
Сталупенен
Иодзунен
Тракенен
Рибинен
73 д.
III к-с
27 д.
р. Анграпп
Дипглаукен
Даркемен
Бискупский
Левицкий
к веч. 20/2
4 0 4 8 12 16 км

Схема №4
к директивным указаниям фронта и соображениям командарма 12

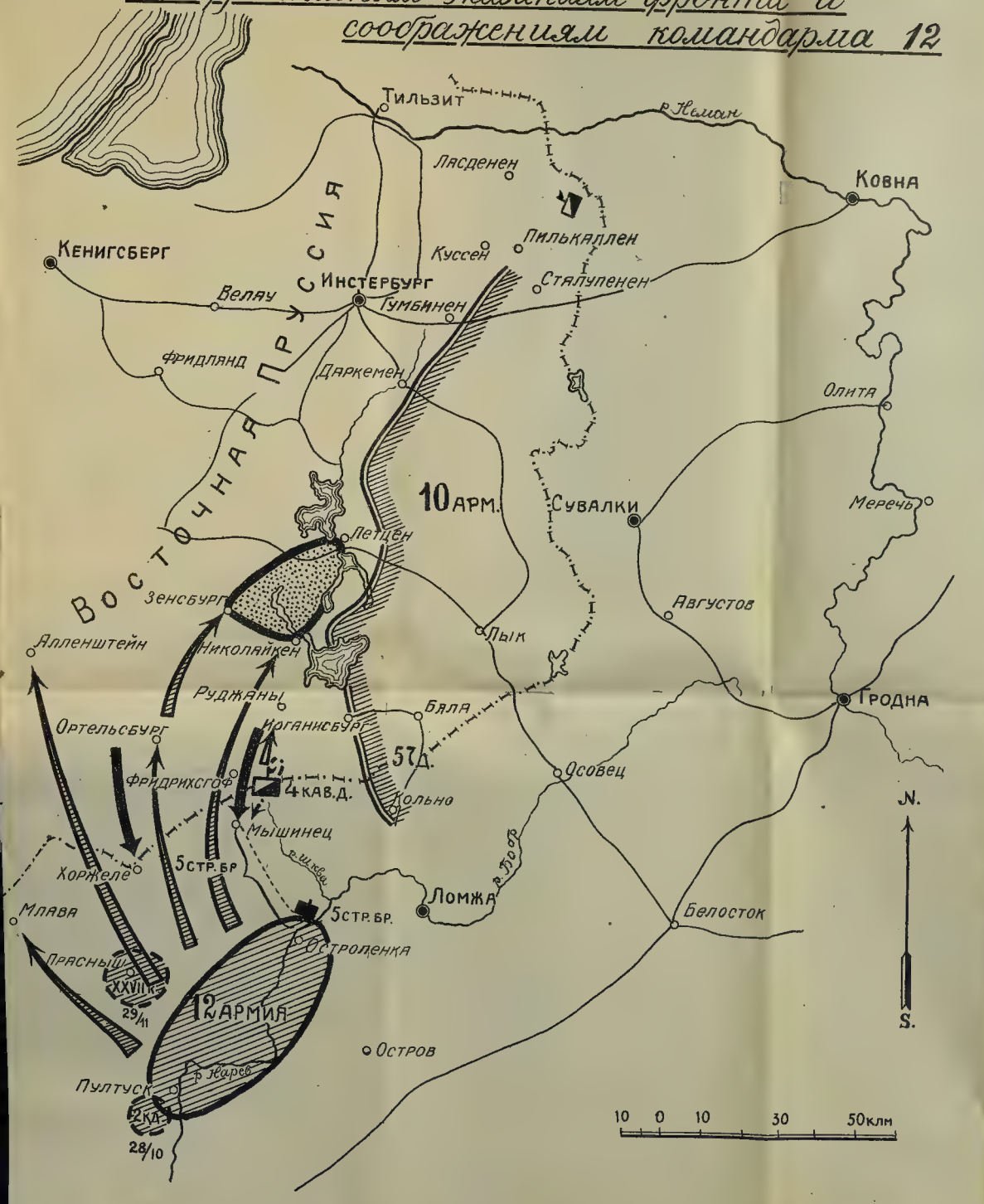


Схема №5
Действия III Сибирского к-са с 25/7 по 30/12 февраля

Схема №6.

Общая схема операций в Вост. Пруссии с 28/10 по 5/18 февраля 1915 г.

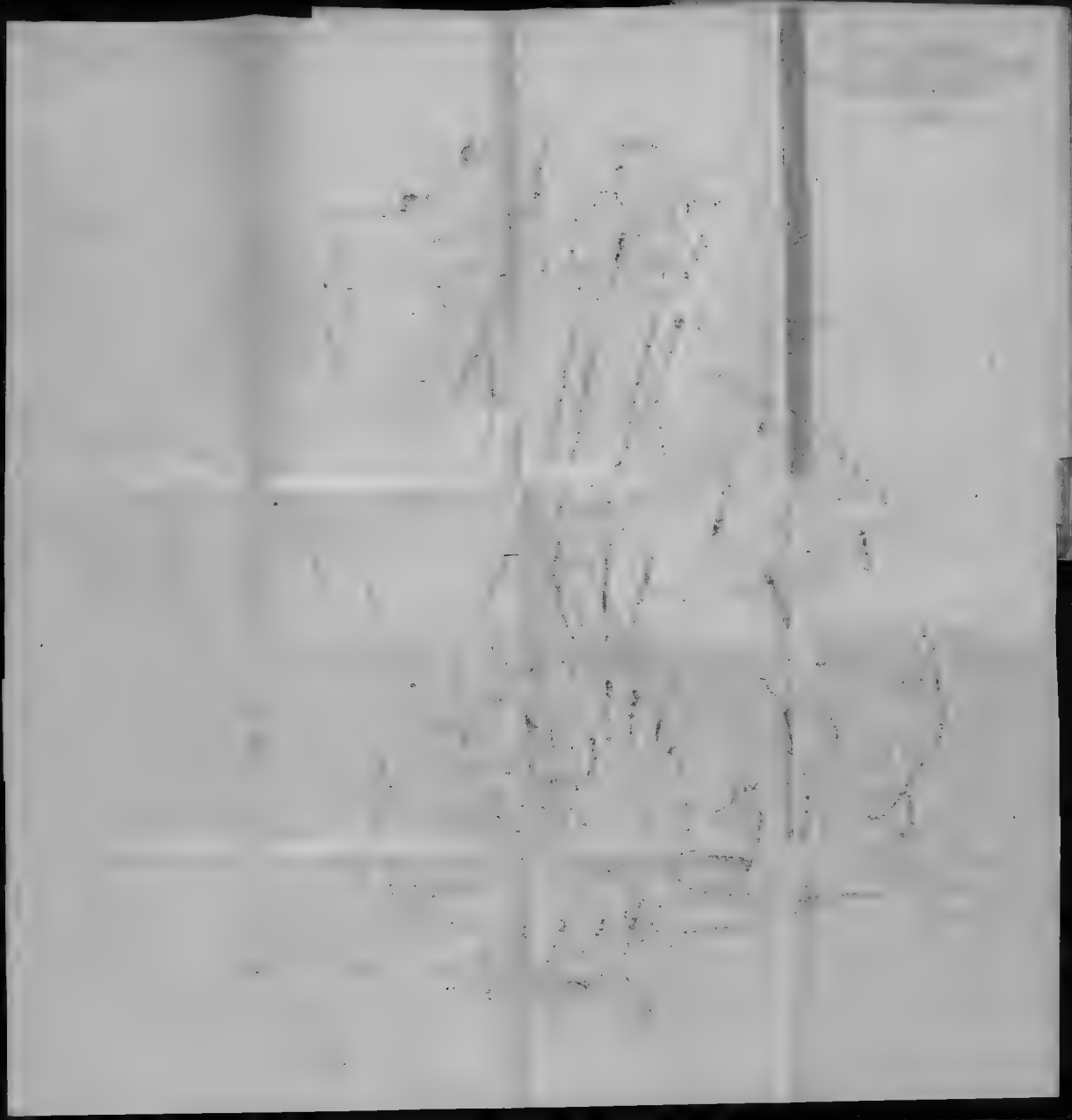
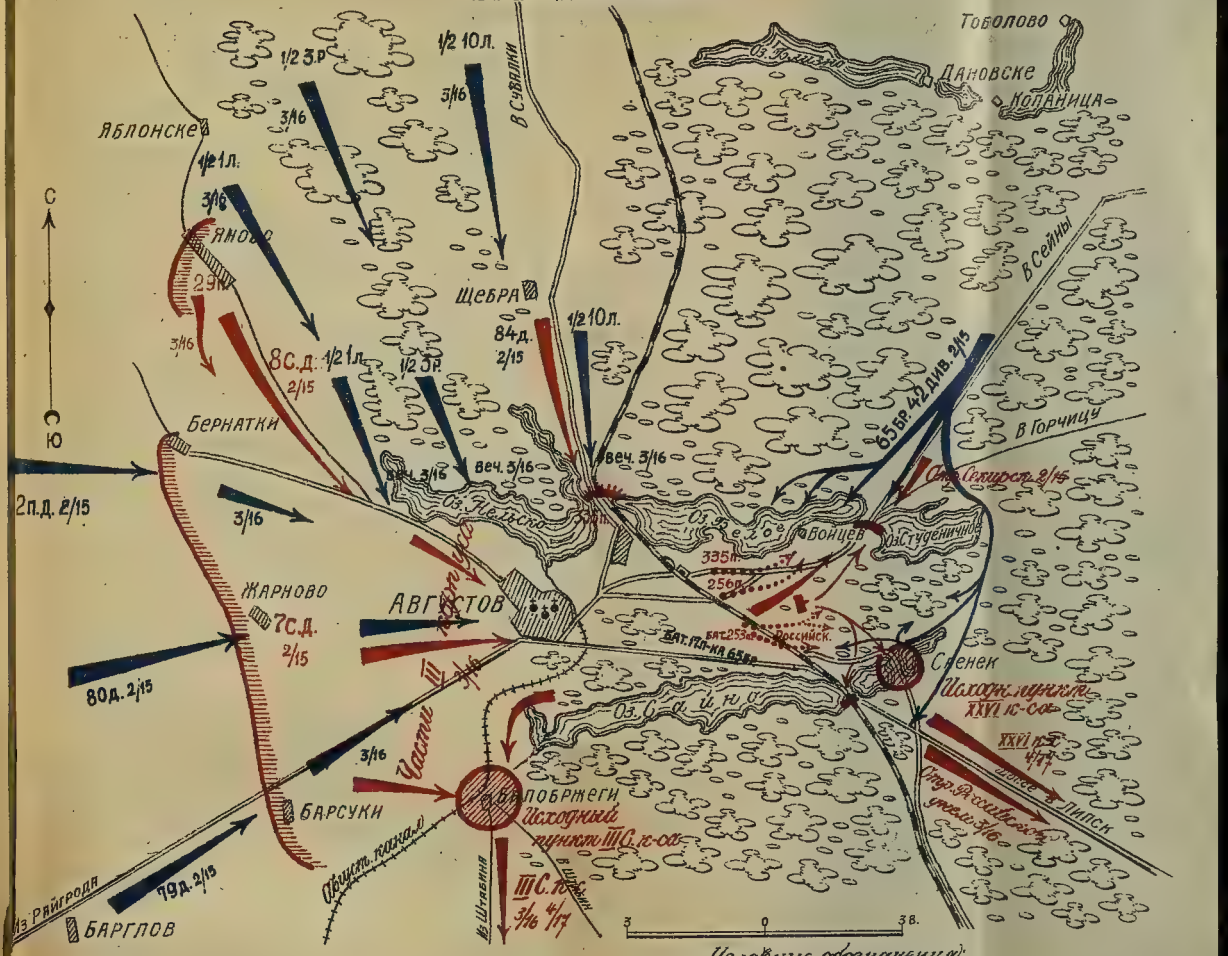


Схема №7
XX арм. к-с. Действия 2/15 и 4/17 февраля
Краснополь
Николяево
Чижов утр. 2/15
Оз. Вигры
Оз. Ляла
Погорельцы
Оз. Верхне
Ворсна
Гибы
Червоны Кржиж
Бризгель
Сернетка
Красна
Чижов
В 21 ч. 2/15
42 д.
С
Ю
27 д.
14 ч. 2/15
XX
Вальне
76 р.д.
4/17
78 р.д. и 2 в. и з. и я
4/17
Оз. Вижно
Соболово
Татарчиско
3/16
13 ч. 2/15
Глембокий Брод
Дановске
Копаница
208 п. 3 в. ч. 3/15 п. 4/17
Фроницки
13 ч. 2/15
Части 106 п.
16 пк.
15 ч.
3/16
59 бр.
4/17
Оз. Черновашево
Части 28, 29 и 53 див.
Серени Ляс
Махарце
Части 105 п.
Части 106 п.
Подсервы
11 ч.
3/16
108 п.
27 д.
Дальний Ляс
Стржельцов
Околок
Чижов
8 ч. 3/16
XX к-с
3/16
110 и 112 п.п.
Сервы
Оз. Серени
Горчицы
Пляска
Оз. Микашево
Сухарнечия
Чарны Брод
Августовский канал
р. Мишлева
3
0
3 в.

Отход III Сибирского и XXVI арм. корпусов

Схема № 8.

2/15 – 4/17 февраля



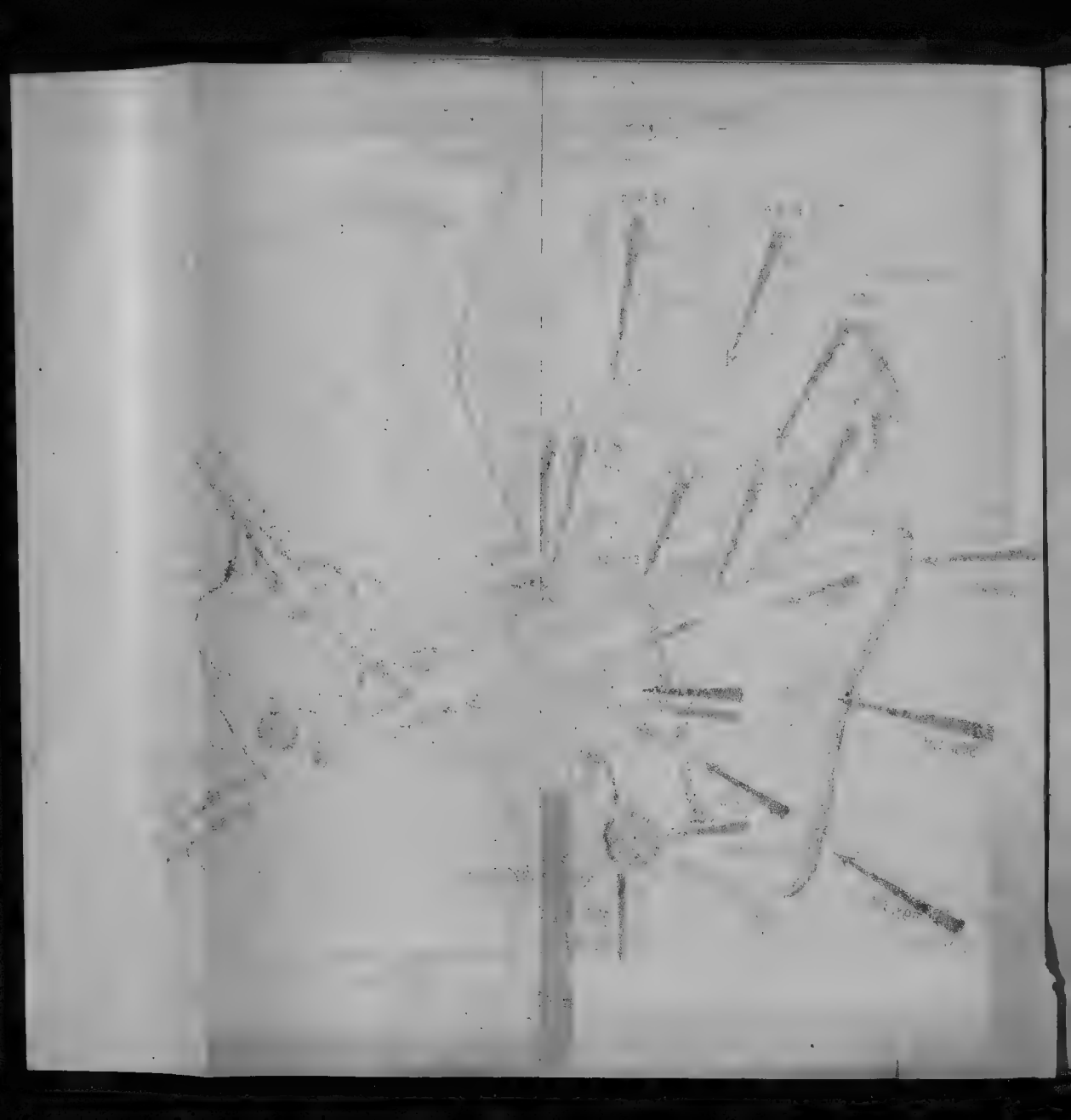


Схема № 9
Положение XX корпуса
4/17 – 8/21 февраля
Оз. Микашево
Микашевка
Тартак
Грушки
Рудавка
Волкушек
Липины
Любиново
Рубцово
Фольв. Млынек
Волкуш
Богатыри Ю.
Марковцы
Жабицке
Старожинцы
Бартники
Копчаны
Курьянка
Пос. Липск
Рогожин
Скрыники
п. Сопоцкин
Части 77 г.д.
42 г.д.
77 р.д.
76 р.д.
31 г.д.
2 г.д.
3 к. бр.
Части 31 г.д.
Части 28 и 53 д.
Чижов
Августовский канал
из Августова
из Ястржемоны
в Гродно
в Конюшки
3 0 3 вер.

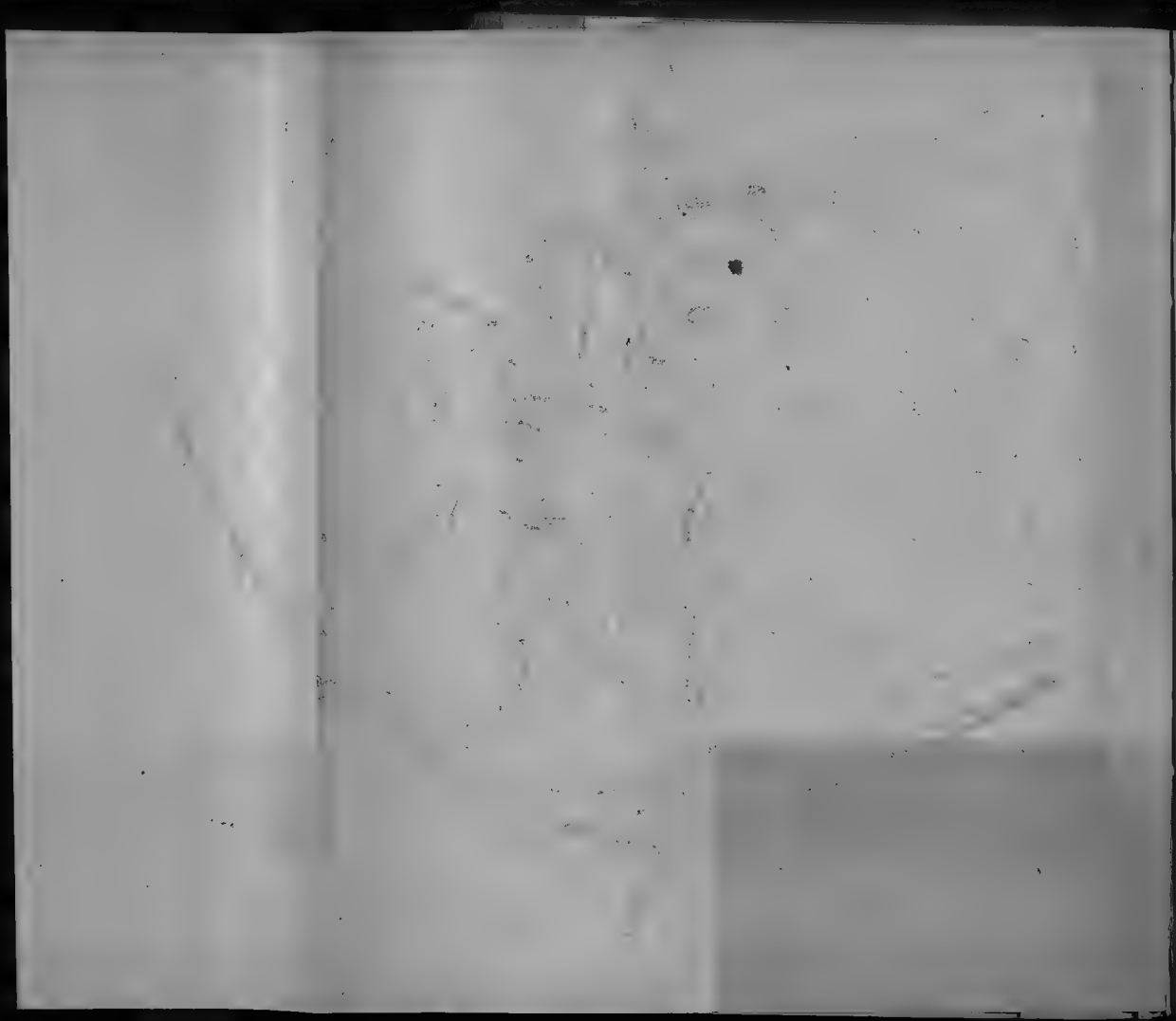


Схема №10.
Попытки освободить XX корпус
8/21 февраля.
Копциово
Горчица
Жарново
Августов
С
Ю
Липины
XX к-с
Сопоцкин
Богатыри
Копец
С. Астржембна
Ю
Сельвановцы
Гожа
Копчаны
Липск
Штабин
Курьянка
Ялово
100,3
Рыгаловка
Васарабы
Рогож
Фл.
Каменна
Хоружовцы
II к-с
Поддвуглы
Панарица
8 с.д.
Отр. росс.
Домброво
Новоселки
6 д.
р. Неман
Дубасно
Рогачи
Гродна
р. Бобр
Долистово
III Сиб. к-с
Суховоля
64 д.
Тричи
XXVI к-с
XV к-с
4 0 4 8 12 16 км